

Осмеяние невежества в поэзии XVIII века

© В. Б. СОРОКИН,
кандидат филологических наук

Российская книжная поэзия XVIII века началась просветительской сатирой и закончилась сентиментальной элегией.

“К уму своему” обратился А.Д. Кантемир в первой своей сатире “На хулящих учение” [1]. Галерею “хулящих учение” открывает Критон, который “с четками в руках ворчит и вздыхает”, что “дети... всему хотят знать повод, причину...”. За ним “Силван другую вину наукам находит”, считая, что “учение... голод наводит”, что “гораздо в невежестве больше хлеба жали”.

“С ума сошел”, – утверждает Силван, – “кто души силу и пределы испытает,.. чтоб строй мира и вещей выведать премену иль причину...”.

Силван одно знание слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

Ополчается против науки румяный бонвиван Лука, предпочитая ей хмельное застолье. Вслед за ним щеголь Медор “не сменит на Сенеку... фунт доброй пудры”.

“Мудрость всеблагая” – мать истинных знаний – остается тайной отрадой скромного труженика науки, который “пяля в книгу глаза, больших не добьется палат”:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита.

Трагическая коллизия *бедняк-ученый и преуспевающее невежество* – вот главная проблема первой сатиры Кантемира, определяющая желчный тон обличения и горькую самоиронию автора. Кантемир ввел в российскую поэзию типажи щеголя, скупца, ханжи, которые под разными именами вновь и вновь будут встречаться в комедиях, сатирах, эпиграммах, баснях, песнях.

На протяжении столетия, как пышный пион, расцвела и увяла ода, прочно укоренилась и обрусела басня, зачали многие изящные заморские жанры, зато бурно и щедро развилась песенная поэзия, получившая дань от всех стихотворцев столетия. До 1800 года было опубликовано более 3000 песенных текстов – это намного превышает число публикаций любого другого жанра в XVIII веке. Песня наиболее полно и разнообразно отразила чувства и умонастроения эпохи.

Особого внимания в отношении анализируемой темы заслуживают песни сатирические и комические, утверждавшие ценность познания через отрицание, осмеяние невежества.

Неуч, глупец, самодовольный и невежественный помещик-скопидом – этот вечный недоросль с разных сторон высвечивался текстами песен, жанр которых можно было бы определить как песня-кариатура:

Знай, как глупый человек
Проживает весь свой век:
Ест довольно, спит да бредит,
Что ни скажут, всему верит,
Вот как он свой век живет...
...Он за книгой не сидит...
...Не прельстится никакой
Он на свете красотой...
...Дураками всех зовет,
Кто не так, как он живет... [2. Ч. IV. № 52]

Глупец зовет всех дураками – у него свой “ум”, своя житейская мудрость. Глупость самодовольна, это вполне в ее природе.

Одна из комических песен “Если мыслю я когда, мыслю о любезной” завершается карикатурным обскурантизмом, якобы вполне устраивающим автора:

Что мне нужды, как тела
В воздухе летают?
Что мне нужды, в чем Невтон,
Лейбниц погрешают?
Кто не чувствует любви,
Тот для алгебры живи.
Тот пушай трудится [2. Ч. II. № 113].

В качестве продолжения темы самодовольной глупости можно привести еще несколько различных текстов. В частности, интересным примером песенной пародии является широко известная в свое время песня “Фекла, ты карикатура”, которая впервые была напечатана в 1798 году и в течение последующих 30 лет публиковалась 14 раз. В 1835 году первый куплет этой песни в одной из рецензий цитировал В.Г. Белинский, называя ее “старинной песней” [3]:

Фекла! Ты карикатура;
Гур! Нетесаный чурбак;
Ты невинна, что ты дура,
Я невинен, что дурак.

Безо всякого амура
Мы женились кое-как.
Ты счастлива тем, что дура,
Я тем счастлив, что дурак.

Я тебе не строил куры,
Ты любви не знала врак,
Ты решилась так, как дура,
Я женился, как дурак.

Свет мой мне моя конура,
Все науки мне пустяк.
Ты мила мне тем, что дура,
Я тем мил, что я дурак.

Без музыки, без тамбура,
Не читав пустых бумаг,
Ты проводишь день, как дура,
Я супруг твой, как дурак.

Все веселие для Гура
Спать, пить, есть, курить табак;
Ты день кончишь так, как дура,
Я спать лягу, как дурак.

Нас с тобою свет натура
Создала без мыслей, так.

Ты невинна, что ты дура,
Я невинен, что дурак.

Само сочетание – Гур и Фекла – стало комедийным. Именно так: Гур Филатович и Фекла Тарасовна – назвал героев своей комедии “Обращенный мизантроп или лебядянская ярмарка” в 1794 году П.Д. Копилов, где Гур – племянник фонвизинского Простакова. В XIX веке род “продолжает” Лев Гурыч Синичкин из водевиля Д. Ленского. К пародийным текстам этой группы следует добавить стихотворение А. Кайсарова “Ответ Фекле на ее любовь”, написанное в самом начале XIX века.

Последний куплет текста, как и соответствующие строки из песни И. Долгорукова, является отголоском слов комической песни “Ты напрасно лишь теряешь”, напечатанной в 1771 году в “Собрании разных песен” М.Д. Чулкова:

Я скажу, к чему натура
В свет тебя произвела,
Чтоб такая ж, как ты, дура
Тобой тронута была.

Эти слова, в свою очередь, можно считать откликом на строки А.П. Сумарокова из “Эпистолы о стихотворстве”: “Представь мне щеголя..., который родился, как мнит он, для амуру, Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру” (1748).

Эти песни ярко свидетельствуют о совокупном восприятии поэтического творчества эпохи: пародии одновременно откликаются на несколько разных произведений, имея целью высмеять тенденцию, стиль, тип, а не автора.

При отсутствии прямой связи, почти на подсознательном уровне эта группа песен хранит какой-то глухой отзвук шутовской свадьбы в знаменитом Ледяном Доме – последней скандально безрассудной забавы Анны Иоанновны с шутовским карнавальным парадом племен и народов Империи. Именно к этой свадьбе штатный придворный “пиита” В.К. Третьяковской сочинил комическую оду “Здравствуйте, женившись днесь, дурак и дурка...”.

Поэтическая состязательность сочинителей оставила в каждой тематической группе по несколько песен, парафразирующих друг друга, обыгрывающих удачные комические моменты. Сравнение их всегда интересно и показательно. Так, при всем огромном различии языка и стиля, типологически сходным приемом создания комизма является ироническое самоуничижение, известное в скоморошьей фольклорной традиции, средневековой письменности: Слово Даниила Заточника (XII в.), Послания Ивана Грозного (XVI в.), Сочинения Аввакума (XVII в.).

Развернутую характеристику невежды дают песни, предвосхитившие безмерную “мудрость” Козьмы Пруткина и чеховского “ученого

соседа". Первая из этих песен "Когда Клеант на свет родился" описывает с "глубокомысленными" комментариями незатейливую биографию Клеанта. Песня впервые напечатана в журнале "Вечера" в 1779 году (Ч. I. С. 189), затем помещена в раздел песен "сатирических" "Карманного песенника" И. Дмитриева (1796-й год). Завершает песню куплет, содержащий вполне басенную мораль:

Когда судить мы станем строго
И жизни разбирать начнем,
Найдем таких Клеантов много
И станем удивляться всем.

Чем же был славен Клеант?

Возрос и в хитрия науки
Еще во младости проник;
Он ведал то, что аз не буки,
Как всякий ведает старик...

...В науках, тако повесть пишет,
Клеантов был пространен дух;
Клеант то ведал, кто не слышит,
Так тот уже, конечно, глух.

Великой правды был любитель,
"Бову" считал совсем за ложь.
...Искусный был домостроитель:
Он ведал, что бобы, что рожь.

...Во славе дни его тянулись,
Но жизнь его прошла, как сон...

Вот славная биография небокопителя, каких много.

Здесь особенно саркастически использован "высокий штиль" – "возрос", "пространен дух", намек на "летопись" – "тако повесть пишет". Комизм несоответствия эстетической оформленности текста и содержания, контраст стиля и смысла – это одно из воплощений комического, как обманутого ценностного ожидания, веселого разочарования, когда один элемент художественной структуры внезапно обесценивается другим (стиль и смысл).

Известны еще две песни, где подобная же судьба рассказана от первого лица: то ли наивная саморазоблачительная исповедь, то ли пародийная сатирическая автобиография, причем именно отец героя – фигура очень примечательная, а комический эффект скрыт в как бы подразумеваемом намеке: "яблоко от яблони...". Обе песни близки, как варианты, редакции, перифразы, что довольно типично в практике пес-

нетворчества XVIII века. Стоит рассмотреть оба текста параллельно, в сопоставлении:

1-я песня:

Моя отчизна в той стране,
В которой я на свет родился...
...Зимой у нас отнюдь не пашут
И по летам морозов нет;...

А вот что сказано о батюшке:

...Всяк душу батюшкину знал
И кротости ея дивился;
Не помнят, чтобы он сердился,
Когда, бывало, почивал.

Он просвещения был звездой
И говорил однажды речь,
Что жидкость, названу водою,
Не можно в сите уберець [4].

2-я песня:

Я в том острове родился,
Где на свет произведен...
...Летом нету там морозов,
И зимою нет жаров...

Он обличьем был не дурен
И собой весьма красив,
И тогда лишь был нахмурен,
Он когда бывал гневлив...

От безделки до большого
О всем здраво рассуждал,
Что в дожде много сырого,
То публично утверждал [5].

Впечатление такое, что о себе рассказывают дети достопочтенного Клеанта. Думается, что авторы знали этого героя. Если представить, что это так, то и впрямь по народной поговорке: “Не из родни, а в родню”. Вообще в литературе XVIII века известна “семейственность”: фонвизинских Скотининых упоминали не только в нескольких комедиях, но и Пушкин в “Онегине”, а некоторые комедийные персонажи доводились им родней.

Прочитанные песни имеют разительное сходство. Даже если за этим сходством скрыт иноязычный прототип и песни являются вари-

антами перевода одного и того же стихотворения, пока нам неизвестно, то сам выбор текста для перевода означает его актуальность, злободневность, соотнесенность с осознаваемым типом, порожденным российской действительностью.

Литература

1. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. "Библиотека поэта. Большая серия". 2-е изд. Л., 1956. С. 57–88.
2. *Чулков М.Д.* Собрание разных песен. СПб., 1774.
3. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 235.
4. Московский журнал. 1792. Кн. VII.
5. Меркурий. 1793.

Зачин в “Житии Ф.В. Ушакова” А.Н. Радищева

© А. В. РАСТЯГАЕВ,
кандидат филологических наук

Важнейшее место в композиции “Жития Ф.В. Ушакова”, посвященного знаменитому адмиралу и флотоводцу, занимает зачин, представляющий собой сложное синтаксическое целое. Используемые в нем художественно-речевые средства скрепляют все элементы формы, будят читательское воображение, чувства и мысли, создают особый эмоциональный настрой.

Приведем этот зачин полностью: “Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, воспоминаешь иногда о днях юности своея; о времени, когда все страсти, пробуждаясь в первый раз, производили в новой душе не стройное хотя волнение, но дни блаженнейшие всея жизни соделовали. Беззаботный дух и разум неопытностью не претили в веселии распространяться чувствам, чуждым скорбного еще нервов содрогания. Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проникая начальную его твердость, когда не редко наиплачевнейший день скончался веселия изступлением. Отвлеки мысленно невинную часто порочность из деяний юности, найдешь, что после первых восторгов веселия, подобных в жизни своей не чувствовал. Первое веселие назвать можно вершиною блаженства, и по тому только, что оно первое; последующее уже есть повторение и нечаянности приятность его не живит. Не с удовольствием ли, мой друг, повторю я, воспоминаешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ, составляющем ныне мое утешение во дни скорьби, и надеяние мое для дней успокоения. Не возрадуешься ли, если узришь паки подавшего некогда нам пример мужества, узришь учителя моего по крайней мере в твердости. Воспомяни, о мой друг! Федора Васильевича сгараема внутренним огнем, кончину свою слышавшаго из уст нельстиваго своего врача, и к тебе, мой друг, к тебе прибегающаго на скончание своего мучения... Воспомяни сию картину, и скажи, что делалось тогда в душе твоей. Пиющий Сократ отраву пред друзьями своими наилучшее преподавал им учение, какого во всем житии своем не возмог” [1].

Такой зачин задает тему, раскрывающуюся в дальнейшем житийном повествовании, – юношеский союз душ, первые опыты юности, формирование личности под влиянием *мужества учителя*. Как наиболее крупная единица синтаксиса, сложное синтаксическое целое представляет собой структурно-семантическое единство, характеризующееся относительной завершенностью микротемы, смысловой и синтаксической спаянностью компонентов.

Перечислим структурные средства организации самостоятельных предложений в составе анализируемого отрывка:

– анафорическое употребление лексических средств: “*Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, вспоминаешь иногда о днях юности своя... Не с удовольствием ли, мой друг, повторю я, вспомнешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ...*”. Другой пример: “*Вспомяни, о мой друг! Федора Васильевича сгараема внутренним огнем... Вспомяни сию картину, и скажи, что делалось тогда в душе твоей...*” (Курсив здесь и далее наш. – А.Р.);

– единообразии обращений, встречающихся в отрывке четыре раза, что способствует концентрации читательского внимания и прочному установлению обратной связи: *любезнейший мой друг, мой друг, о, мой друг!*;

– синтаксический параллелизм, понимаемый нами, вслед за М.Л. Гаспаровым, как “тождественное или сходное расположение элементов речи в смежных частях текста, которые, соотносясь, создают единый поэтический образ” [2]. В нашем случае это: “Беззаботный дух и разум неопытностью не претили в веселии распространяться чувствам... Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце...”;

– соотнесенность видо-временных форм: *вспомняешь, найдешь, не возрадуешься ли, узришь – отвлеку, вспомяни, скажи*;

– повторяющиеся элементы, указывающие на образ автора жития: “не без удовольствия, думаю”; “не с удовольствием ли, мой друг, повторю я”. Заметим, что подробные авторские ремарки и замечания, связывающие разные части повествования, повторяются в “Житии” постоянно с небольшими вариациями. По мнению М.В. Ивановой, “такие авторские замечания, рассыпанные по тексту, а также местоимения и глагольные формы 1-го лица – сигналы образа автора” [3].

Существенную роль в объединении самостоятельных предложений в единое целое играет интонационное оформление: многочисленные однородные члены, союзы, частицы, обращения способствуют замедлению темпа изложения, концентрации напряжения, доводимого до пика к концу сложного синтаксического целого и подготавливающего читателя к появлению героя. Сам образ Федора Васильевича Ушакова вводится Радищевым в повествование с помощью риторического приема косвенной оценки – способа убеждения читателя в добродетелях

персонажа не путем открытого одобрения, а в сравнении с тем, что обществом оценивается заведомо положительно, в нашем случае – с образом Сократа, ставшего для последующих поколений воплощением идеала мудреца и мужественного человека.

В смысловом отношении данное сложное синтаксическое целое характеризуется лексико-семантической преемственностью, широтой охвата содержания, когда “каждое из последующих звеньев расширяет и развивает содержание предыдущих” [4]. Особую роль играет в нем ассоциативное семантическое поле юности, неопытности, создаваемое лексическими средствами: *дни юности, первые страсти, пробуждение страсти, новая душа, блаженство, беззаботный дух, неопытность, юное сердце, деяния юности, первые восторги, первое веселье, зарождения дружбы* и под.

Разнообразие средств создания художественности, их функциональная оправданность и значимость, языковые приемы сотворения целостности текста, самобытный узнаваемый писательский слог – все это дает возможность утверждать, что А.Н. Радищев явился одним из основоположников языка русской художественной прозы.

Литература

1. *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.–Л., 1938–1952. Т. I. С. 155–156.
2. *Гаспаров М.Л.* Параллелизм // Литературная энциклопедия терминов понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. С. 717.
3. *Иванова М.В.* Образ автора как интрига древнерусской словесности // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М., 2002. С. 308.
4. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1991. С. 386.

Самара

СОЦИАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ У П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

© Г. В. СУЛЕЙМАНОВА

П.И. Мельников-Печерский в своей эпопее “В лесах” и “На горах” увлекательно рассказывает об истории, быте, обычаях, морали старообрядцев, о буднях бурлаков, лесорубов, купцов, скитниц в старообрядческих скитах.

Рассмотрим некоторые названия лиц, встречающиеся в этих произведениях.

В романе “На горах” слово *белоручка* употребляется в значении “рукодельница”: “Сел он возле нее, видит – белоручка, сидит за белошвейной работой”. Работа белоручки ценилась, отличалась использованием дорогих материалов: “Пряли лен и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и белоручными работами: ткали шелковые пояски, лестовки, вышивали по канве... шили золотом...”.

Белоручка в книгах Мельникова-Печерского обозначает лицо женского пола. В Толковом словаре русского языка Ожегова и Шведовой данное слово толкуется как существительное общего рода. Оно помечено как “разговорное, неодобрительное”. В нем *белоручка* – это “человек, который чуждается физической или вообще трудной работы”.

Но в определенном ареале бытования, как видно из приведенных примеров, слово *белоручка* имело не отрицательное, а нейтральное лексическое значение. Видимо, это же можно сказать и о слове *захребетник*, которое в современном русском языке означает человека, живущего чужим трудом, на чужой счет; туеядца, дармоеда. В Малом академическом словаре оно помечено как “презрительное”, а в Толковом словаре русского языка Ожегова и Шведовой – как “разговорное”. Подробно истолковано оно в Словаре В.И. Даля: а) бобыль, бестягловый, плохой рабочий; б) наймит, батрак, казак, работник; в) рабочий гость, пришедший на страдное время; г) дармоед, приставший к пирушке на помочи; д) человек, купленный на имя своего барина крестьянином, исправлявший за него барщину.

Значение, которое имеет это слово в книгах Мельникова-Печерского, находим только в XI выпуске “Словаря русских народных говоров”: “Чужой мальчик на иждивении семьи”.

Из романа “В лесах” узнаем, что в село Городец Нижегородской губернии из соседних и дальних деревень привозили, приносили и подкидывали новорожденных незаконных детей, а иногда даже и родных:

“В Городце редку неделю двух-трех подкидышей не бывало”. «Чужих детей принимали крестьяне с великою радостью, из-за них даже свары и ссоры бывали – и тому взять хочется и другому охота. Такую страсть до чужих детей надо тем объяснить, что по возрасту они взамен родных детей в рекруты сдавались. В лесах за Волгой таких приемышей зовут “захребетниками”».

Одного из таких подкидышей нашли в овраге 26 мая, в день святого Карпа. Жители деревни выпросили его, обещав растить всем миром, то есть как общедеревенского захребетника. Мальчика назвали Карпом в память святого, отчество присвоили по имени старосты Алексея, который свез его. И фамилию дали вполне мотивированную – Морковкин: во рту подкидыша нашли соску с жеваной морковью. “И поромовскому мирскому захребетнику вышло полное прозвище: Карп Алексеев Морковкин”; “Семибатькин сын, семиматерное детище росло себе да росло...”

Карп стал писарем, но крестьяне возненавидели своего общественного захребетника, говорили: “Знать бы да ведать, не сдавать в науку овражного найденыша!.. Кормить бы, поить его, окаянного, что свиной на убой. Не ломался б над нами теперь, не нес бы высоко поганой головы своей! А все бабы! Они в ту пору завыли невесть с чего...”. Даже девушки предупреждали свою подружку не дружить с Морковкиным: “То разумеи, что девку, мирским захребетником обцелованную, не то что хороший парень, последний кабацкий пропойца за себя не возьмет”.

Название *захребетник* применительно к данному персонажу имеет негативное значение, как и в специальном словаре Д.А. Маркова [1], но в целом Мельников-Печерский представляет “институт захребетничества” в положительном свете: “Зачастую в русском простонародье бывает, что приемыш зауряд с родным сыном идет, наследство даже с ним равное по смерти богоданных родителей получает”.

Приведем теперь два примера из романа “На горах”, в которых писатель обращается к прямому значению слов. Отглагольное прилагательное *знатный*, означающее прославившегося своей деятельностью человека, которого знают все, зафиксированное Толковым словарем русского языка Ожегова и Шведовой, является основным в современном русском языке, а два других (принадлежащий к знати и отличный, высокий по качеству) употребляются реже. В книге “На горах” это прилагательное встречается в значении, соотносительном с глаголом *знать* и отглагольным существительным *знание*, а не с омонимичным существительным *знать*: “Знатные люди, ученые преклонялись передо мной, простой девушкой, только грамоте обучившейся в заволжском скиту!” В пользу данного толкования свидетельствует, во-первых, уточняющее прилагательное *ученые*, во-вторых, противопоставление *знатные, ученые* – *только грамоте обучившаяся*. О знаменитости или

прославленности, тем более принадлежности к знати упоминаемых в цитате людей не приходится говорить, поскольку речь идет о преследовавшихся властями хлыстах, у которых “все по тайности”.

А в современном русском языке семантическая связь и словообразовательные отношения прилагательного *знатный* с глаголом *знать* окончательно утеряны. Академик В.В. Виноградов считает, что “отглагольное прилагательное *знатный* исчезло не без влияния омонима *знатный*, соотносительного с именем существительным *знать*” [2].

Другой пример обращения к исходному значению слова находим в романе “На горах”. Существительное *старатель*, соотносительное с глаголом *стараться*, иллюстрирует еще не завершившийся в XIX веке процесс его семантической архаизации: “Парень был разумный, смиренный такой, рассудительный. А из себя красота, всем взял, и лицом, и ростом, и дородством. И на всякую работу по дому только его взять...

Самолучшим токарем по всей здешней стороне славился...по дому во всем старатель”.

В Толковом словаре Ожегова и Шведовой у этого слова лишь одно значение: “рабочий, занимающийся кустарной добычей золота”. Следовательно, значение, в котором оно выступает в приведенном примере, для современного русского языка устаревшее. Однако его нельзя считать окончательно забытым, потому что оно нашло отражение в Малом академическом словаре русского языка: “тот, кто проявляет заботу, попечение о ком-, чем-либо”. В.И. Даль также отмечает: старатель – тот, “кто старается о чем-либо; усердник, рачитель, ревнитель, попечитель”.

Мельников-Печерский, сам являясь усердным ревнителем русского слова, в названиях лиц стремился наиболее полно отразить те их значения, которые были характерны для речи обитателей Заволжья и Нагорья в XIX веке.

Литература

1. Марков Д.М. Словарь к роману П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” // Уч. зап. Москов. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 12. Вып. 7. М., 1961.
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 204.

Махачкала

Три владельца “Нимфы”

Торговые знаки в романах И. Ильфа и Е. Петрова

© А. А. МУРЕНКОВА

Сразу запоминающиеся названия вывесок погребальной конторы “Милости просим” и похоронного бюро “Нимфа” без долгих предисловий вводят читателя в сатирический и парадоксальный мир города N, возникающий на страницах романа “Двенадцать стульев”.

В произведениях И. Ильфа и Е. Петрова разнообразные названия торговых марок представлены очень широко. Их можно назвать “энциклопедией советской жизни” первых пятилеток. Об особом внимании этих авторов к собственным именам фирм и товаров свидетельствует отрывок из воспоминаний Е. Шатрова:

«Две грустные фразы в “Записных книжках” – вот, пожалуй, и все, что сказал Ильф о своем несчастье. За несколько дней до смерти, сидя в ресторане, он взял в руки бокал и грустно сострил:

– Шампанское марки “Ich sterbe” (“Я умираю” (немецк.)). Как известно, “Ich sterbe” были последние слова А.П.Чехова, тоже скончавшегося от туберкулеза» [1].

Вспоминая Ильфа и Петрова, их друзья постоянно подчеркивают одну из главных черт характеров этих писателей: они были по-детски любознательны, пытливы и внимательно вглядывались в окружающий мир: “Бродить с Ильфом по городу было удовольствием, ни с чем не сравнимым. Замечания его об архитектуре домов, об одежде прохожих, о тексте вывесок и объявлений и обо всем другом, что можно увидеть на городской улице, представляли собой такое великолепное сочетание иронии с деловитостью, что время и расстояние в таких прогулках начисто переставали существовать” [2]. Наблюдения, почерпнутые из жизни, писатель старался заносить в записные книжки. “Смешное он видел там, где мы ничего не замечали. Проходя подворотни, где висели доски с фамилиями жильцов, он всегда читал их и беззвучно смеялся. Запомнились мне фамилии Бенгес-Эмес, Лейбедев, Фунт, которые я потом встречала в книгах Ильфа и Петрова” [3]. Фамилия Лейбедев появляется в “Золотом Теленке”: «И с улыбкой превосходства он глядел на одиноких нэпманов, догнивающих под вывесками: “Торговля това-

рами камвольного треста Б.А. Лейбедев”, “Парча и утварь для церквей и клубов”»; «Под нажимом государственного прессы трещит финансовая база и Лейбедева, и Пятницы, и владельцы музыкальной лжеартели “Там бубна звон”» [4. С. 62].

Появляющаяся во время поездки на Кавказ в записной книжке Ильфа транспортная организация («Везли бесплатно в автоколымаге “Закавтопромторга”» [5. С. 25]) потом будет обслуживать Остапа Бендера и Воробьянинова: “У Владикавказского вокзала приезжающих ждал большой открытый автобус” [6. С. 381].

Многие названия в их романах основаны на мастерской игре слов, насыщены аллюзиями на различные литературные произведения (“Бакалейная лавка Х. Робинзон и М. Пятница” – имя Робинзон в связи с бакалейными товарами напоминает образованным читателям пьяницу Робинзона из “Бесприданницы” А.Н. Островского, упоминание рядом Пятницы вообще отсылает к первоисточнику – “Робинзону Крузо” Д. Дефо, а разделительный мягкий знак соединяет в одно два слова: “пятница” и “пьяница”). Отсылки к библии напоминают следующие названия: «Обед на двоих (одно первое – борщ монастырский и одно второе – фальшивый заяц или настоящая лапша), съедаемый честно пополам в вегетарианской столовой “Не укради”, – вырывал из бюджета пятнадцать рублей в месяц» [6. С. 171]; «И молодой человек в замечательных сандалиях увлек Зосю под тусклую вывеску кино “Камо грядеши”, быв. “Кво вадис”» [4. С. 107]. В названии организации “ФОРТИНБРАС при УМСЛОПОГАСЕ” с помощью выделения этих слов прописными буквами явно пародируются неудобопроизносимые советские аббревиатуры. Здесь соединены имена двух литературных героев: норвежского принца из трагедии У. Шекспира “Гамлет, принц датский” и зулусского воина из романа Р.Г. Хаггарда “Аллен Квотермейн”. Литературное происхождение имеет и название одеколона: «Желтое японское солнышко светило в упор, затрачивая всю свою силу на освещение такой мелочишки, как граненая пробка от пузырька с одеколоном “Турандот”» [4. С. 137].

Соединение в одном названии нерядоположных названий, например, «Акц. о-во “Жесть и бекон”», показывает новый строй и общество с абсурдной стороны. Об этом же свидетельствует и следующий пример: «Были на доме еще два украшения, но уже чисто коммерческого характера. С одной стороны – лазурная вывеска “Одесская бубличная артель – “Московские баранки”. На вывеске был изображен молодой человек в галстук и коротких французских брюках. Он держал в одной, вывернутой наизнанку руке сказочный рог изобилия, из которого лавиной валяли охряные московские баранки, выдававшиеся по нужде и за одесские бублики. При этом молодой человек сладострастно улыбался» [6. С. 93]. В 1920-е годы парадоксы подобного рода – вполне заурядное явление: на вывеске указывались место официальной реги-

страции фирмы и ее название, иногда совпадавшее – полностью или частично – с наименованием основной продукции. К примеру, в Поволжье была широко известна «Саратовская артель “Одесская халва”», а в Одессе – “Московская вегетарианская столовая”, где подавались “московские горячие блины”. Также весьма иронично по отношению к советской промышленности звучит фраза: “Он предпочитал исполкомы, обставленные новой шведской мебелью ленинградского древтреста” [4. С. 18].

Авторы сатирически характеризуют качество изделий советской промышленности, напрямую сравнивая с зарубежной: “Паниковский и Балаганов с детским любопытством разглядывали пассажиров, из которых двое имели весьма надменный заграничный вид. Третий, судя по одуряющему калошному запаху, исходившему от его резинокостюмного плаща, был соотечественник” [4. С. 77]. В романе “Двенадцать стульев” есть описание жертвы издательского головотяпства – учителя географии: «Географ сошел с ума совершенно неожиданно: однажды он взглянул на карту обоих полушарий и не нашел на ней Берингова пролива. Весь день старый учитель шарил по карте. Все было на месте: и Нью-Фаундленд, и Суэцкий канал, и Мадагаскар, и Сандвичевы острова с главным городом Гонолулу, и даже вулкан Попокатепетль, а Берингов пролив отсутствовал. И тут же, у карты, старик тронулся. <...> По имеющимся у авторов сведениям, на карте, которая свела с ума бедного географа, Берингова пролива действительно не было. Отсутствие пролива было вызвано головотяпством издательства “Книга и полюс”» [4. С. 172]. Также авторы высмеивают комичные бренды новой жизни: «И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук “Мечта ударника”, толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка “Купающаяся колхозница” и дамские пробковые подмышники “Любовь пчел трудовых”» [4. С. 98].

В 20-е годы еще не окончательно прервался поток импортных товаров – например, в романах “Двенадцать стульев” (1927–1928 гг.) и “Золотой теленок” (1931 г.) упоминается много иномарок, даже таких, о существовании которых мы теперь уже давно забыли:

«А Козлевич, наш верный Адам, получит новую машину. Какую вы хотите, Адам Казимирович? “Студебеккер”? “Линкольн”? “Ройс”? “Испано-сюзизу”? [4. С. 254].

В текстах произведений И. Ильфа и Е. Петрова упоминаются также знакомые нам автомобили “Фиат”, “Рено” и “Кадиллак”: «Гаврилин часто приезжал в старом простуженном “Фиате” на постройку станции» [6. С. 131]; «В Москву прибыли сто двадцать маленьких черных, похожих на браунинги таксомоторов “рено”» [4. С. 38]; «Закрытый серый “кадиллак”, слегка накренившись, стоял у края дороги» [4. С. 77].

Авторы в сатирических целях переводят название американской фирмы “General Electric” как “Всеобщая Электрическая Компания” –

хорошо законспирированная сатира на “план ГОЭЛРО”, главный лозунг которого: “Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны” пародируется Бендером как “Электричество плюс детская невинность – полная гарантия добропорядочности фирмы”: «Нет, знаете, Елена Станиславовна, это еще что! У них четыре мотора “Всеобщей Электрической Компании” остались. Ну, эти кое-как пойдут, хотя кузова такой хлам!.. Стекла не на резинах. Я сам видел. Дребезжать это все будет!.. Мрак! А остальные моторы – харьковская работа. Сплошной Госпромцветмет. Версты не протянут...» [6. С. 96]. “Харьковская работа” – продукция электротехнического завода в Харькове. По мнению Полесова, отечественные моторы столь низкого качества, что целесообразнее было бы сразу же использовать их не по прямому назначению, а в качестве источников цветных металлов, вторичного сырья, сбор которого был одной из задач Объединения государственных предприятий по добыче и обработке цветных металлов, сокращенно именовавшегося трест “Госпромцветмет”.

В романе встречается множество дореволюционных фирм. О стульях, за которыми гоняются Бендер и Воробьянинов, говорится: “Мебель была превосходная, гамбсовская” – речь идет о фирме, которую основал немецкий мастер-мебельщик Г. Гамбс (1765–1831), работавший в России с 1790-х годов. В 1810 году он получил право именоваться “придворным мебельщиком”, а с 1828 года фирму возглавил его сын П.Г. Гамбс, при котором с 1860-х годов изготовлялись гарнитуры, подобные тому, что описан в романе. Знаменитая “гамбсова мебель” – ореховая, округлых форм, на изогнутых ножках – обивалась кожей, штофом или ситцем.

При описании совершенно невообразимых условий жизни в студенческом общежитии имени монаха Бертольда Шварца авторы иронически замечают: “Человек, лишенный матраца, большей частью пишет стихи:

Под мягкий звон часов Буре приятно отдыхать в качалке.

Снежинки вьются на дворе, и, как мечты, летают галки” [6. С. 173].

В 1920-е годы швейцарские часы Буре считались признаком респектабельности. Встречаются они и в “Золотом Теленке”: «А потом, подпрыгивая от злости, на ночных столиках зальются троечным звоном мириады будильников (фирмы “Павел Буре” – потише, треста “Точный механик” – позвончее), и замычат спросонок советские служащие, пада с высоких девичьих кроваток» [4. С. 48].

Упоминается и знаменитый ресторан “Прага” на Арбате: «После недолгих уговоров Ипполит Матвеевич повез Лизу в образцовую столовую МСПО “Прагу” – лучшее место в Москве, как говорил ему Бендер» [6. С. 200]. МСПО – Московский союз потребительских обществ – организация, объединявшая продовольственные магазины, столовые, кондитерские и колбасные фабрики, хлебопекарни и т.п. Арбатский

ресторан “Прага”, подобно многим другим аналогичным заведениям, в 1927 году официально именовался “столовая-кафе”.

В романах, наряду с реально существовавшими названиями и торговыми марками, встречаются и придуманные авторами. Такие они, по нашему мнению, еще точнее отражают дух и быт того времени, так как реальное название может быть явлением единичным и случайным, а авторские названия составлены по типичному для того времени образцу. Например, в текстах И. Ильфа и Е. Петрова можно проследить тенденцию наименования гостиниц в честь разных стран, городов и мировых столиц. Причем, чем глуше местность, тем более громкое название будут носить ее гостиницы: “Карлсбад”, “Каир”, “Флорида”, “Сорбонна” “Ливадия”, “Франция”, извозчицья чайная “Версаль”. «Однажды, когда вы вернетесь в пустой, холодный номер гостиницы “Марсель” (это будет где-нибудь в уездном городе, куда занесет вас профессия), вы почувствуете себя плохо» [4. С. 67]. В «“Записных книжках” Ильфа встречается пивная “Вавилон»» [5. С. 27]. В “Двенадцати стульях” читаем: «Во “Франции” заходили сонные фигуры и раздались крики барана, которого волокли за ноги на кухню».

В некоторых названиях можно проследить понятный современникам намек на реально существовавшие предприятия: «Двести рублей, которые ежемесячно получал ее муж на заводе “Электролюстра”, для Элочки были оскорблением» [6. С. 218]. Такого завода в Москве не было. Вероятно, это аллюзия на 1-ю и 2-ю фабрики “Электролампа”, входившие в Государственный электротехнический трест – “ГЭТ”. «С другой стороны – упаковочная контора “Быстроупак” извещала о себе уважаемых “гр. гр.” заказчиков черной вывеской с круглыми золотыми буквами» – намек, понятный тогдашним москвичам: на Цветном бульваре находилась контора “кооперативной артели” со сходным названием – “Быструпак”. Это же название мы встречаем в “Записных книжках” И. Ильфа: «Упаковочная контора “Быстроупак»» [5. С. 27].

При описании предприятий вымышленных городов Старгорода и Черноморска (впрочем, под Черноморском легко угадывается Одесса, в которой родились и И. Ильф и Е. Петров) авторы образуют их названия, присоединяя к популярным в то время советским аббревиатурам соответствующие начальные буквы или слоги, при этом слова с приставкой *стар-* получают дополнительное значение устарелости, ветхости, ненужности, а слова с приставкой *черно-* – значение “черной”, подпольной, обманной деятельности государственных структур: “Сейчас мы отпилим по кусочку (имеются ввиду украденные Балагановым и Паниковским гири), – озабоченно сказал Паниковский, – а завтра утром продадим. У меня есть один знакомый часовщик, господин Биберах. Он даст настоящую цену. Не то, что в Черноторге, где никогда настоящей цены не дадут” [4. С. 211] – здесь *Черно-* – это и Черноморск, и торговля черным металлом, и место, где обманут, настоящей цены не дадут, “черное” ме-

сто). “Какие теперь магазины! Теперь только очереди, а магазинов нет. И названия у этих магазинов самые ужасные. Старгико!” Вероятно, речь идет о старгородском ГИКО – губернском инвалидском кооперативе. Такого рода организации в 1920-е годы объединяли ремесленные артели инвалидов и располагали собственными складами, магазинами и т.п. «Шифоньер – в Горвоенком, гардеробов три штуки – в детский интернат “Жаворонок”... И еще один гардероб – в личное распоряжение секретаря Старпродкомгуба» [6. С. 109] – имеется в виду продовольственный комитет Старгородской губернии. Губернские и уездные продовольственные комитеты (продкомы) были созданы в 1918 году как местные заготовительно-распределительные органы Народного комиссариата продовольствия РСФСР. Осенью 1921 года преобразованы в продовольственные отделы местных Советов. «Потом Кислярский зашел в кондитерскую ССПО, бывшую “Бонбон де Варсови”, выкушал стакан кофе и съел слоенный пирожок» [6. С. 262]. *Bonbon de Varsovie* (фр. – варшавская конфетка) – кондитерская фирма в предреволюционной России, а кондитерская ССПО – это кондитерская Старгородского союза потребительских обществ.

По наблюдениям И.В. Крюковой, стилизованные названия брендов, становясь символами широко известных художественных произведений, приобретают статус прецедентных имен, которые образуют особую группу внутри класса имен собственных [9], инвариантное представление обозначаемого ими “культурного предмета” является общим для всех членов лингвокультурного сообщества. Приведем наиболее характерные примеры прецедентных имен из произведений И. Ильфа и Е. Петрова. Тайное общество, организованное Остапом Бендером, получило название “Союз меча и орала” («–Тайный “Союз меча и орала”! – зловеще прошептал Остап. “Десять лет”! – мелькнула у Кислярского мысль» [6. С. 147].) Это название стало употребляться по отношению к любой организации, занимающейся нелегальными, сомнительными, странными делами. Близко по значению и название другой фиктивной фирмы, также организованной Остапом Бендером, – “Рога и копыта” в романе “Золотой теленок”: «Вскоре, однако, шторы снова поднялись, и над бывшим ковчегом частников появилась небольшая опрятная таблица: “Черноморское отделение Арбатовской конторы ПО ЗАГОТОВКЕ РОГОВ И КОПЫТ”» [4. С. 160]). Это название стало популярным. Читателям “Литературной газеты” хорошо известна расположенная на последней странице сатирическая рубрика “Рога и копыта”. Автомобиль “Лорен-дитрих”, на котором Остап Бендер и его компаньоны совершали автопробег, был назван “Антилопа Гну”. Это название употребляется по отношению к сообществу авантюристов. Например: «На “Антилопе Гну” новые пассажиры» (Лит. газ. 1994. № 34). Ср. название команды КВН Новосибирского Государственного университета – “Антилопа НГУ” [8. С. 246].

Таким образом, в романах “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок” бренды выступают не только как одно из ярких средств характеристики быта эпохи, но и как средство обличения и сатиры, обнажающей фальшь и абсурд нового строя. В своих романах И. Ильф и Е. Петров реализуют готовые названия, аббревиатуры, характерные для описываемой эпохи – конца двадцатых годов XX века, но при этом акkuratно, с большим лингвистическим вкусом внедряют выдуманные названия-шутки, органично вписывающиеся в тексты и создающие их особый колорит. Товарные знаки играют здесь очень важную роль: они мастерски маскируют сатиру на советскую власть. Благодаря этой конспирации роман смог увидеть свет – критика довольно долго пребывала в растерянности, несмотря на то, что популярным роман стал сразу же, разошелся на пословицы и поговорки – авторы “Двенадцати стульев” шутили очень рискованно, высмеивали отечественную прессу, издавались над традиционными советскими пропагандистскими установками. В итоге, как известно, советские литературоведы условились считать очевидным, что объект сатиры Ильфа и Петрова – “отдельные недостатки”, а не “советский образ жизни” [10].

Литература

1. Ардов В. Чудодеи. М. 1992. С. 64.
2. Мунблит Г. Илья Ильф // Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М., 1963.
3. Лишина Т. Веселый, голый, худой // Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М., 1963.
4. Ильф И. и Петров Е. “Золотой теленок”. Авторская редакция. М., 2006.
5. Ильф И. Записные книжки. М., 2001.
6. Ильф И. и Петров Е. Двенадцать стульев. Авторская редакция. М., 2006.
7. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1987. Т. 8. С. 354.
8. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Монография. Волгоград, 2004.
9. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
10. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Легенда о великом комбинаторе, или Почему в Шанхае ничего не случилось// Ильф И., Петров Е. “Двенадцать стульев”. М., 1997. С. 12.

“Затопляй печь!..”

Разговорно-просторечная лексика в “Деревенском приключении” В.П. Астафьева

© Ю. М. АФАНАСЬЕВА

В рассказе В.П. Астафьева “Деревенское приключение” в центре повествования два героя: колхозный овощевод Парасковьян, “который зиму и лето до одурения копался в земле” и был тихим и покорным властной жене, “заслонившей в мужике все, вплоть до фамилии” (настоящая фамилия овощевода – Замиракин. – Здесь и далее пояснения и курсив наши. – Ю.А.), и молодой шофер Кирька Степанидин, возивший “важного начальника”. Между представителями двух поколений возникает конфликт: в одну из весен Парасковьян обнаружил, что “растет у нее (у дочери Шурки) брюхо другое”. Овощевод Парасковьян пришел к выводу, что виновником мог стать только Кирька, поэтому, купив в сельпо бутылку вина “Дар осени”, он отправился к молодому шоферу. Далее следует диалог конфликтующих сторон. После предложения Парасковьяна выпить «Кирька неожиданно ударился в амбицию, заявил, что он за рулем не пьет, тем более под окнами правления, и что любое вино, хоть “Дар осени”, хоть какое, – все равно алкоголь <...>

– *Начит*, не пьешь за рулем?

– Не пью! – отрезал Кирька <...>, – Что вы, гражданин Парасковьян, привязались? <...>

Если бы Кирька не ухмылялся вызывающе при этом, не заблестел бы нагло зубом, не назвал бы его, как милиционер, гражданином – все, может быть, и обошлось бы мирно. Однако зуб блескучий, слова “вы, гражданин”, особенно “вы”, совсем выбили Парасковьяна-овощевода из равновесия. Это он-то, Парасковьян, гражданин?! Он, которому этот *шибко* грамотный кавалер крестником приходится, и совсем еще недавно крестный *сопли ему подтирал* и как-то с базара привез ему сладкого петуха на палочке, он – гражданин?!»

В диалог овощевода и Кирьки вступает и уполномоченный, представляющий в рассказе образец речи образованного человека:

– Хулиган ты, а не трудовой человек!

– Я-а, *фулюга-ан*?! – обиделся Парасковьян-овощевод. – Сам ты *фулюган*! Я на фронте *ранетый*. <...> Мне грамота за огурцы *дадена*! (обращается к Кирьке) <...> Ты *кто* такой? Почему *девок пикорчишь* без-

возмездно? <...> Я в райсовет пойду, к *партийным* людям и *разобъясню* все буквально-досконально!”

Парасковьян – представитель старшего поколения, он всю свою жизнь прожил в деревне, его речь изобилует диалектными и просторечными словами (в рассказе встречается письмо овощевода к дочери, в котором находим многочисленные примеры нарушения норм литературного языка, характерное для диалектной речи: *вертайся, об тебе, шибко, чево вякнет, так наплевай, нонче, окружона, кланяюся*).

Иным представляется читателям представитель молодого деревенского поколения – Кирька. Родившись и живя в деревне, он стремится быть похожим на городского жителя. Даже профессия Кирьки – шофер – предполагает постоянное перемещение из деревни в город и из города в деревню. И речь Кирьки из культурной, подчеркнуто-вежливой время от времени сбивается на просторечную или жаргонную:

“Кирька крутил баранку резко, нетерпеливо, газовал шибко, чтобы скорее примчаться в райцентр, высадить уполномоченного, а потом завернуть за угол, *напинать* Парасковьяна-овощевода, не глядя на то, что он крестный, и, насладившись мстью, сдать его в милицию, *паразита такого*. <...>

– *Погоди, погоди*, – прервал Парасковьяна-овощевода Кирька. – Дадут тебе еще одну грамоту. <...>

– *Не пришьешь нахаловку, не пришьешь!* – злорадно ответил Кирька. – Я свои *печати-штемпеля* не ставлю *тама*. Не докажешь!..”

Молодой шофер мечется между двумя полюсами – городом и деревней. Город манит своей красотой, культурой, перспективами, но и деревня не отпускает Кирьку, предки которого жили и трудились на этой земле.

Сделать окончательный выбор ему помогает трагическое и одновременно счастлирое событие. Шура, уехавшая к бабушке в другое село от позора и от гнева матери и родившая ребенка, получает письмо от отца с просьбой вернуться домой. Шура с ребенком отправляется на переправу. На середине еще беспокойной после ледохода реки паром перевернулся, погибли все пассажиры, кроме не умеющей плавать Шуры и ее младенца. К месту происшествия сбегаются люди, среди которых и Кирька. Он, как и все остальные, поражен чудесным спасением Шуры и ребенка, и постепенно от его нарочитой образованности нет и следа, и Кирька, не стесняясь, обращается к диалектным и просторечным словам.

“– *Охломоны!* – кричал он (Кирька). – Дураки необразованные! Надо же искусственное дыхание делать!.. – И осекся, встретившись глазами с Шурой. – Жива! Жива-а-а-а! – заблажил он на весь берег. – Шурка! Да как же!.. <...>

– Мама! – еще в заулке заорал Кирька. – *Затопляй* печь! На печку, на печку, милые вы мои. Отогрею, *спиртягой* ототру!.. А еще говорят,

бога нет, а?! Да хоть ты мне сто антирелигиозных лекций теперь давай – не поверю!.. Все *потопли*, а Шурка плавать не умеет, и живая, а!”

Конфликт Парасковьяина и Кирьки успешно разрешился. Кирька окончательно возвращается к деревенской жизни, о чем свидетельствуют его слова и поступки: в речи нет лишней эмоциональной окраски “культурных” слов, и, неся на руках ребенка и придерживая Шуру, Кирька покорно идет в дом к овощеводу.

Интересна и речь автора, в повествовании о деревенской жизни уподобляющаяся речи Парасковьяина: *запасмурнел, дитем, поздоровался чин-чином, назьмом* (навозом), *рылом* и т.д. Встречаются в тексте и эпизоды, описанные с некоторой иронией, которая возникает на стыке книжной и разговорной лексики: “Пятнадцать суток Парасковьяину-овощеводу дали без лишних разговоров и суеты. Он четыре дня скреб тротуары возле райисполкома и долбил *помойку*, что ледяным *айсбергом* плыла по вытаявшему пустырю сзади столовой и начинала *вонять*”.

В.П. Астафьев относится к числу так называемых писателей-деревенщиков. Искусно владея нормами литературного языка, он сознательно прибегает к речи разговорно-просторечной, диалектной, демонстрируя ее выразительные возможности.

Липецк

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

© Г. М. ШИПИЦЫНА,
доктор филологических наук

В начале 2007 года Министерством образования и науки Российской Федерации была принята “Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации”, представляющая “систему взглядов, принципов и приоритетов государственной образовательной политики”, продиктованных полиэтничным характером населения нашей страны. В ней определены важнейшие для государства образовательные и воспитательные задачи, стоящие перед системой отечественного образования, одной из которых является “обеспечение внутренней устойчивости этнически разнохарактерного общества, его сплочение в согражданство, объединяемое и цементируемое общими ценностями гражданского общества” [1].

Выполнение этой сверхважной для российской государственности задачи в первую очередь возлагается на образовательные учреждения, реализующие общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках.

В прошлом году Белгородский государственный университет проводил Всероссийский конкурс “За образцовое владение русским языком в профессиональной деятельности” преподавателей русского языка как неродного.

Как показывают эссе участников конкурса, их авторы хорошо понимают значимость своей роли в укреплении российского государства как единого и цельного федеративного образования. Они пишут о том, что, обучая русскому языку нерусских по национальности детей и подростков, они тем самым готовят их к будущему активному включению в решение политических, экономических, социальных задач и программ обновляющейся России.

Например, Р.Р.Полежаева из аула Чарков Усть-Абаканского р-на Республики Хакасия считает, что сегодня очень актуальна проблема ознакомления учащихся с культурой русского народа. “Это важно для приобщения детей к их большой Родине, – пишет учительница, – путем формирования качеств гражданина-патриота России, подготовки ребенка к жизни, воспитания культуры межнациональных отношений”.

Учителям одинаково неприятны и факты русофобии, и проявление неуважительного отношения русских к народу той национальности, де-

тей которой они обучают. Наши корреспонденты – это люди, воспитанные на русской культуре, проповедники русской культуры и русского языка (даже если они сами русскими по национальности и не являются), горячо полюбившие народ, в среде которого выпала им судьба жить. Их не может не тревожить ситуация с плохим знанием русского языка в отдельных регионах России, поскольку это препятствует всестороннему развитию и образованию детей. Так, учитель М.Т. Хашиев из селения Али-юрт Назрановского р-на Республики Ингушетия пишет: “Только при помощи русского языка мы можем влиться в единое культурное и образовательное пространство России, получить доступ к международной информации. Языковое разнообразие России есть фактор интеллектуальной и культурной устойчивости общества, противопоставленной, с одной стороны, русскому шовинизму, а с другой – культурно-языковому сепаратизму и местному национализму”.

Г.Н. Монгуш (г. Чадан Дзун-Хемчикского р-на Республики Тыва) называет объективные и субъективные причины плохого знания русского языка учащимися (особенно в сельской местности): «Дети по-русски говорят только на уроках русского языка; учителя других предметов преподают на родном языке; в последние годы сократилось количество учебных часов по предметам “русский язык” и “русская литература” при одновременном увеличении объема материала, поэтому многое, особенно по литературе, изучается поверхностно, формально. Такое обучение своей цели не достигает». С ней солидарна Л.Н. Семенова (дер. Лопово Мари-Турекского р-на Республики Марий Эл): “Обучать русскому языку детей, которые пришли с улицы со знанием двух-трех слов по-русски, очень трудно. Главным направлением в преподавании русского языка в национальной школе остается развитие речевой деятельности учащихся. Проблемы с изучением русского языка в национальной школе начинаются с того, что язык – это не только учебный материал, но и средство мышления, мироощущения народа. А маленький человек нерусской национальности, живущий в окружении людей, говорящих не на русском языке, мыслит на своем родном языке.

Национальная школа в трудном положении была всегда: она стремится не отстать от русских школ и во что бы то ни стало сохранить детям их родную речь и родную культуру, которые они впитали с молоком своей матери”.

Общая картина со знанием русского языка населением национальных республик и автономных округов вырисовывается такой: в местах компактного проживания людей одной, нерусской, национальности русский язык знают плохо, по-русски дети говорят (вернее, пытаются говорить) только на уроках русского языка, которых к тому же мало. В частности, учителя Ингушетии пишут о том, что, к их сожалению, классы ингушских школ до 100% наполнены детьми ингушской национальности и на бытовом уровне у них не бывает необходимости в обще-

нии на русском языке ни со взрослыми, ни со своими сверстниками. А при отсутствии речевой среды русский язык в такой ситуации для детей и подростков уже мало чем отличается от иностранного.

Иная картина в многонациональных республиках и регионах областей с многонациональным населением. Так, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка Дагестанского государственного педуниверситета Г.Г. Буржунов пишет: “В таких полиэтнических регионах, как Республика Дагестан, практическое владение нормированной русской речью – обязательное условие функционирования и развития экономики, науки, образования и культуры народа. Без русского языка трудно представить современную жизнь дагестанца. Проблема состоит лишь в том, как повысить эффективность обучения русскому языку, как организовать работу по повышению культуры речи у дагестанцев”. Л.Н. Шоцкая, заведующая кафедрой теории и истории русского языка того же университета добавляет: “Внимание к образцовому владению русским языком в профессиональной сфере, забота о русской речевой культуре возведены в Дагестане на уровень государственной политики республики”.

В Дагестане разработана республиканская целевая программа “Русский язык (2007–2010 годы)”, основная цель которой – добиться “полноценного коммуникативно-эстетического функционирования русского языка в Республике Дагестан” [2].

Если суммировать высказанные учителями суждения по определению факторов, обеспечивающих овладение русским языком нерусскими учащимися, то, на наш взгляд, они названы верно: для действительного овладения русским языком необходимо, во-первых, уяснение смыслового объема слов через познание обозначаемых ими реалий и понятий (и здесь необходима опора на связь языка и культуры русского народа) и, во-вторых, практическое использование русского языка населением соответствующего региона (здесь опора на речевую среду или хотя бы на использование русского языка для получения информации и знаний).

Относительно уяснения содержания и контекстного смысла слова изучающими любой язык известно, что оно возможно лишь при условии понимания всех аспектов обозначенного этим словом предмета, о чем уже давно пишут лингвисты: “... чем далее развивается современная семантика, тем все более подтверждается, что ее проблемы не могут быть решены без обращения к объективной реальности, явления которой отражаются в сознании человека и обозначаются средствами языка” [3], т.е. для понимания значений слов необходимо знание тех объектов действительности, которые этими словами обозначаются. Однако разные народы России проживают в различных природных условиях, имеют различные предметы быта, промысла, занятий, руководствуются в своей жизни и в воспитании детей различными правилами

ми и понятиями, поэтому значения слов-эквивалентов в русском и национальных языках могут не совпадать. “Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые смысловые оттенки, что надо большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая никаких кривотолков” [4].

При этом в значении слова находят отражение и такие его компоненты, которые обусловлены осознанием коллективом носителей языка социально значимого содержания слова, сформированного общими для этого коллектива устойчивыми для него ассоциациями и представлениями. “Слово аккумулирует общественное, коллективное знание, которое наследуется благодаря языку” [5], кроме того, “слово переливает экспрессивными красками социальной среды” [6]. Поэтому более актуальными для тех или иных контекстов оказываются не словарные значения, а наслоения прагматического и эмоционально-экспрессивного характера. Значение слова имеет также и такие дополнительные компоненты, которые отражают историко-культурную, ментально-этническую и социальную среду его бытования.

В условиях отсутствия русской речевой среды, опираясь только на толковый словарь, нерусские учащиеся знакомятся всего лишь с языковым значением слова, лежащим на его поверхности, тем самым не связывают это значение с коммуникативной смысловой ситуацией, то есть не осознают семантику слова в полном объеме. Возникает ситуация, о которой писал А.А. Потехня: “Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, т.е. не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно” [7]. Ведь в коммуникативном акте говорящий (или автор текста) нацелен не столько на воспроизведение словарных значений слов, сколько на передачу их смысла, причем часто глубинного, скрытого, не всегда ясного для не участвующих в данной речевой ситуации.

У носителей разных культур и у людей какого-либо этнокультурного единства могут возникать ситуации непонимания смысла отдельных суждений, если культуроведческий багаж у этих людей не совпадает. Например, для человека, не знающего басню И.А. Крылова “Лебедь, рак и щука”, будет непонятен смысл выражения *А воз и ныне там* (о неисполненных обещаниях, планах). Читатели газет, плохо знающие русскую классическую литературу, часто не понимают юмора заголовков статей, если эти заголовки строятся на переосмыслении авторских выражений (на реминисценциях). Например, *А судьи кто?* (о некомпетентности спортивных судей); *Что за комиссия, создатель?* (о директоре, создавшем комиссию по проверке расходов только из своих родственников). Прецедентные тексты из комедии А.С. Грибоедова “Горе

от ума” кажутся им странными, поскольку в их сознании не нашел отражения целый пласт общекультурного поля – литературных источников реминисценций, то есть не создан общекультурный фон, на котором может быть воспринята прагматическая установка высказывания. Взаимопонимание участников коммуникативного акта возможно только при равном отражении в их сознании художественной картины мира русской литературы, этого гигантского гипертекста с системой эстетических категорий, понятий и оценок.

Наконец, в значении слова могут быть и символические компоненты, порожденные ситуациями их использования в какой-либо определенном отрезок времени, в определенном кругу носителей языка и т.п.

Получается следующее: чтобы обеспечить понимание семантики русских слов учащимися и студентами, изучающими русский язык как неродной, надо показывать это слово во всем разнообразии смыслов, которое способно это слово выражать. Учителю же русского языка как неродного надо еще найти приемлемую форму и языковые средства передачи этих особых национальных или символических смыслов, которые возникают в определенных контекстах. При этом надо максимально приблизиться к реалиям жизни русского населения, надо показать национально-культурные особенности русских людей в различных сферах их жизни и деятельности.

В общем, задачи, возложенные на учителя русского языка как неродного, далеко не простые...

Литература

1. Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации // Народное образование. 2007. № 1. С. 253–259.
2. Целевая программа “Русский язык (2007–2010 годы) Республики Дагестан”. Махачкала, 2007.
3. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1986. С. 75.
4. Щерба Л.В. Предисловие (к Русско-французскому словарю) // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 304.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 298.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 21.
7. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 455–456.

Белгород

**“Экранная культура”
в свете постмодернизма**

©В. Ф. ПОЗНИН,
кандидат искусствоведения

Многие исследователи склонны считать, что постмодернизм себя изживает и что мы находимся на пороге новой социально-культурной парадигмы. Возможно, это так, но пока что постмодернистские тенденции по-прежнему проявляются во всех сферах нашей жизни. Может быть, потому, что в Россию нередко приходит с опозданием то, что давно зародилось на Западе, достигло там своего апогея или даже начало сходить на нет.

Постмодернизм явился следствием и выражением духа так называемой постиндустриальной эпохи. Причем влияние его, в отличие от модернизма, затронуло практически все сферы человеческой деятельности, включая искусство, социологию, экономику, политику, семиотику, лингвистику и все средства массовой информации.

Если коротко обозначить основные признаки постмодерна, которые наиболее отчетливо проявились в литературе и искусстве, то их можно свести к следующему. Постмодернизм, как правило, не стремится к объективной трактовке событий и явлений, не говоря уже о стремлении к постижению истины, что было характерным для литературы и искусства XIX века и во многом века минувшего. Постмодернисты не любят отражать реальную действительность в образах самой действительности, предпочитая генерировать новые образы, создавать неожиданные метафоры, вызывать необычные ассоциации.

Для многих современных произведений литературы, искусства и современной журналистики характерны ироничность, пародийность и даже ёрничество над тем, что еще недавно было принято считать высоким или популярным. Как остроумно заметил по этому поводу питерский философ А. Секацкий, сегодня у нас “найти незаплеванный колодец – величайшая проблема”.

Постмодернисты обожают также карнавальность, языковые игры, различные мистификации и создание “симулякров” (Ж. Бодрийяр), не-

редко уравнивая тем самым в правах факт и фикцию. Что же касается композиционного построения такого рода произведений и трактовки изображаемых в них событий и явлений, то здесь мы часто встречаемся с антисистемностью, дискретностью, незаконченностью изложения и опять-таки с игнорированием каких-либо канонов и с полным релятивизмом в оценке фактов и явлений.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть некоторые изменения в языке наших электронных СМИ, произошедшие за последние 10–15 лет, исходя из парадигмы постмодернизма, поскольку, по утверждению ряда западных исследователей (А. Крокера, Д. Кука и др.), именно современное телевидение представляет собой архетипическую постмодернистскую форму. И определяет эту постмодернистскую стилистику не только манера подачи аудиовизуального материала, но и *речевая культура* электронных СМИ. Потому что именно в языке наиболее отчетливо проявляется состояние морали общества: табуирование тех или иных проявлений, тем и слов, корректность, толерантность, обращение к логике и разуму; или же, наоборот, – полная вседозволенность, напористокость и агрессивность, обращение преимущественно к эмоциям человека, причем к самым простым.

Именно телевидение навязывает сегодня аудитории (особенно молодежной) те или иные нравственные, этические и эстетические ценности и нормы поведения. Сама реальность в современных СМИ не столько отражается, сколько конструируется (либо, наоборот, деконструируется) посредством соединения различных образов и фактов, формируя тем самым у зрителя фрагментарное, коллажное и “клиповое” сознание.

Адепты постмодернизма в крайних его проявлениях редко демонстрируют свое собственное видение мира, свою собственную философию. Дискретность в подаче информации, компилятивность и эклектизм в эстетике и, как уже было сказано, ироничность, граничащая с ёрничеством и даже цинизмом, – вот не самые лучшие черты постмодернистской парадигмы, которые можно встретить в наших сегодняшних СМИ.

Как следствие, язык многих информационных программ ТВ вольно или невольно обслуживает подобный стиль различного рода передач, претендующих на документальность. Сегодня это блестяще демонстрируют такие программы телеканала НТВ, как “Чистосердечное признание”, «Программа “Максимум”», “Русские сенсации”, “Ты не поверишь!”, в которых напористокость, агрессивность, незавершенность текста призваны любым способом возбудить зрительские эмоции, а значит, привлечь к себе внимание, менее всего заботясь о семантической стороне телепередачи. В программе “Чрезвычайное происшествие” этого же канала события и факты, наоборот, нередко подаются так, будто это не экстраординарные, часто жуткие и трагические происшествия, а очередное шоу или репортаж о спортивных состязаниях.

С бойкой и бодрой интонацией ведущий повествует о том, как психически больной убивал свою бабушку, приняв ее за вампира, и как потом калечил собственную мать; как кто над кем издевался; сколько человек погибло при пожаре и т.д. Подобные сюжеты способны вызывать у зрителя реакцию дистанцирования: показанное событие начинает восприниматься как нечто условное, наподобие компьютерной игры. В результате граница реального и символического становится все более размытой, неопределенной, поскольку подобный тип технологизированной информации формирует и свой особый тип восприятия, при котором рационально-критическая оценка действительности часто замещается виртуальной, лишенной соответствующего эмоционального переживания.

Филологи, да и все, чье ухо чувствительно к новым тенденциям в языковой практике, давно уже заметили, что из всех так называемых слов-паразитов самое широкое распространение в последние 15–20 лет получило словосочетание *как бы*, очень точно выражающее неустойчивость и неопределенность реальности, что нас окружает. Мы *как бы* строим демократическое и правовое общество, *как бы* поддерживаем малый и средний бизнес, *как бы* боремся с коррупцией и организованной преступностью, *как бы* радеем об отечественной культуре и образовании. И языком своим мы сегодня *как бы* владеем.

В связи с этим напрашивается вопрос: не является ли нарастающая виртуальность сознания (то самое “как бы”) одной из причин того, что сегодня подростки с необыкновенной легкостью совершают тягчайшие преступления, подчас связанные с лишением жизни другого человека? В передаче, рассказывающей о том, как две девочки лишили жизни старушку, одна из обвиняемых произнесла в камеру: “Мы *как бы* ее убили”. Думается, что этот языковой ляпсус следует воспринимать как апофеоз виртуально-мифологического сознания, на котором и зиждется постмодернизм в худших его проявлениях.

Конечно, причины внедрения в телевидение постмодернистской стилистики лежат прежде всего в той ситуации социальной неопределенности, в которой до сих пор пребывает наше общество, потому что наш язык, наша речь – это часть общей социально-культурной парадигмы.

Говоря об использовании языка на ТВ (а именно телевидение является сегодня для широкой аудитории основным поставщиком информации), следует прежде всего обращать внимание на то, *что* говорят ведущий, журналист или диктор, то есть какую смысловую нагрузку несет произносимый ими текст. Но немалое значение для зрителя-слушателя имеет и то, *как* подается этот текст: какой стилистический регистр комментария, какой темп речи ведущего или репортера, насколько правильно он использует слова и словосочетания, верно ли ставит ударения, какой тембр его голоса и, наконец, что очень важно, – ка-

кова интонация говорящего. Потому что порой достаточно изменить интонацию – сделать ее ироничной, сомневающейся или нарочито восторженной, расставить соответствующие паузы – и зрительское восприятие сообщения радикально меняется. При этом интонация выявляет степень осмысления диктором или ведущим произносимого им текста. Увы, сегодня многие телерепортеры и ведущие говорят как бы в пустоту, слабо ощущая аудиторию, с которой они общаются, в результате чего речь их, как и в былые времена, становится обезличенной, лишенной адресности, а значит, и убедительности.

Одна из главных задач постмодернизма – стирание границ между “элитарной” и “массовой” культурой (Л. Фидлер). Но при этом Фидлер и его последователи имели в виду вовсе не апологетику массовой культуры, а своего рода “многоуровневое” восприятие художественных образов читателями и зрителями, имеющими различный семантический и эстетический тезаурус. К сожалению, многие идеологи наших электронных СМИ поняли демократизацию культуры как снижение планки восприятия до самого нижнего уровня. Именно по этому принципу строит большинство диджеевских текстов и телевизионных ток-шоу, не говоря уже о “Доме-2”, “Сексе с Анфисой Чеховой”, передачах о нелегкой жизни жителей Рублевки, различных скандалах, связанных со звездами шоу-бизнеса и т.п. Все эти передачи, призванные формировать людей “без комплексов”, готовых беспощадно уничтожать “слабое звено”, любящих прежде всего самих себя и считающих “алчность” (была и такая передача) замечательным качеством, снижают не только планку культуры и нравственности, но и планку языковой культуры.

Произносимые современными радио- и телерепортерами тексты по своему построению нередко близки к разговорной речи. Тем не менее, утверждение, что в их речи преобладают лексика и фразеология разговорного характера, на самом деле не соответствует действительности. Не говоря уже о ведущих и дикторах радио и телевидения, которые, как сегодня принято говорить, “озвучивают” письменные тексты, поставляемые в виде отпечатанных фраз или “бегущей строки”, радио- и телерепортеры даже в своей “спонтанной речи” пользуются преимущественно литературным языком. Другое дело, насколько грамотно этот язык используется.

Самым характерным проявлением неряшливости в устной речи стала идеоматическая контаминация. Поскольку для постмодерна характерен эклектизм, то неудивительно, что некоторые тележурналисты то и дело лихо монтируют фразу, составляя ее из частей, взятых, так сказать, из разных лингвистических “корзин”. (Это напоминает старые немудреные шутки, когда из двух половинок разных пословиц составляли одну: “Что с возу упало, то не вырубил топором”, “Кто не работает, тот и пан” и.п.) Вот лишь несколько примеров подобного рода конта-

минации, этого своего рода семантического кентавра, встречающейся в речи журналистов центральных каналов:

– *Я на своей практике не помню такого* (Здесь “скрещены” две разные идиомы: *из своей практики* и *на моей памяти*).

– *Лучший образец этому...* (Очевидно, ведущий хотел сказать *лучший пример тому...* А может быть, – *лучший образец этого*).

– *Можно ли уже сделать какой-нибудь итог?* (Этот лингвистический Мичурин скрестил сочетания *делать выводы* и *подводить итоги*).

“*Это занимает важное значение в...*”, “*Одержали оглушительный успех*”, “*Нанесли убытки*”, “*Его сопровождали неудачи*”. Аналогичные примеры можно продолжать до бесконечности.

Для постмодерна главное – чтобы реципиент уловил суть дела в общих чертах. Поэтому если слова не очень сцепляются друг с другом, подобно неточно выбранным частям детского конструктора, – не беда: на радио и на телевидении фразу не вернешь и не повторишь, так что и так сойдет.

– *Вот чего не было точно – так это завистливых улыбок*, – бодро рапортует спортивный комментатор, и зритель-слушатель спокойно “съедает” эту фразу, догадываясь, что журналист, очевидно, имел в виду *завистливые взоры* или *кривые улыбки*. “*Стало известно журналистам довольно немного*”. То же, в общем-то, понятно. Зачем же напрягаться и строить фразу по-русски: “*Журналистам стало известно немного*” или: “*Журналистам мало что стало известно*”?

Правда, иной журналист-постмодернист так завернет, что хочется спросить: “Сам-то понял, что сказал?»: “*Вот как выглядел эпизод возложения Явлинского*”. Хорошо, что из видеоряда можно восстановить смысл подобного, так сказать, компрессированного текста. Речь, оказывается, шла о возложении Г. Явлинским венка на могилу Неизвестного Солдата. “*Злоумышленники ориентировались на владельцев прекрасного поля*”. Хорошо, что до этого речь шла о похищении машин, а то думай, что хочешь. “*Именно тогда началось восхождение звезды Бориса Ельцина...*” Это уже вообще не русский язык, а плохой перевод английского герундиального оборота.

С предложениями наши журналисты и публичные личности тоже нередко обращаются так, будто они иностранцы: “*Не было даже намека о возможности...*”, “*Президент подтвердил о том, что...*”, “*Сомневаюсь о том, что...*” и т.д. Продолжать подобные примеры языковой небрежности, приблизительности и расхлябанности можно без конца.

Поскольку постмодерн предполагает свободное обращение с фактами, то его вольные или невольные последователи аналогично поступают и с языком: “В это время в Северной Корее праздновался День освобождения от японских колонистов”, – сообщает ведущая в ново-

стях солидного канала. Подумаешь, велика разница: *колонисты* – *колониалисты*. Хорошо хоть не “колумнисты”.

Языковая приблизительность (зачем справляться в словаре, если когда-то слышал это слово) иногда принимает просто пародийные формы. Так, две милые девушки на разных каналах почти в одно время выдали в эфир следующие шедевры: “*Коренные аборигены подвергаются сегрегации*”, “*Остались лишь внутренние интерьеры*”.

Каждый канал, похоже, начинает вводить свои собственные языковые нормы. Так, сообщая о лесных пожарах, питерская дикторша произносит: “Пожар охватил больше *тридцать семь* гектаров”. Ее московская коллега в этот же день вещает: “Пожаром охвачено более тридцати семи *гектар*”. Когда японскому самолету пришлось приземляться с невыпущенными шасси, Первый телеканал сообщил: “Самолет совершил аварийную посадку *на посадочную полосу с невыпущенными шасси*”, а диктор канала “Россия” произнес: “... *произвел посадку на полосу с невыпущенными шасси*”. Вот и думай, кому верить.

Давно замеченная филологами современная тенденция замещать привычные русские слова, несущие негативную или не очень высокую оценку той или иной деятельности, новыми, иностранными словами (*киллер, рэкетир, риелтор, дилер, менеджер, мерчендайзер* и т.д.) – также не что иное, как постмодернистский прием сдвигать привычные понятия, предлагая им новый визуальный или фонетический образ. Не зря некоторые бывшие советские республики быстренько меняли кириллицу на латинский шрифт – вроде пустячок, а опять-таки они *как бы* сразу приблизились к Европе. (Весьма знаменательно, что на коробках с материалами ЕГЭ по **русскому** (!) языку, проходившему в прошлом году, стояла надпись **на английском**: *security pack*.)

Пополнение нашего словарного запаса за счет лексики, поступившей из филологических “сокровищниц” некоторых наших закрытых зон – имеются в виду сленговая лагерная лексика и фразеология, которыми сегодня щедро пользуются все кому не лень, начиная от членов правительства и заканчивая бойкими радиодиджеями (по-русски – ведущими), – также объясняется не только криминализацией общества, но и постмодернистской установкой на отрицание всяких канонов и правил. Если во времена В. Тредиаковского обсуждалась возможность использования в поэтическом лексиконе таких слов, как “парень” и “пичужка”, а при Петре Первом за неумеренное использование ненормативной лексики могли и казнить, то сегодня мы смело обсуждаем (в том числе и по телевидению) возможность повсеместного использования мата (а чего обсуждать, когда в современной литературе и даже в театре этой лексики – как сорняков на грядке!). И самое примечательное, что наиболее активно ратует за отмену традиционных языковых норм и канонов наша “передовая” интеллигенция. Что уж говорить о многочисленной армии новых журналистов и шоуменов, которые творят со

словесностью такое, что Третьяковскому не приснилось бы и в страшном сне!

Тревога заинтересованных в сохранении и подъеме национальной культуры людей обусловлена тем, что так называемая “экранная культура” воздействует не на узкий слой людей, а на самые широкие массы. Если по телевидению то и дело возникают дискуссии о легализации мата и даже сам бывший министр культуры устраивает ток-шоу на эту тему, то вряд ли стоит удивляться тому, что даже из уст девочек-подростков сегодня можно услышать такое, отчего и у видавшего виды боцмана “уши завянут”.

После того как по телевидению неоднократно вместо “под патронажем” было произнесено “под патронажем”, эта новация быстро пошла в народ, а наши художники на украсивших весь Санкт-Петербург плакатах тут же начертали большими буквами: “Под патронажем губернатора”. Хотя речь, конечно же, шла вовсе не о том, что губернатор собирается выступать в роли патронажной сестры.

Едва стоило юмористу М. Задорнову сказать по ТВ в шутку, что Украина – единственная из наших бывших республик, по отношению к которой используется предлог “на”, как тут же все телевизионщики, очевидно, в порыве политкорректности, стали произносить “в Украине”, хотя это звучит так же нелепо и фальшиво, как если бы мы вместо “на флоте”, “на телевидении”, “на радио”, “на окраине” стали вдруг говорить – “во флоте”, “в телевидении”, “в радио”, “в окраине”. Потому что *Украина* – производное от слова *окраина*. И сам Тарас Григорьевич писал о своей любимой родине: “Як умру, то поховайте на Україне мілої ...”.

Давно уже никого не коробит используемое к месту и не к месту выражение “по жизни” – эта лагерная идиома, обозначающая “жизнь по реальным понятиям”, широко и прочно внедрилась в радио- и телевизионный язык. “Я по жизни часто сталкиваюсь с таким явлением...”, – произносит одна из ведущих питерского радио. По жизни можно идти, шагать, плыть и т.п. Но мы встречаем, видим, наблюдаем что-либо, сталкиваемся с чем-то или с кем-то и ощущаем себя в жизни, но никак не “по жизни”.

Поскольку постмодерн не признает никаких норм, шаблонов и стереотипов, то этот принцип многие наши тележурналисты переносят и на свободное обращение с нормами ударения.

О постмодернистской ироничности, так называемом стёбе, ёрничестве и стремлении к созданию разного рода мистификаций немало написано исследователями современной литературы и искусства. Но когда этот стиль начинает демонстрироваться в телепередачах, рассчитанных на самую широкую аудиторию, то ничего, кроме, мягко выражаясь, неловкости, у нормального зрителя это вызвать не может. Вот пара образчиков подобного, так сказать, электронного СМИнства,

продемонстрированного на одном из каналов питерского ТВ: “Чтобы вынести рукопись из Петропавловки, Ольге Сократовне пришлось ее проглотить. “Что делать” вышло через два месяца”; “Сегодня исполнилось 170 лет, как врачи не смогли вытащить с того света великого русского поэта Александра Пушкина”. Комментарии тут, как говорится, излишни.

Другая особенность постмодерна заключается в стремлении авторов к цветистой метафоричности и в неумном желании составить нечто новое и самобытное из сочетания существующих по отдельности лексических и идеоматических единиц.

Порой метафоричность претенциозных текстов приближается к словесному ребусу или к загадке: “*Падение сигары с водородом в брюхе*” (о дирижабле); “*Незаконнорожденный ребенок подводных течений*” (о цунами); “*Он был красной тряпкой, которая приводила в бешенство быка итальянской полиции*” (о Муссолини). В общем, как пелось в одной из бесчисленных телереклам: “Неважно, что ты несешь. Свежесть жизни ты ощутил”.

Никто не спорит: замечательно, если журналист старается избегать штампов, использовать свежие сравнения, метафоры, оригинально строить фразу (что, к сожалению, как отмечалось жюри очередного Всероссийского конкурса “Русский язык в электронных СМИ”, встречается все реже), но образность образности – рознь, и тут все зависит от вкуса и языковой культуры человека, связавшего свою жизнь с радио- или телеэфиром.

Формируются же и шлифуются эти качества в учебных заведениях, готовящих наших журналистов. Но поскольку сегодня профессии журналиста где только не учат, то отсюда и все наши беды с “великим и могучим”. В связи с этим среди практических мер, направленных на охрану русского языка, может быть, стоит предусмотреть создание компетентной комиссии, которая будет заниматься аттестацией языковой грамотности журналистов, чьи тексты звучат в эфире. А пока что телевизионные ребята не устают демонстрировать нам, как изволил выразиться один из питерских тележурналистов, “прекрасное владение языка”.

Экспертным советом Всероссийского открытого конкурса работников электронных средств массовой информации неоднократно отмечалось наличие в языке теле- и радиожурналистов большого количества иностранных слов, просторечий и вулгаризмов; говорилось об общем падении культуры речи в связи с тем, что профессия журналиста за последние два десятилетия стала у нас чуть ли не массовой; обращалось внимание на отсутствие какого бы то ни было лингвистического контроля в электронных СМИ, которые сегодня вольно или невольно формируют язык миллионов наших соотечественников, включая наш словарный запас, нормы произношения и интонирования. К сожалению,

положение с языком в электронных СМИ меняется не столь быстро, как хотелось бы. Радикальные изменения, скорее всего, произойдут лишь в том случае, если внимание к общей культуре станет одной из основных задач наших центральных телеканалов.

Рассказывают, что в былые времена ошибка диктора в ударении могла обернуться для него как минимум обсуждением на летучке. То есть за плохой выговор получали строгий выговор. Сегодня ведущий – сам себе хозяин, а потому и обращается он с языком в меру своей ответственности и уровня общей культуры. А поскольку наши тележурналисты в основной своей массе – будем уж честны – далеко не самый культурный слой интеллигенции, то мы ежедневно получаем очередную порцию языка подпорченного, неряшливого, расхлябанного.

Остается уповать лишь на то, что как только в нашей жизни поменьше станет невнятности и приблизительности и побольше будет ответственности и профессионализма, постмодернистские тенденции размытия норм русского языка постепенно сойдут на нет.

Санкт-Петербург

“Суду вопросы не задают!”

О речевом этикете в судебной культуре

© О. В. КРАСОВСКАЯ,
кандидат филологических наук

Еще в 1991 году автор научно-популярной брошюры “Как защитить свое право в суде” И.А. Авилина, обращаясь к читателям, писала: “Вероятность того, что именно вам придется соприкоснуться с гражданским процессом, не так уж велика”. Сегодня это положение явно устарело: политические и социально-экономические преобразования обусловили непрекращающееся расширение судебной сферы на постсоветском пространстве. Данные судебной статистики демонстрируют, что за защитой своих прав из года в год обращается все больше наших современников.

Став участником судебного процесса, человек должен постигать новые модели социального поведения и соответствующие им коммуникативно-речевые нормы. В рамках судебного разбирательства по гражданским делам протекает специализированный вид общения, для которого характерна особая этикетная система.

Какие этикетные ситуации закреплены за судебной сферой? Чего требуют они от участников судопроизводства? В чем состоит их глубинный смысл?

Прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим, какой тип вежливости лежит в основе судебной культуры.

Как известно, принцип вежливого поведения более всего разработан английским ученым Дж. Личем. Этот принцип требует удовлетворения следующим постулатам: 1) такт (*Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!*); 2) великодушие (*Не затрудняй других!*); 3) одобрение (*Не хули других!*); 4) скромность (*Отстраняй от себя похвалу!*); 5) согласие (*Избегай возражений!*); 6) симпатия (*Высказывай блажелательность!*).

Из перечисленных постулатов лишь требование соблюдения такта отчетливо присутствует в Гражданском процессуальном законе (ГПК) –

в виде правовой нормы о закрытых судебных заседаниях. Как известно, правосудие по гражданским делам осуществляется устно и открыто. Но с целью охраны “личной территории” процессуальных участников – неразглашения сведений их личной жизни – в законе предусмотрены и ситуации закрытого судебного разбирательства. На защиту личной сферы процессуальных участников направлена и норма, которая устанавливает порядок оглашения переписки и телеграфных сообщений в ходе судебного разбирательства. В соответствии с ней все личные материалы оглашаются только с согласия их хозяев.

Некоторые из постулатов Лича просто неприменимы к ситуации судебного разбирательства. Так, принадлежностью судебного обычая являются нарушающие постулат согласия возражения – против предъявленного иска, действий председательствующего, ходатайства, заявленного оппонентом.

Принята в судебной практике и процессуальная критика, которая лежит в основе обжалования судебных постановлений. Вот отрывок из одной апелляционной жалобы: “Решение суда считаю *незаконным* – в связи с неправильным применением судом специальных норм трудового права и *необоснованным* – в связи с неполным выяснением судом обстоятельств, имеющих значение для дела, а также недоказанностью имеющих для дела обстоятельств, которые суд посчитал установленными”.

При пересмотре судебных решений типичными являются такие вопросы служителей Фемиды к сторонам, как: “С чем Вы *не согласны* в решении суда?; Почему Вы считаете решение суда *несправедливым*?; Вы считаете решение *законным* или *нет*?” Показательна также следующая реплика, которая корректирует пояснения сторон в апелляционном суде: “Рассказывать все не надо. Мы же знаем дело. Вы решение *критикуйте*”.

Закреплено за судебной сферой и такое нетактичное речевое действие, как отвод – устранение от участия в деле судьи, секретаря судебного заседания, прокурора, эксперта/специалиста и переводчика. Это средство, обеспечивающее объективность судебного разбирательства, вступает в противоречие с постулатами одобрения и симпатии. Заявление об отводе, как правило, включает в себя выражение сомнения в беспристрастности кого-либо из перечисленных выше процессуальных участников – акт, который, безусловно, угрожает их “*позитивному лицу*”.

Судебное разбирательство направлено на выяснение истины в правовом конфликте. Однако в судебной практике распространены случаи, когда процессуальные участники “под давлением жизни” предъявляют суду ложные сведения или умалчивают об известных им фактах. “Добывание правды” в ходе судебного разбирательства также основано на речевых действиях, угрожающих репутации процессуальных

участников. В судебной речи это подозрения во лжи (*А почему Вы обратили на это внимание?; А как Вы тогда можете объяснить докладную записку о невыходе [на работу] М.?*), запросы об истинности сообщения (*Вы правду излагаете сейчас суду или нет?*) и т.п.

Особо выделим этические оценки соответствующих речевых поступков процессуальных оппонентов: *Показания ее свидетелей недостоверные; Она врет все!; Не врете, пожалуйста!* и т.п. Уместно вспомнить рассуждения по этому поводу Н.Д. Арутюновой: "...даже тогда, когда реплика не содержит личного глагола и не сведена к имени лица ("Ложь!"; "Неправда!"; "Глупости!"), она, рикошетом отскакивая от характеристики высказывания, бьет по собеседнику" [1].

Можно отметить и другие невежливые действия, присутствующие в судебной культуре. Это "профессиональное секретничанье" судей – обсуждение несложных процессуальных вопросов без удаления в совещательную комнату. Совещание судебной коллегии "на месте" внешне выглядит не совсем прилично, так как представляет собой тихое – буквально "наушное" – говорение людей, находящихся в центре внимания остальной аудитории.

Вообще говоря, в ходе судебного разбирательства наблюдается минимальное проявление вежливости и речевого этикета. Взаимодействие в суде обезличено и основано не на "контакте личностей", а на "контакте масок", т.е. процессуальных ролей. Судебное разбирательство – это ситуация, в которой «участие личностей как партнеров контакта лишь "портит" дело» [2].

Участливое отношение судьи к одной из сторон противоречит принципу объективного рассмотрения правового конфликта. (Вспомним богиню правосудия, которая в знак беспристрастности суда изображается с повязкой на глазах.) Судья подлежит отводу (или даже самоотводу) из судебного разбирательства, если он является членом семьи или близким родственником стороны или других лиц, участвующих в деле.

Как правило, не проявляя благорасположения друг к другу и процессуальные оппоненты, которые не смогли разрешить возникшее разногласие без государственного принуждения. Перенесенный в суд конфликт, по мнению специалистов, – это наивысшая точка противоречия, коллизия с наиболее острым противоборством. Для конфликтного речевого взаимодействия характерны агрессия, обмен колкостями, а не одобрительными, "поглаживающими" (по Э. Берну) репликами.

Итак, судебная культура основана на негативной (в другой терминологии – дистанционной) вежливости, хотя в судебной речевой практике можно наблюдать и речевую грубость. Однако тенденцией развития гражданско-процессуального законодательства следует считать уделение все большего внимания правилам судебного этикета. Закон располагает достаточными средствами, при помощи которых можно противодействовать грубости всех участников судебного разбирательства.

По отношению к судьбе это возражения против его действий, по отношению к остальным нарушителям порядка в судебном заседании – предупреждение, удаление из зала и штраф. Любой участник судопроизводства может обратиться к суду с просьбой о защите своего “лица”.

В судебной культуре представлены некоторые ситуации речевого этикета, последовательно выделяемые в широко известных работах по общению.

Так, судебной процедурой предусмотрена ситуация **приветствия** процессуальными участниками друг друга, которая протекает очень специфично. Присутствующие в зале судебного заседания приветствуют отправителей правосудия *стоя*. Этот этикетный жест они исполняют по указанию секретаря, которое представляет собой стереотипную реплику *Прошу всех встать*. Разрешение сесть в судебной аудитории получают от судей также в виде стереотипной реплики, имеющей приподнято-официальный характер: *Прошу садиться*. Судьи, как правило, не здороваются в зале судебного заседания.

Сформировавшаяся в судебной культуре этикетная модель приветствия маркирует социальные отношения между участниками процесса, иерархию процессуальных ролей, а также задает высокую тональность судебному общению.

При полном соблюдении процедуры **прощание** протекает так же, как и приветствие, – судья *молча* выходит из зала, все присутствующие по указанию секретаря *встают*.

Самый частотный этикетный знак, который используется в ходе судебного разбирательства, – **обращение**. Судебный этикет обладает собственной системой обращений, в которую входят обращения-индексы и регулятивы (термины В.Е. Гольдина), узуальные и окказиональные, стилистически нейтральные и окрашенные вокативные формы.

Рассмотрим, как обращаются к участникам процесса судьи.

В качестве доминирующих в их речи используются следующие группы обращений: обращения-индексы, которые выделяют основные признаки участвующих в деле лиц и потому отвечают социально-ролевому уровню общения в суде (*Пожалуйста, истец, слушаем Вас; Ответчик, поднимитесь. Что Вы просите у суда?; Апеллянт, мы по существу жалобу не рассматриваем; Представители, будут ли у вас ходатайства?*), в том числе фамильные обращения, обладающие стилистической сниженностью (*Лукьяненко, какие Вы хотите дать пояснения?; Так, пожалуйста, Сивоконева, в прениях слушаем Вас; Лемеш, Вы поддерживаете свою жалобу?*).

Распространены в судебской речи и “побуждающие обращения” в виде императивной формы глагола *сказать*: *Скажите, пожалуйста, Вы были представителем и в суде первой инстанции?; Скажите, мы правильно Вас поняли, моральный вред заключается в том, что Вы не получили от Теплокоммунэнерго ответы?*

Выделенные группы вокативов различаются особенностями функционирования в судебной речи. Обращения первых двух групп используются преимущественно в тех случаях, когда из числа участников процесса необходимо выделить адресата или сменить его. Это обычно происходит при первом предоставлении слова участвующему в деле лицу на той или иной стадии судебного разбирательства. При этом ролевые и фамильные индексы нередко выступают в качестве лексических показателей начала новой минимальной диалогической единицы. Внутри нее судьи или никак не называют своего адресата, который, подчеркнем, остается неизменным, или используют по отношению к нему “побуждающие обращения”.

А теперь – о неосновных видах обращений к участникам процесса в речи судей. Это обращения по имени и отчеству. Их выбор, по нашим наблюдениям, определяет социальный статус адресата: (обращение к бывшему городскому голове, оспаривающему свое увольнение с работы): *Пожалуйста, Сергей Васильевич, что желаете дополнить?*; (обращение к вузовскому преподавателю): *Оксана Владимировна, ближе к делу.*

Продуктивно в судебной речи образование обращений из названий организаций, которые представляют участники процесса. Типичные примеры: (обращение к представителю Пенсионного Фонда) *Пенсионный Фонд, если он [о заявителе] сейчас подаст Вам документы, с какого числа Вы сделаете ему перерасчет?*; (обращение к представителю Госинспекции труда) *Инспекция, Вы давали заявительнице только этот ответ, который находится в деле?*

Вокативную функцию в речи судей могут выполнять топонимы: (обращение к представителю предприятия, расположенного в г. Старобельске) *Старобельск, Вы у нас сегодня с доверенностью?* Эти вокативные формы, “обезличивая” судебную коммуникацию, обладают таким достоинством, как краткость, которое, видимо, и привлекает от правителей правосудия, стремящихся “экономить” процессуальное время.

Можно встретить в речи судей и окрашенные негативно регулятивы: (раздраженная реакция С. на недовольство И., связанное с переносом судебного заседания) *Уважаемая, к нам [т.е. в апелляционный суд] Вы первый раз едете.*

Как показывают примеры, используемые судьями обращения отличаются заметным разнообразием. Это связано с тем, что “член группы более высокого должностного ранга имеет возможность благодаря большей свободе выбора вокативов произвольно устанавливать психологический тон общения с подчиненным, выражая свои положительные или отрицательные чувства к нему символически. В то же время члены группы нижестоящих ступеней лишены возможности выражать свое отношение этим способом...” [3]. В ряде случаев избирае-

мые судьями вокативы неадекватны специфике процессуальной деятельности.

Какие формы обращения к служителям Фемиды приняты в судебной практике?

Сразу отметим, что речевое поведение сторон отличается меньшей раскованностью, что находит отражение и в наборе используемых ими вокативных форм.

По отношению к судьям, во-первых, используется “титулованное” обращение *Ваша честь*. Суд – одна из немногих сфер нашей жизни, в которой сохранилось обращение по титулу. (Очевидно, оно восходит к дореволюционной традиции. Ср. в утвержденной Петром I форме челобитной: *Прошу Вашего величества о сем моем челобитье решение учинить*. Здесь необходимо напомнить, что при Петре I высшей судебной властью обладал царь и все решения и приговоры судов выносились от его имени.)

Обращение *Ваша честь* в первую очередь используют профессиональные участники судебного процесса (адвокаты, юрисконсульты и др.), которые специально изучали судебный этикет. Эту форму обращения в ходе судебного разбирательства усваивают и его некоторые непрофессиональные члены.

Следует отметить, что не каждым процессуальным участником принимается это обращение, которое содержит в себе повышение статуса адресата с одновременным понижением собственного статуса. Наблюдения свидетельствуют о том, что в речи профессиональных участников правового конфликта на месте номинации социального неравенства нередко наблюдается появление обращения *Уважаемые коллеги*, “уравнивающего” говорящего с адресатом.

Следующей распространенной формой при обращении к судьям является *Уважаемый суд!* При обращении в апелляционном суде к судебной коллегии наблюдается выделение из ее состава председательствующего в судебном заседании, вследствие чего появляется расчлененный вокатив: *Уважаемый председательствующий! Уважаемые судьи!*

Какие вокативные формы используют стороны по отношению друг к другу?

Наблюдения показывают, что в репликах сторон друг к другу обращения, как правило, отсутствуют. Это связано, с одной стороны, с тем, что перераспределение коммуникативных ролей в ходе судебного диалога осуществляет судья, структурируя судебную аудиторию. Ср. типичные обращения судей к процессуальным участникам: *Вопросы будут?; У Вас вопросы есть?; Вопрос задайте*. С другой – с нежеланием посылать “поглаживания” своему оппоненту. Этикет обслуживает зону доброжелательных отношений, которые, как мы уже отмечали, часто оказываются разрушенными вследствие возникшего конфликта.

В рамках судебного диалога можно встретить и некоторые другие этикетные знаки. Так, замеченные в речи судей **комплименты**, как правило, одобряют дисциплинированность процессуальных участников: *Как хорошо, все явились! Молодцы!*

Извинений больше встречается в речи “рядовых” участников процесса. Напротив, судьи – даже в случае возникшей необходимости извиниться перед кем-либо из участников процесса – прибегают к этому речевому действию редко. Пример извиняющегося речевого поведения судьи, который перебивает объяснения истца: *Извините, что значит “не в полной мере”?*

Крайне редко в судебской речи наблюдаются эмоционально-фатические реплики – в виде утешения участников дела и сочувствия им: *Сформулируйте вопрос правильно. Не волнуйтесь; Не расстраивайтесь! Суд просто не рассмотрел все приказы о Вашем увольнении.* В большинстве случаев судьи игнорируют или пресекают жалобы, слезы и т.п.

Практика показывает, что судьи в первую очередь заботятся о защите “своей территории”, отводя от себя невежливые, с их точки зрения, речевые акты (*Суду вопросы не задают!*).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 13–14.
2. Добрович А.В. Общение: наука и искусство. М., 1978. С. 43.
3. Пименов А.В. Социальный символизм во французской речи // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 250–251.

Луганск,
Украина

КАК ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ОТРАЖАЮТСЯ В ЯЗЫКЕ

© В. А. ВЛАЙКОВА

Этнические стереотипы – устойчивые, чаще всего субъективные представления о других этносах и о самих себе на основе разного рода контактов народов (или представителей одного народа) между собой. Возникающие при этом коннотации закрепляются за тем или иным этнонимом. Например, у немца имеются следующие отличительные черты – точность, пунктуальность, педантичность; у англичанина – воспитанность, чопорность, невозмутимость и т.д.

У разных этносов могут возникать свои определения, которые они воплощают в опыт взаимоотношений с другими народами. В то же время признаки некоторых этносов могут быть интернациональными, т.е. представления разных народов о каком-либо этносе могут совпадать.

Каким образом подобные стереотипы отражаются в языке и как они влияют на функционирование в нем различных этнонимов?

Прежде всего этнонимы могут приобретать новые значения.

Так, *европеец* давно употребляется в переносном значении – “человек европейской культуры, образованности” [1]. Исторически сложилось так, что Европа была центром мировой цивилизации и культуры, что способствовало рождению соответствующих коннотаций в языке, связанных с *европейцем*: *образованность, воспитанность, прогрессивность*: “Штольц – вполне *европеец* по развитию и по взгляду на жизнь” (Гончаров. Обломов).

В XVIII–XIX вв. русские дворяне получали образование за границей, преимущественно в Англии, Германии и Франции, или выписывали учителей для своих детей из этих европейских стран, признанных центров просвещения, науки и искусства. Поэтому этноним *немец* приобрел в просторечии значение – “преподаватель немецкого языка”, *француз* – “преподаватель французского языка” [1]. Эти значения возникли в результате повторной реализации словообразовательной моде-

ли и сейчас прочно укрепились в разговорной речи [2]. У этнонима *англичанка* также давно появилось значение “преподавательница английского языка в школе, вузе и т.д.” [Там же], а этноним *англичанин* только в настоящее время начинает активно использоваться для обозначения преподавателя, особенно в школьном и студенческом жаргоне, в словарях литературного языка это значение пока не отмечено.

Деловитость, предприимчивость, практицизм – качества, которые прочно ассоциируются в массовом сознании с *американцами*, способствовали появлению соответствующих словосочетаний: “При этом *американский практицизм* обладал определенной спецификой, так как был вызван жесткими, а подчас и жестокими условиями жизни” [3].

Отметим, что сегодня стереотип американца претерпевает серьезные изменения. Помимо отмеченных “положительных” коннотаций, у этноса (возможно, в связи с внешней политикой государства) появляются и “отрицательные” – *ограниченность, распущенность, высокомерие, амбициозность*. В результате чего в СМИ нередко можно встретить такие выражения, как *возмездие по-американски, демократия по-американски*, носящие явно иронический характер: “Ведь благодаря разошедшей видеосъемке казни Хусейна невольными жертвами “возмездия по-американски” уже стали несколько детей в самых разных странах мира” (Комс. правда. 2007. № 5). В итоге повсеместно пропагандируемый *американский образ жизни* постепенно теряет свою привлекательность.

Отметим, что одним из отличительных свойств этностереотипа, на наш взгляд, является его динамичность, подвижность, т.е. способность к изменениям, которые связаны с историческими, политическими и др. причинами, влияющими на характер взаимоотношений между народами.

В большинстве случаев коннотации закрепляются в словосочетаниях с этнонимом прилагательных и наречий, указывающих на полное соответствие норме, типичность проявления каких-либо признаков. В прессе активно используются словосочетания такого типа, «употребляющиеся в контексте сравнения свойств того или иного лица со свойствами представителя “эталонного” в этом отношении этноса» [4]: “Тигран считает себя *настоящим кавказским мужчиной*, со всеми его недостатками и достоинствами. Очень ревнив, хотя пытается с этим бороться. Любит национальную кухню...” (Весть. Теленеделя. 2006. № 411–414). Подобные языковые конструкции основаны на определенных устойчивых представлениях о культуре, традициях, образе жизни того или иного этноса, из которых и складываются рассматриваемые нами стереотипы.

Часто встречаются сравнительные обороты с этнонимом (например, с *цыганом*, для выражения таких свойств, как свободолюбие, бродяжничество и т.п.): “Я теперь, *как цыган*, кочую с одного совещания на другое” (Наш современник. 2003. № 10). Помимо этого, темный цвет кожи цыган способствовал рождению в разговорной речи сравнитель-

ных оборотов типа *черный, как цыган, загорелый, как цыган*: “И когда они, Лева и Олеся, стояли рядом, от них нельзя было глаз оторвать: Лева высокий, стройный, *черный, как цыган*, Олеся ему по плечо, белолицая русалочка с льняными волосами” (Рыбаков. Тяжелый песок). Заметим, что в данных конструкциях фиксируются самые типичные и издавна укрепившиеся в массовом сознании особенности этносов, которые и становятся объектом сравнения.

Коннотации закрепились в языке и в виде импликатур, основанных на стереотипном восприятии этноса. Так, использование в литературе фраз типа *он татарин, а хороший* (о Хадже-Мурате, Л. Толстой) явно отсылает нас не к этническому значению слова *татарин*, а к его стереотипу, который подразумевается в этнониме. Это предложение предполагает следующий подтекст: “обычно татары жестоки, злы, грубы”, необходимый для понимания этого предложения и диктуемый союзом *а*. Но для носителей языка он не обязателен, так как сконцентрирован в самом этнониме *татарин*. Использование подобных выражений говорит о влиянии стереотипа на значение этнонима, что позволяет ему в разговорной речи обозначать не только представителя той или иной национальности, но и давать определенную характеристику человека, причем вне зависимости от его национальной принадлежности.

Можно также обратиться к пословицам и поговоркам, которые содержат стереотип. Например, пословица *что русскому хорошо, то немцу – смерть* в разговорной речи используется и в несколько измененном варианте: *что для немца “кирпич”, то для русского “мигающий зеленый”*. Смысл пословицы в результате такой трансформации не изменился, так как в его основе стереотипы народов, содержащие в целом противоположные характеристики: немец, все делающий тщательно и безукоризненно, противопоставляется русскому с его размахом во всем и пренебрежением ко всяким ограничениям и запретам.

Национальные характеристики закрепились и в специальных словах, обозначающих тот или иной этнос.

Для немцев в просторечии давно существовало особое наименование – *колбасники*, а для итальянцев – *макаронники* [1]. Эти прозвища имели явно шутливо-иронический характер и возникли на основе гастрономических предпочтений их носителей. В литературе находим тому подтверждение: “Как известно, в Италии...макароны стоят дешево. Любят итальянцы эту пищу. Недаром их называют *макаронники*” (Новиков-Прибой. Капитан 1-го ранга).

Подобные номинации возникают на основе каких-либо ярких примет (это могут быть как особенности внешности, так и черты характера, особые привычки и др.), которые рассматриваются другим народом как отклонение от привычного стандарта.

В заключение отметим, что этностереотипы как предмет лингвистического исследования представляют неподдельный интерес, так как

стоят на грани внеязыкового и языкового способов освоения мира. Они помогают проникнуть не только в особенности взаимоотношений различных этносов между собой, но и, главным образом, в особенности человеческого мышления и его тесную связь со словом, а значит, понять способы и причины порождения определенных наименований и языковых структур.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.–Л., 1948–1966.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
3. *Легойда В.* Религиозность в безрелигиозную эпоху. Статья первая. Гражданская религия в США // “Альфа и Омега”. 2000.
4. *Крысин Л.П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Калуга

Православный врач, православный адвокат...

© И. В. БУГАЕВА,
кандидат филологических наук

Настоящая статья посвящена расширению лексического значения прилагательного *православный* в современных текстах. Особенно ярко это проявляется в рекламе на страницах журналов и газет. Наше внимание привлекли такие объявления: **Православный адвокат**. Все виды правовых услуг; **Православный специалист по операциям с недвижимостью**; **Православный психолог**; **Православный фотограф**; **Православный врач**; **Православная женщина снимет комнату**; **Требуется православная помощница к двум пожилым супругам** и т.п. Возникает вопрос, почему авторы объявлений подчеркивают религиозную принадлежность? Какая мотивация и глубинный смысл стоят за этим словоупотреблением? Казалось бы, вероисповедание – личное дело каждого, афишировать это не принято. Но создатели рекламы и объявлений считают нужным этот пункт особо выделить, а для адресата это тоже оказывается важным и значимым.

Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать в изменившемся сознании людей под влиянием социально-нравственных потрясений в современном постсоветском обществе. Раньше люди верили, что врач, давший клятву Гиппократа, будет лечить на совесть, а не за деньги; адвокат будет честно защищать, потому что это его профессиональный долг и т.д. Таким образом, использование определения *православный*, во-первых, сигнализирует о том, что в оппозиции “свой – чужой” автор рекламы является “своим” и адресует свою рекламу члену того же социума.

Встречаются и такие объявления, как “*прихожанам храма – льготное обслуживание, для храмов и монастырей – постоянные скидки, можем верующим христианам*” и др. Во-вторых, специальное использование определения *православный* служит для того, чтобы выделить мысль: верующий человек не обманет. Другими словами, это как гарантия порядочности, честности и добросовестности. Очевидно, это то новое дополнительное значение, которое в современных условиях получает прилагательное *православный*. Обратившись к словарям, находим следующие дефиниции этой лексики.

В Этимологическом словаре читаем: “православный, калькирует греч. *Орθοδοξος*”. Первая часть этого композита и в греческом языке *орто*, и в русском языке *прав* имеет значение “прямой, правильный, невиновный”, в сербохорв. “невинный, прямой, правильный, настоящий”, в словен. “правильный, правый”, чеш., слвц., польск. “правый, прямой, настоящий” [1].

В Полном церковнославянском словаре прот. Григория Дьяченко приводится много производных с корнем *прав-*, имеющих значение одного из омонимов, а именно “исполненный правды, истинный, справедливый, живущий по правде, правдивый, праведный, прямой” [2]. Перечислим лишь некоторые из них: *правосудие, правоживущий, правоверно, правомудрствовати* и т.д.

И.И. Срезневский наречие *право* определяет как “верно, правильно, справедливо, по истине” и приводит одно важное значение, а именно: “в Священном Писании для перевода греч. – *аминь. Право глаголю вам, яко един от вас предаст мя* (Мр. 14, 18)” [3]. А для лексики *православие* первым дается значение “благочестие: *Молюся о вашем православии всемилосердому Богу* (Посл. митр. Фотия)”, а только вторым – значение “православная вера” [Там же].

В Словаре В.И. Даля первое значение для лексики *православный* – “десной, противопоставленный левый, шуий”. Далее приводятся другие значения – “прямой, истинный, чистый, непорочный” и следуют яркие примеры: “*Правая дорога, прямая. Идти право, правым путем. Правые деньги, неподдельные, истинные, безгрешножитые. Живем на правую копейку, честным трудом. Правый человек, живущий право, праведно, по правде. Правое дело, правдивое, справедливое, законное*” [4].

Значение “справедливый, невиновный, не нарушивший закона” у слова *правый* сохраняется и в современном языке у одного из омонимов [5]. Следовательно, семантические доли “истинности” и “безгрешности” присутствуют в производных с корнем *прав-* (*православный, православие*), а в некоторых контекстах, например, в рекламе, оказываются основными, доминирующими, тесня ядерную семантическую долю “принадлежащий к православному вероисповеданию”.

На рубеже веков заметно расширилась сочетаемость прилагательного *православный*: *православная общественность, православная мо-*

лодежь, православные СМИ, православные издания, православная телепередача, православный информационный центр, православный характер и т.д. Например: «Позднее Григорьев опубликовал подборку материалов “Война в Борисоглебске”, в которой дал не только мой очерк и мое письмо к *православной общественности* “Обороним Борисоглебский монастырь”, но и статьи наших противников» (Щербаков. Крестный ход. Борисоглеб); “В Кузбассе прошел первый туристический слет *православной молодежи*” (Русская линия). В Уставе Православного молодежного братства записан пункт: “Стремления Братчиков должны быть направлены на ...воспитание *православного характера* в рамках братского коллектива”.

Часто встречаются в современной публицистике словосочетания *православное воспитание, православная школа*. До революции эти и другие существительные сочетались с прилагательным духовный: *духовное воспитание, духовная школа, духовное училище, духовная семинария, духовная академия*, что соответствовало религиозному, а именно православному обучению для подготовки лиц “духовного звания”, то есть священнослужителей. В настоящее время учебные заведения, дающие среднее, специальное и высшее богословское образование, сохранили свои исторические названия: *Владивостокское Духовное училище, Казанская Духовная семинария, Московская Духовная Академия*.

Появившиеся в постсоветское время в России православные школы отличаются от государственных тем, что к обязательным учебным дисциплинам добавляются специальные предметы, например, Закон Божий, церковнославянский язык, основы православной культуры и т.д. В последнее время появились православные детские сады и православные группы в муниципальных детских садах. Там отмечают православные праздники, детям рассказывают о русских святых, то есть дается, говоря современным языком, *православное воспитание*, которое раньше называли *духовным воспитанием*.

Подтверждением появления дополнительного значения “порядочный, справедливый, безукоризненного поведения (так как выполняет заповеди Божии)” у рассматриваемого прилагательного могут служить случаи его использования со значением укоризны: *Эх, православный! А еще православные! Тоже мне православные* и т.п.

Несколько раз приходилось слышать выражения *У нее православный вид; Она так православно выглядит* и т.п. Проведя небольшой опрос среди молодежи, можно сделать вывод о том, как они это понимают. Оказывается, православный внешний вид сегодня – это длинная юбка, бесформенная с длинными рукавами блузка, головной платок, лицо без косметики, потупленный взгляд. Грустная картина. И сразу вспоминаются святые Царственные Мученицы: Императрица Александра Федоровна, ее родная сестра Великая Княгиня Елизавета Федо-

ровна, прекрасные Великие Княжны Татьяна, Ольга, Мария, Анастасия, другие православные женщины, красиво и со вкусом, необязательно богато, одетые, статные, образованные, умные, верные жены и добросердечные многодетные матери, запечатленные на портретах известных художников и в воспоминаниях современников. Хочется, чтобы именно таким становился образ и современной православной женщины в представлениях окружающих.

Таким образом, в настоящее время происходит расширение значения слова *православный*, которое помимо основного значения “принадлежность к православному вероисповеданию” используется в новых, дополнительных значениях: “духовный”, “порядочный”, “честный”.

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III.
2. Полный церковно-славянский словарь. Состав. Священник магистр Г. Дьяченко. М., 1998. Т. 1.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. II.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. III.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978.

Глаголы-термины нефтедобычи

© *Е. Ш. ДУМИТРУ*

Глагол в качестве термина всегда был “камнем преткновения” для терминологов. Основополагающим признаком, согласно которому глагол может быть включен в терминологию как грамматическая категория, О. Ман и другие исследователи (В.П. Даниленко, В.В. Зирка) считают системные отношения частей речи, в частности, словообразовательные гнездовые образования, где “отдельные составляющие” связаны не только морфологически, но и семантически, т.е. термином будет и глагол, если он входит в гнездо, связанное общим терминологическим значением.

Несмотря на то что по преимуществу термин – имя, в сфере функционирования (в научно-публицистических журналах, базовых учебниках, научно-технических текстах) оно соотносится “с претерпевшими смысловую специализацию глаголами, прилагательными, наречиями” [1].

По мнению исследователя М. Вавречки, терминологичность других знаменательных слов, кроме существительных, недооценивается по вне- и внутрилингвистическим причинам, к которым он относит: 1) мнение о том, что основной сферой функционирования терминов является сфера их фиксации (ГОСТы, списки рекомендуемых терминов, толковые и переводные терминологические словари); 2) способность существительных выражать свойственное им категориальное значение субстанции дифференцированно, по разным признакам, что обуславливает преимущественное использование существительных в качестве терминов [2].

Нам представляется убедительным и перспективным мнение В.П. Даниленко, которая, противопоставляя две сферы употребления терминов: сферу фиксации и сферу функционирования, говорит о возможности использования разных частей речи в функции терминов. Позволим не согласиться с мнением С.В. Гринева о том, что глаголы “не имеют самостоятельного терминологического значения”, поскольку, хотя семантика термина-глагола и не эквивалентна семантике термина-существительного, тем не менее термин-глагол дает, хотя и более суженное по объему по сравнению с именем понятие конкретного процесса, явле-

ния, описываемого в данной конкретной ситуации, образуя при этом свои особые системы в каждой области науки.

В исследуемой нами терминологической лексике в качестве терминов подъязыка нефтедобычи выступают термины-существительные, среди которых значительное место занимают отглагольные имена существительные. Подобные существительные лексически соотносимы с глаголами, от которых образованы (*бурить* – *бурение*, *оконтуривать* – *оконтуривание*, *перфорировать* – *перфорирование*), но имеют в отличие от них более обобщенно-отвлеченное значение. Наряду с терминами-существительными в исследуемом подъязыке в качестве терминов выступают также глаголы (*бурить*, *пашбиширивать*, *перфорировать*) и прилагательные (*болотный*, *кавернозный*, *обсадной*). Однако следует учитывать, что термины-глаголы, функционирующие в научном стиле речи, не могут выступать самостоятельными терминами без соотнесения с однокоренными терминами-существительными. Так, глагол *бурить* можно разложить на смысловые элементы “производить бурение”, *перфорировать* – “производить перфорацию” и т.п.

Конечно, так же, как и имя, глагол обозначает понятие (*оконтуривание* – *оконтуривать*), однако в силу своих грамматических особенностей глагол передает понятие более суженно. Этому способствует категориальное значение личных форм глагола, не только конкретизирующих значение процесса, но и присоединяющих к этому значению отношение между субъектом и объектом действия. Поэтому “неудивительно, что для словаря более приемлемой считается форма имени существительного, а в текстах это понятие реализуется в личных формах глагола” [1].

Исследуемый материал показывает, как велика роль глагола в создании словообразовательных гнезд. Например, от глагола *бурить* образуется ряд наименований: *бурение* – *буримая* (порода) – *буримость* – *бурильщик* – *бурильный* (инструмент) – *бурилы* (то же *буровики*) – *бурилка* (скважина) и другие профессионализмы.

Термины-глаголы в области нефтедобычи различны. Можно выделить группы: 1) отраслевые глаголы, 2) общеупотребительные глаголы.

В первую группу входят специальные глаголы ограниченного употребления, такие, как *заглинизировать* – “действие, в результате которого на стенках скважины откладывается глина”, *запарафинивать* – “действие, в результате которого на внутренней стенке трубы выпадает парафин”, *отбензинивать* – “удалять из газа жидкие углеводороды”, *тартать* – “добывать нефть из скважины с помощью желонки или лебедки”. Глаголы этой группы – чаще всего приставочные с мотивированной основой, образованные от существительных, широко известных в данной терминосистеме: *парафин* – *запарафинивать*, *оконтур* – *оконтуривать*, *бензин* – *отбензинивать*, *сваб* – *свабировать*.

Следует отметить, что глаголы часто имеют своеобразный оттенок значения, свойственный именно данной терминологии. Так, из горной терминологии взят термин *выклиниваться* – “2. (горн), постепенно уменьшаясь в толщине, сдвигаться в виде клина” [3], в терминологии нефтедобычи – “постепенно уменьшаясь в толщине, исчезать”. Если в горной терминологии глагол может сочетаться со словами *залежь*, *пласт*, то в терминологии нефтедобычи возможна сочетаемость только со словом *пласт*. *Обезвоживать* – *производить обезвоживание* (искусственное удаление воды из какого-либо тела: твердого, жидкого или газообразного), в терминологии нефтедобычи “удалять воду из нефти путем ее нагрева и ввода деэмульгаторов” (*обезвоживать нефть*). *Каптировать* – *производить каптаж* (заклучение в трубы, в колодцы и т.д. подземного источника жидкости, газа во избежание потерь от просачивания их в почву) [3]. В терминологии нефтедобычи – “оборудовать устье скважины для направления и регулирования потока нефти, а также для проведения различных работ в скважине” (*каптировать скважину*).

Во вторую группу входят общеупотребительные глаголы, их терминологичность проявляется только в словосочетаниях: *вводить* (*скважину в эксплуатацию*), *вскрывать* (*пласт*), *вторгаться* (*в пласт*), *вызывать* (*приток нефти*), *вытеснять* (*нефть, газ*), *засорять* (*призабойную зону пласта*), *осваивать* (*скважину*), *очистить* (*скважину*), *потерять* (*инструмент в скважине*) и т.д.

Мы сравнили значения глаголов указанной группы по словарю (ССРЛЯ) со значениями, которые имеют эти глаголы в специальной литературе по нефтедобыче, в результате чего выяснилось, что глаголы могут сохранять одно из значений, отмеченных в ССРЛЯ, или развивать новое.

Например, глагол *разрабатывать* имеет в общелитературном языке пять значений. Второе из них “производить необходимые работы по добыче, извлечению полезных ископаемых” [3] заимствуется в терминологию нефтедобычи с конкретизацией значения: “осуществлять комплекс мероприятий, необходимых для отбора нефти (газа, газоконденсата) из пласта (залежи, месторождения, горизонта)” – *разрабатывать пласт (залежь, месторождение, горизонт)*.

То же происходит и с другими глаголами, заимствованными из общелитературного языка в одном из значений. Семантика их конкретизируется только в терминологии, реализуется в пределах аналитического термина при уточнении узкоспециальными существительными. Заметим, что из общелитературного языка заимствуются, как правило, глаголы, имеющие широкое распространение, имеющие там нередко разговорный характер: *забивать* (призабойную зону), *расхаживать* (колонну бурильных труб), *затаскивать* (трубы на буровую) и т.д.

Ряд глаголов получает иное по сравнению с общелитературным языком значение: *возвращать* (скважину), *заглушать* (скважину), *за-*

печатывать (залежь). Так, если глагол *запечатывать* имеет общеупотребительное значение “накладывать печать; положив в конверт, заклеить” [3], то в терминологии нефтедобычи *запечатывать* (залежь) обозначает “действие, в результате которого нефтяная залежь изолируется от водяной части пласта”.

Глагол *заглушать* имеет в общелитературном языке четыре значения.

Самым близким к терминологическому является четвертое: “заставлять гаснуть, тухнуть” [3]. В терминологии нефтедобычи данный глагол употребляется в ином значении: *заглушать* (скважину) “прекращать работу фонтанирующей скважины путем ее заполнения пластовой водой или глинистым раствором”. При этом прежняя сема “насильственное прекращение” сохраняется, совмещаясь с новой “прекращение фонтанирования” (а не огня) и добавочной “путем залива водой, раствором”.

В рассматриваемой терминологии возможно использование параллельно глагола и имени: *бурить* (скважину) – *бурение* (скважины); *закупоривать* (призабойную зону пласта) – *закупорка* (призабойной зоны пласта); *оконтурить* (залежь), *оконтуривание* (залежи) и др.

Как доказывают приведенные примеры, большинство глаголов является компонентом терминологического словосочетания. Глаголы, заимствованные из общелитературного языка, всегда употребляются лишь с определенным кругом слов или с отдельными словами. Это объясняется, очевидно, тем, что только в составе словосочетания глагол получает узкоспециальное, терминологическое значение, которое поддерживается, как мы считаем, стабильной лексической сочетаемостью.

В терминологии нефтедобычи глаголы, как правило, используются с существительными, обозначающими конкретные предметы (вещества): *вскрыть* (пласт, пропласток), *вытеснить* (газ, нефть, газоконденсат), *подвешивать* (колонну труб, инструмент); реже – абстрактные понятия: выделять (эксплуатационные объекты), *регулировать* (процесс разработки).

В результате анализа лексической сочетаемости глаголов выявлены глаголы “узкой” и “широкой” сочетаемости.

Глаголы узкой сочетаемости употребляются всегда только с одним, постоянным существительным: *бурить* (скважину), *возбуждать* (скважину), *возвращать* (скважину), *заложить* (скважину), *защемлять* (газ), *переносить* (фронт нагнетания), *простреливать* (обсадную колонну), *свабировать* (скважину).

Глаголы широкой сочетаемости могут употребляться с несколькими зависимыми именами существительными, круг которых, правда, ограничен: *глинизировать* (стенки скважины, пласт), *запечатывать* (залежь, пласт), *оконтуривать* (залежь, месторождение), *опробовать* (скважину, пласт), *отклонять* (ствол скважины, скважину), по-

терять (циркуляцию, инструмент, долото), разрезать (залежь, месторождение) и др.

Однако и глаголы узкой, и глаголы широкой сочетаемости, как пишет В.П. Даниленко, “остаются в составе специальной, терминологической сферы, за ними закреплено специальное значение, их нет в общелитературном употреблении (а если и есть, то с определенными отличиями в значении и употреблении)” [4]. Сказанное позволяет сделать вывод о важной роли глагола в терминологии нефтедобычи. основополагающим признаком, по которому глагол включается в терминологию, является его способность входить в состав словообразовательного гнезда или даже образовывать словообразовательное гнездо. Терминологичность глагола проявляется, прежде всего, в сфере функционирования, где вместо соответствующих отглагольных существительных употребляются глаголы, наиболее удобные и гибкие выразители действия.

Таким образом, проведенный анализ достаточно убедительно показывает, что имена существительные не являются единственным средством выражения специального понятия, хотя это преобладающая часть речи для образования научного или технического термина.

Литература

1. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.
2. Вавречка М. Русская глагольная терминология и ее функционирование в научно-техническом тексте: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М., 1950–1965.
4. Даниленко В.П. Терминология и норма. М., 1972.

*Бухарест,
Румыния*

Язык прессы

“Ворота остались сухими”

Фразеология спортивных репортажей

© О. А. КАЗЕННОВА

Употребление фразеологических выражений – одна из характерных черт речи спортивного телекомментатора. Безусловно, это связано с тем, что комментатор должен не просто информировать телезрителей о ходе спортивного состязания (т.е. говорить о том, что зрители в состоянии видеть сами), но и давать оценку этим событиям. При этом существенную роль играют индивидуально-личностные особенности спортивного комментатора: его темперамент, характерная манера речи, в конечном счете, умение владеть языком (то, что называется речевой культурой). В некоторых исследованиях отмечается, что спортивный комментатор может выступать в нескольких “ролях”, например: суровый критик, справедливый судья, активный защитник, страстный болельщик и т.п. В соответствии с выбранной позицией он и строит свое высказывание, придавая материалу необходимую для восприятия адресата экспрессию [1].

В Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского) впервые отражен такой подход к описанию фразеологии, когда упорядочивание фразеологических единиц осуществляется не “по алфавиту”, а на основе их отнесения к тому или иному семантическому полю. Словарь-тезаурус дает представление не только о составе современной идиоматики, но и о структуре семантических полей, покрываемых идиоматикой, а также о семантических связях между ними [2]. (Напомним, что под семантическим полем понимается объединение слов – в данном случае фразеологических единиц – “на основе их семантической общности” [3]. По определению Ю.Д. Апресяна “семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент” [4]. Можно также привести и определение Е.В. Падучевой, которая называет формальным аналогом семантического поля тематический класс, объединяющий “слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре” [5].)

Анализируя современные спортивные репортажи, можно заключить, что большинство фразеологизмов, которые в них функциониру-

ют, принадлежат к семантическому полю “Успех, победа или неудача, поражение” (например, *открылось второе дыхание, прыгнуть выше головы, отыграть на ноль, фортуна повернулась лицом, оказаться за бортом, поставить крест и т.д.*). Доминирование в спортивном дискурсе концепта “успех, победа” настолько велико, что оказывает влияние и на фразеологические единицы из других семантических полей. Приведем несколько примеров из футбольных репортажей: “И костариканцы, и поляки выступают пока здесь не очень удачно: проиграли команды по два матча. Ну и предоставляется прекрасный шанс, что называется, напоследок *хлопнуть дверью*, набрать первые очки в этом чемпионате”, “Нужно расшевелить команду, чтобы она *хлопнула дверью*”. Очевидно, что здесь речь идет не об эмоциях и чувствах (обида, гнев). В данном контексте *хлопнуть дверью* означает “одержать победу в итоговом (и, как правило, ничего не решающем) матче после неудачной предыдущей игры (игр)”.

Еще одним примером перехода фразеологизма в семантическое поле “Успех, победа” служит выражение *предъявить/выложить на стол (все) козыри* (например: “Нельзя обыграть канадцев, играя в их хоккей, по их, условно говоря, правилам. Надо продемонстрировать свои *козыри*, *выкладывать их* здесь на площадке”, “Похоже, в первом периоде матча соперники *выложили на стол все свои козыри*”, “...что могут японцы, какие *козыри* *предъявить* звездному сопернику?” (из футбольных и хоккейных репортажей).

Довольно часто встречается выражение *камня на камне не оставить*, изначально относящееся к семантическому полю “Уничтожение, разрушение”, но в рамках спортивного дискурса получившее значение “одержать победу с крупным счетом” (“Сборная Израиля в отборочном туре *камня на камне* от македонской команды *не оставила...*”, “Если хорваты будут играть так, как сегодня, почти без движения, я уверен, что Австралия *не оставит камня на камне*” – из футбольных репортажей).

Отметим, что во многих случаях говорить о переходе фразеологических единиц из одного семантического поля в другое не совсем корректно, так как подобный переход может являться результатом неверного употребления спортивным комментатором того или иного выражения. Подобные оговорки (приписывание идиоме несвойственного ей значения) встречаются довольно часто. Одним из таких примеров служит выражение *чувствовать себя не в своей тарелке*, принадлежащее к семантическому полю “Беспокойство, тревога”. Как показывают наблюдения, в современных спортивных репортажах этот фразеологизм нередко употребляется в ситуации, когда спортсмен выступает плохо или хуже, чем обычно (например: “...Малуда и Рибери не так активны на флангах – это можно отнести в заслуги Каваранези и Перотти. Мы же не знаем до конца, какие указания получили от тренеров эти футболи-

сты. А вот то, что Тотти *не в своей тарелке* – это однозначно” (о не слишком активной игре итальянского игрока); “Пока *не в своей тарелке* пребывает олимпийская чемпионка, пока не может найти себя” (титлованная биатлонистка допускает два промаха).

Встречаются и другие случаи индивидуального употребления какой-либо фразеологической единицы. Например, идиома *горячая точка* может приобретать в спортивном дискурсе значение “хорошая позиция для броска” (“...туда, в ту самую *горячую точку* шайбу доставить ему не сумели”), а словосочетание *огневой рубеж*, которое употребляется преимущественно в трансляциях соревнований по биатлону (“стрельбище”), в футбольном репортаже приобретает значение “одиннадцатиметровая отметка, место на площадке, откуда бьют пенальти”.

В речи спортивных комментаторов наблюдается также развитие многозначности одного из слов-компонентов фразеологизмов. И здесь мы хотели бы остановиться на двух примерах. Один уже был отмечен исследователями (в частности, А.В. Савченко в статье “Спорт – зона “повышенной фразеологизации”), он касается многозначности слова “сухой/сушить” в таких фразеологизмах, как *сухой матч*, *сухая серия*, *ворота остались сухими*, *получить “сухарь”* и *засушить/сушить игру*. Если первые примеры имеют общее значение “минимум пропущенных/забитых голов, безголевой матч/серия матчей” (“К сожалению для итальянцев, Джанлуиджи Буффон не побил рекорд сухих серий. Если бы он в этом матче отыграл на ноль 64 минуты, тогда ...” – речь о вратаре, который пропустил мяч; “Вот он герой матча, его *ворота остались сухими*, на замке”), то последний (*засушить игру*) можно истолковать как “не дать сопернику проводить активные и опасные действия” (как следствие – игра с минимумом опасных, голевых моментов) [6]. Можно привести пример из футбольного репортажа: “Не дай бог, Италия забьет первой. Итальянцы сразу после этого *засушат матч* и будут его вести до победы со счетом один – ноль. В ответ я могу сказать: а что французы, если они забьют первыми? Не будут ли они *сушить игру*?”

Многозначность слова-компонента наблюдается и в таких фразеологизмах, как *погасить атаку* и *погасить вход (в воду)*. Первый имеет значение “ослабить или прекратить действие, проявление чего-либо” и может быть употреблен в репортаже о любом виде спортивного состязания (например, в репортаже с хоккейного матча: “Финны стараются как могут *погасить атаку* в средней зоне”). А второй толкуется как “вход в воду без брызг” и употребляется только в комментариях к водным видам спорта (“Посмотрите: без брызг. *Погасила* хорошо *вход в воду*”, “С другой стороны, хорошо войти и *погасить вход в воду* – это тоже возможно только при хорошем прыжке...”).

В спортивных комментариях фразеологизмы могут и не переходить из одного семантического поля в другое, но тем не менее менять свою

оценку – с положительной на отрицательную и наоборот. При этом тоже необходимо разграничивать случаи, когда изменение оценки допустимо (соответствует стандарту, не нарушает “норму”), а когда является результатом индивидуального или неверного употребления того или иного оборота.

В первом случае изменение оценки фразеологизма происходит за счет добавления префикса/частицы “не” (например: “Очень больно, когда рвешь связки. Соглашусь с вами, Андрей. *Не дай бог каждому*”, “...обыграли просто на классе, *не лезли* они из *кожи* вон и просто доказали свое превосходство” (из хоккейных репортажей); “...можно провести такую аналогию со сборной СССР образца девяностого года, да, когда проиграли две игры – Румынии и Аргентине, хотя с аргентинцами там опять-таки судья Фредриксон, *наш недобрый знакомый, напорол...*”, “Бразильцы здесь *не валяют дурака*, я вас уверяю” (из репортажей по футболу) и т.п.

Когда же речь идет об индивидуальном употреблении фразеологических единиц, то здесь возможности для изменения их оценки гораздо шире. В частности, в современных спортивных репортажах с большой регулярностью встречается замена одного из компонентов фразеологизма (слова или префикса) на его антоним. Например: “Как говорят футболисты, на гладах играют обе команды, очень тяжело, уже и *второе дыхание закрылось*”; “если это произойдет, то все, легионеров у нас в сборной не останется, останутся ли у нас вообще легионеры? Коряка, Коряка – *последняя ласточка*” (Андрей Коряка останется последним легионером в команде); “...прекрасно друг друга знают: они оба играют в Шотландии, в составах *заклятых друзей* ...” (два японских футболиста играют за две шотландские команды, ведущие между собой борьбу за лидерство) и т.п.

К смене оценки приводит также изменение порядка слов-компонентов фразеологизмов, что тоже имеет место в рамках спортивного дискурса. Например, в футбольном репортаже: “И последним появляется здесь герой первого тайма Зинедин Зидан. Он не с тонущего корабля, он на корабль, *с бала на корабль*” (футболист выходит на поле в хорошем настроении, так как его команда ведет в счете после первой половины игры). Или в репортаже с боксерского поединка: “Да, предыдущий седьмой раунд был, как выясняется, той самой пресловутой *ложкой меда в бочке дегтя*” (один из боксеров смог оказать сопротивление противнику только в одном раунде).

Особого внимания заслуживают случаи, когда изменение оценки фразеологической единицы происходит не за счет трансформации ее формы, а под влиянием окружающего контекста. В частности, фразеологизм *платить той же монетой*, который входит в семантическое поле “Конфликт (расплата)” и имеет отрицательную оценку, в одном из репортажей приобрел положительную характеристику: комментатор,

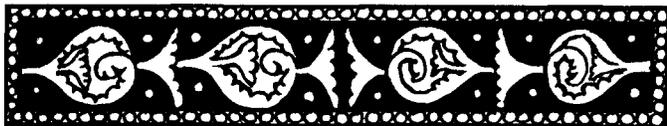
рассказывая о том, что спортсмены-мужчины пришли на трассу, чтобы поддержать девушек-биатлонисток точно так же, как это делали девушки на предыдущей мужской гонке, произнес следующее: "...наша мужская команда *платит* сейчас *той же самой монетой*". Но подобные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют прежде всего о незнании семантики фразеологического сочетания и о неуместности его употребления.

Таким образом, спортивные репортажи дают исследователю возможность проследить, как фразеологизмы, попадая в определенный тип дискурса, могут изменять свой смысл, какие компоненты их значений оказываются в фокусе внимания.

Безусловно, с точки зрения культуры речи можно говорить о том, что отмеченные изменения семантики и оценки фразеологических единиц в некоторых случаях являются результатом их неверного употребления. Но в то же время большой процент частотности появления таких "неточностей" позволяет сделать вывод, что в спортивном языке границы между фразеологическими единицами как одной тематической группы, так и разных достаточно подвижны. И все зависит только от умения спортивного журналиста (комментатора) грамотно использовать эти возможности в своей речи.

Литература

1. Ухова Л.В. Экспрессивизация речи спортивных комментаторов (на примере спортивной региональной программы С. Курицына "Большой хоккей"): <http://www/auditorum.ru>.
2. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М., 2007.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М., 1995.
5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
6. Савченко А.В. Спорт – зона "повышенной фразеологизации" // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006. С. 119.

О значениях слова *лествица*

© Т. Г. ПОПОВА,
кандидат филологических наук

30 марта по старому стилю день памяти Иоанна (Синайского) Лествичника, который наглядно показал путь восхождения к Богу в своей “Лествице” – книге, являющейся уникальной для древнейшего периода энциклопедией духовной жизни христианина.

Как называл свой труд сам Иоанн Синайский, неизвестно. В греческих и славянских рукописях встречается не менее восьми вариантов названия памятника: *Лествица*; *Райская лествица*; *Лествица добродетелей*; *Лествица божественного восхождения*; *Скрижали духовные*; *Подвижническая наука*; *Просветление*; *Книга против Оригена*. Относительно того, каким могло быть авторское название памятника, выдвигаются самые различные предположения. Так, Х.-Г. Бек считает, что Иоанн назвал свою книгу *Скрижали*, как у Моисея [1]. Х. Балль думает, что первоначальным названием произведения было *Скрижали духовные*, а название “Лествица” дали первые переписчики [2]. По предположению Д. Богдановича, вначале Иоанн Синайский мог написать просто *Книгу*, затем она стала именоваться “Слова подвижнические”, потом, наконец, памятник получил название – “Лествица” [3]. Это символическое название памятника является самым распространенным и наиболее точным.

Славянское слово *лествица* (*лестница*) соотносится с лексемами, содержащими корень **lez*, благодаря которому передается принцип расположения текста, обусловленный движением, восхождением, стремлением к нравственному совершенствованию. Между тем представление о *лествице* в Средние века гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

В целом в славянской письменности встречается не менее трех “Лествиц”. Кроме “Лествицы” Иоанна Синайского, в рукописях сохранились апокриф “Лествица” (Иакова) неизвестного автора и стихотворная “Лествица духовного по бозе жительства” Исаяи Копинского – к сожалению, в некоторых дореволюционных писаниях рукописных собраний она может ошибочно отождествляться с “Лествицей” Иоанна Синайского [4].

Апокриф, в котором четко выражается мистическое, аллегорическое значение *лествицы*, основан на библейском сюжете. В “Книге Бытия” повествуется о том, как ветхозаветный праотец Иаков по дороге его из земли Ханаанской в Месопотамию видел чудесный пророческий сон, в котором ему явилась “лествица, утверждена на земли, еяже конец досягаше до небеси, и ангели божи восхождаху и нисхождаху по ней”. Апокрифическое сказание о “Лествице” Иакова помещено во все списки “Толковой Палеи” и считается принадлежащим к первоначальной редакции “Палеи” [5]. Кроме толковой, апокриф вошел и в состав полной хронографической “Палеи” [6]. Текст сказания по списку пергаментной “Палеи”, писанной в Коломне в 1406 году, опубликован Н. Тихонравовым [7]. Интересно, что этот апокриф упоминается в довольно распространенном в славянской книжности так называемом “Сказании о книгах истинных и ложных” – при этом он может входить как в списки “истинных” книг [8], так и в списки “ложных” книг [9].

В христианской литературе “Лествица” Иакова символизирует не что иное, как Пресвятую Деву Марию – “Божью Матерь, имевшую послужить тайне воплощения Сына Божия, через которую соединилось небо с землей” [10]. По словам Иоанна Дамаскина, “Господь соорудил Себе одушевленную лествицу, которой основание утверждено на земле, а верх касается самого неба и на которой утверждается Бог, – лествицу, которой образ видел Иаков ... Лествица духовная, т.е. Дева: утверждена на земле, потому что Она родилась от земли, глава Ее касалась неба, потому что как всякой жены глава муж, а эта не знала мужа, то глава Ее был Бог и Отец” [11]. В Богородичном Акафисте есть слова: “Радуйся, лествице высокая, юже Иаков виде”. Паремия из “Книги Бытия”, описывающая чудесный сон Иакова, читается на праздники, связанные с Богородицей. Сложный, комбинированный образ Богородицы как *Моста*, *Небесной лествицы*, *Божественной горы* представлен в цитате из минеи на 7 сентября, предпразднество святой Богородицы (1097 г.): “родися днесь мост, преводя на свет человечество, лествица небесная, гора Божья явленная, Богородица Дева, юже вси убожим” [12].

Кроме названного, *лествица* имеет еще несколько символических значений, например, в одном из предисловий к спискам памятника (“Добродетели проходи всходы ...”) возникает образ *доброй лествицы*, по которой *Иисус ногама шествова*.

В памятнике сербской письменности XIII века – Службе св. Симеону I – встречается образ *лествицы*, по которой спускается на огненной колеснице Илья-пророк [3].

Традиционно *лествица* понимается как путь духовного восхождения монаха. Образ лестницы морального восхождения нередко встречается в учительной литературе – в творениях Иоанна Златоуста, Феодорита Киррского, Макария Великого, аввы Пинуфия [13]. Слова по образу

лествицы утверженной, даже до небесных дверей возводящей попросил Иоанна Синайского написать Иоанн Раифский, о котором, кроме того, что он был заказчиком памятника, больше неизвестно ничего [14]. Выполнив эту просьбу игумена Раифского монастыря, Иоанн Синайский снискал себе вечную славу, получив новый атрибут – *Лествичник*. Он и сам после этого стал осознаваться как возводящая от земли на небо *лествица*. Именно эта мысль выражена в его кондаке – главном песнопении на память святого:

Плоды присноцветущия от твоея книги,
принося учения, премудре, услаждаеши сердца,
сим с трезвением внемлющих, блаженне:
лествица бо есть,
души возводя от земли к небесней и пребывающей славе
верою чтущих тя [15].

Интересно, что с *Лествицей* сравнивается не только святой Иоанн Синайский, но также и другие преподобные отцы. Так, *Лествице* могут быть уподоблены Феодосий Печерский [16] и Иоанн Рыльский [3].

В монастырском уставе Ефросина Псковского читаем: “Послушание есть <...> лестница на небо” [17].

Лествицами также именовали монашеские скиты (кельи), в которых подвизались иноки, жаждущие уединения. Например, известно, что сербский монах Феодосий жил в таком месте у подножия гор Овчара и Коблара, на реке Мораве [18]. В так называемом Ряповом сборнике читаем о некоем болгарском монахе по имени Птоломей, который нашел для себя самое уединенное место, “глаголомое Лествица, в немже никтоже от мних въселити ся не възможе, понеже далече сущи” [19].

Еще одно значение слова *лествица* реализуется в древнерусском названии четок – ниток с бусинками, которые используются для счета молитв. Старое слово в измененной форме (*лестовка*) сохранилось у староверов [15]. “Сказание о лестовке” было довольно распространено в их среде в XVIII–XIX веках и сохранилось в ряде рукописных сборников. Например, в Древлехранилище им. В.И. Малышева Института русской литературы РАН содержится не менее одиннадцати вариантов текста “Сказания”: в составе Северодвинского собрания, Причудского собрания, Карельского собрания, Белорусского собрания, Усть-Цилемского нового собрания, коллекции И.Н. Заволоко и др. При этом некоторые тексты “Сказания о лестовке” сопровождаются ее наглядным изображением [20].

В рукописях зафиксировано еще одно значение слова *лествица*, которое можно сформулировать как “родословная”. Это значение реализуется, к примеру, в рукописи Румянцевского собрания Отдела рукописей Российской государственной библиотеки в следующем контексте: “Лествица государя нашего царя великого князя Ивана Васильевича” [21].

В славянской народной культуре *лествица* символизирует “вертикаль”, путь наверх и путь между мирами, верхним и земным. На Украине, например, существует поверье о том, что Млечный путь – это дорога-лестница, а звезды – это ангелы Божии, которые сидят на ступенях этой лестницы с зажженными свечами в руках [22]. Неслучайно одна из многочисленных поздних переделок “Лествицы”, сохранившаяся, например, в рукописи собрания А.Е. Бурцева Библиотеки Академии наук, называется “Небошественник” [23].

С символом “вертикали” связаны различные понимания *лествицы*. Например, она могла восприниматься как путь, по которому предки возвращались домой в поминальные дни. Поэтому, к примеру, на Псковщине при помощи цветного песка насыпали перед домом “лесенки”, чтобы душа ушедшего могла найти дорогу домой [22]. С другой стороны, *лестница* могла пониматься и как дорога души на небеса. Например, восточные славяне на 40-й день после смерти человека пекли специальные фигурные хлебцы, лепешки или пироги с поперечными перекладинами из теста (“лестницы”, “лестнички”, “лесенки”, “драбини”), освящали их в церкви, поминали ими усопшего и ставили за воротами на стуле – чтобы облегчить душе, отлетающей в этот день на небеса, путь наверх [Там же]. По *лествице* в Вознесение, в 40-й день после Пасхи поднимался на небо Иисус. Поэтому на Руси и на востоке Украины существовал обычай печь “лестницы” на Вознесение (“по ним Бог на небо полезет”) [Там же].

Эти “хлебные лестницы” восточные славяне пекли также 30 марта (“на Иоанна Лествичника”). Е.В. Аничков связывает этот обычай с полеводством и, в частности, с ростом ржи: в Саратовской губернии “бабы ходили со своими лесенками в поле, валялись по озими и бросали вверх яйца – <...> это бросание вверх яиц имеет значение заклинания роста ржи” [24].

Кроме того, на Руси существовал обычай печь “лестнички” в Лазареву субботу [22]. Таким образом, *лествица* связывается не только с вознесением, но и с воскресением.

С представлением о *лествице* как связующем звене между “этим” и “тем светом” согласуются так называемые восточнославянские “обмирания” – рассказы людей о путешествиях в состоянии летаргического сна в загробный мир, куда ведет большая лестница [Там же]. В повести В. Распутина “Последний срок” умирающая старуха видит спускающуюся с небес лестницы.

Больные просили исцеления, с надеждой взирая на небо, – в славянских заговорах рукописной и устной традиций встречается образ *золотой лествицы*, по которой с неба (или горы) на землю к страждущему спускаются Господь, Богородица или святые, несущие больному выздоровление. Например, в олонецком рукописном заговоре от грыжи читаем: “В цистом поли стоит Осюн гора, с этой горы золотая лисвенка,

серебряны ступенци. И по этой лисвенки спускается сама Присвятая Богородица и идё к рабу Божию младеню грыж заговаривать” [22]. Лестница использовалась и в магических процедурах с целью избавления от болезни. Русские, например, проносили больного ребенка через ступени лестницы, приговаривая: “Тихонький, тихонький, не ломайся над ребенком, ломайся над лестницей”, тем самым излечивая от “родимца” [Там же].

Несчастные с надеждой молили небеса о спасении. Например, в Белоруссии существовал заговор, чтобы Господь спустился с небес на землю по “лестке” и вернул ушедшего из семьи отца покинутому им ребенку: “Пастауце леску ад зямли да неба, щоб сам Гасподзь з небясоу злязау, такога чалавека да дзицяци дадому прыгнау да у пасцели спаць паклау” [Там же].

Лествица осмысливалась и как способ связи с потусторонним миром. В Хорватии существует такой способ гадания: если девушка в Андреев день ляжет спать под лестницу, то во сне она увидит своего суженого [Там же].

Итак, представление о *лествице* в просветительской литературе и в славянском народном мировоззрении отличалось семантическим многообразием. В связи с этим необходимо отметить, что в существующих исторических словарях русского языка указаны далеко не все значения слова *лествица*. По данным существующих лексикографических источников, названная лексема имеет от двух до четырех значений. При этом в толковании слова могут быть названы значения “лестница”, “лестница, употребляемая при осадах”, “название учительного сочинения Иоанна Синайского” и “книга из числа ложных”. Как видим, понятие “лествица” в славянской культуре было намного шире.

Литература

1. Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Handbuch der Altertumswissenschaft. München, 1959. Abt. 12. T. II. Bd. I.
2. Ball H. Byzantinisches Christentum. Drei Heiligenleben. München, 1931.
3. Богдановић Д. Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности. Београд, 1968.
4. Строев П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Савва-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891.
5. Щеголев П.Е. Очерки отреченной литературы V–VII вв. // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. IV (3/4).
6. Салмина М.А. Лествица Иакова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I.

7. *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. I.
8. *Грицевская И.М.* Индекс истинных книг в составе “Кирилловой книги” // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. XLVI.
9. *Яцимирский А.И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг., 1921. Вып. 1. Апокрифы ветхозаветные.
10. *Феодосий (Перевалов).* Церковный энциклопедический словарь: пособие при изучении Закона Божия и церковной истории. Харбин, 1931.
11. *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. М., 1993.
12. *Ягич И.В.* Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886.
13. *Прохоров Г.М.* “Лествица” // Словарь книжников и книжности Древней Руси. ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXIX.
14. *Frank K.S. Raithu* // Lexicon für Theologie und Kirche. Freiburg, Basel, Rom, Wien, 1999. Bd. 8.
15. *Верещагин Е.М.* Дефиниции и классификации в Лествице Иоанна Схоластика: радостная встреча науки и искусства // Е.М. Верещагин. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996.
16. *Podskalsky G.* Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237). München, 1982.
17. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589) // История русской церкви. М., 1996. Кн. IV. Ч. I.
18. *Суботин-Голубовић Т.* Српско рукописно наслеђе од 1557 године до средине XVII века // Српска Академија наука и уметности. Посебна издања. Књига DCXL. Одељење језика и књижевности. Књига 51. Београд, 1999.
19. *Донев Б.* Славянски рукописи в Българската Академия. Сборник на Българската академия на науките. София, 1910. Кн. VI.
20. *Белоброва О.А.* Настенные листы (краткий обзор) // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972.
21. *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38.
22. *Агапкина Т.А.* Лестница // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.
23. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: XIX–XX века. М.–Л., 1958.
24. *Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян // СОРЯС. СПб., 1903. Т. 74. № 2. Ч. I.

Надписи на русском серебре и золоте XVI–XVII вв.

© В. В. ИГОШЕВ,
кандидат искусствоведения

В музейных собраниях России сохранилось несколько тысяч замечательных произведений XVI–XVII веков, выполненных из драгоценных металлов. Надписи на них с именами и датами содержат ценнейшие исторические и лингвистические сведения, иногда не менее интересные, чем данные архивных документов. Многочисленные длинные и затейливые вкладные надписи нередко доносят до нас простой и в то же время образный разговорный язык русского народа.

О важности изучения надписей на памятниках писал еще в начале XX века А. П. Голубцов [1]. Эпиграфический метод анализа при исследовании произведений древнерусского художественного серебра широко использовали А. С. Орлов [2], Б. А. Рыбаков [3], Т. В. Николаева [4], А. А. Медынцева [5] и другие исследователи. Большое внимание изучению надписей на русском серебре и золоте XVI–XVIII веков уделяла М. М. Постникова-Лосева [6. С. 21–22].

Надписи на предметах церковной утвари XVI–XVII веков являются своеобразными историческими “летописями”, позволяющими точно датировать произведения, при этом они несут в себе не только смысловую нагрузку, но и, подчас, являются единственным украшением, напоминающим сложный орнамент. Не всегда время изготовления произведения соответствует времени появления надписи. Иногда на одном предмете имеются надписи, сделанные различными мастерами и в разный период, что свидетельствует о сложной судьбе памятника.

“Летописи” на древнерусских предметах сереброделия, как правило, исполнялись вязью в различных техниках: резьбы (гравировки, оброна), чеканки, тиснения (басмы), скани, иногда писались специальными чернилами на гладком металле. Надписи часто золотились, а также контраст-

но выделялись на фоне гладкого металла при украшении предметов чернью или темно-синей эмалью. Подобные надписи всегда хорошо взаимосвязаны с общей формой предмета и стилистически органично вписаны в сложную орнаментику, тактично дополняя и обогащая ее. Чаще всего они помещались сплошной полосой по венцам чаш, поддонов и других предметов, иногда – в кругах, ромбах на корпусе или отдельной полосой на лицевой, боковой или с оборотной (тыльной) стороны произведения.

На драгоценных окладах икон XVI–XVII веков часто крепились изготовленные отдельно небольшие дробницы с резными, чеканными и басменными надписями. Такие дробницы были прямоугольные с килеобразными боковыми стенками, квадратные, ромбовидные, иногда – в виде киотцев с трехчастным килевидным верхом. На серебряных окладах икон первой половины XVII века на отдельно крепившихся серебряных полосках надписи иногда делались специально приготовленными чернилами темно-серого цвета. Составы таких чернил приводятся в рукописных сборниках XVII века [7].

Кроме того, на вещах последней четверти XVII века нередко встречаются надписи, сделанные в технике расписной эмали. Разнообразные по типу произведения золотого и серебряного дела исторически связаны с тем или иным художественным центром Древней Руси, поэтому на них имеются заметные отличия в типе надписей и начертаниях букв. И в то же время между крупнейшими художественными центрами древле существовали устойчивые культурные связи.

Как известно, процесс слияния отдельных местных художественных школ в общий поток русской культуры начался в конце XV века в эпоху образования общерусского государства, но наиболее интенсивно он протекал в 16-м столетии и окончательно завершился в XVII веке. Постепенно в работах серебряников на протяжении XVI–XVII веков происходит стирание ярких признаков школ – местных стилистических и технологических особенностей, наиболее ярко выделявшихся в период существования на Руси удельных княжеств. Со временем в надписях на древнерусском серебре нивелируются также и палеографические приметы, характерные для разных регионов. Однако на протяжении XVI–XVII веков произведения драгоценной церковной утвари, выполненные в разных древнерусских центрах, во многом еще сохраняют свой яркий и неповторимый характер.

Особо выделяются изделия московской работы XVI–XVII веков с плотным, как бы сжатым расположением букв вязи, отличаясь от новгородских и ярославских памятников с более свободным написанием шрифта. На ярославском серебре XVII века фон надписей часто был украшен гравированной косой или горизонтальной штриховкой, а в местах написания дат фон особо выделялся мелкой резной решетчатой штриховкой. Заметно отличается нарядная вязь, вырезанная на псковском серебре с многочисленными вставками растительного орнамента, органично вписан-

ными в сложную ткань широкой полосы надписи. В буквы такой вязи вплетены гладкие листки, стебли трав, завитки, цветы и другие элементы растительного узора на косо заштрихованном резном фоне.

На многочисленных золотых и серебряных предметах нередко встречаются надписи, состоящие из нескольких разных по смыслу фраз. Все их многообразие можно разделить на десять групп: 1 – *вкладные поминальные*; 2 – *литургические*; 3 – *владельческие*; 4 – *с изречениями*; 5 – *охранные*; 6 – *с указанием веса металла*; 7 – *с наименованиями мощей, священных реликвий*; 8 – *наградные*; 9 – *надписи автографы*; 10 – *подписи к изображениям*.

Исследование подобных надписей иногда позволяет не только датировать произведения, но и определить их принадлежность к различным художественным центрам. Например, на напрестольном кресте из церкви Дмитриевской Дымковской города Великого Устюга гравировано: *В ЛЕТО 7195 (1687) ГОДУ МАРТА В 10 ДЕНЬ СДЕЛАН СЕЙ КРЕСТ НА УСТЮГЕ ВЕЛИКОМ...* [8. С. 177], а на напрестольном кресте 1690 года в серебряном золоченом окладе из Духова монастыря Великого Новгорода гравировано: *...СОДЕЛАН В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ* [9]. Последняя надпись доказывает, что не всегда предметы, происходящие из храмов и монастырей того или иного художественного центра, выполнены местными серебряниками.

В ряде случаев палеографический анализ надписей позволяет выделить предметы церковной утвари, сделанные одним автором в один период. Однако при этом следует помнить и о возможном разделении труда, так как изготавливать произведение мог один мастер, а гравировать надписи – другой.

Вкладные поминальные надписи. На предметах церковной утвари или на вещах светского характера XVI–XVII веков, поступивших в виде вклада в храмы и монастыри, они были очень частыми. Такие надписи имеют большое значение как источник информации историко-культурного характера (лапидарные или многословные), как правило, они содержат сведения не только о дате и месте, но и о назначении вклада: *ПО СВОИХ РОДИТЕЛЕХ; ПО ДУШЕ; В ПОМИНЫ ДУШИ; ПОМИНОВЕНИЕ ДУШЕ; НА ПОМИНОВЕНИЕ ДУШИ; НА ВОСПОМИНАНИЕ; В ВЕЧНОЙ ПОМИНОК; ПО ОБЕЩАНИЮ; ПО СВОЕЙ ВЕРЕ; В ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ; ВО ОБЩЕЕ ВЕРНЫХ СПАСЕНИЕ; В НАСЛЕДИЕ ВЕЧНЫХ БЛАГ БУДУШАГО РАДИ ПОКОЯ; БЛАГОПОЛУЧЕНИЯ РАДИ И ВЕЧНАГО РАДИ БЛ[А]ЖЕНСТВА* и др. Надписи содержат имя вкладчика, его родных, нередко здесь имеется полный титул царя, имя владыки, игумена монастыря или настоятеля храма и другие сведения исторического характера, позволяющие уточнить дату и место создания произведения.

Иногда дата изготовления и вклада предмета не совпадают. Например, на серебряном кадиле 1661 года (ГИМ) из ярославской церкви

Иоанна Златоуста имеется надпись о его построении в Ярославле: *ЛЕТА 7170 (1661) НОЯБРЯ В 5 ДЕНЬ*, здесь же сообщается о его вкладе в храм, спустя два года после изготовления: *В ЛЕТО 7171 (1663) МАРТА В 30*. Эта надпись вязью гравирована по венцам верхней и нижней чаши кадила, на поддоне, и заканчивается на коптильнике: *ЛЕТА 7170 (1661) НОЯБРЯ В 5 ДЕНЬ СОСТРОЕНО СИЕ КАДИЛО В БОГОСПАСАЕМОМ ПРЕСЛОВУШЕМ ВО ГРАДЕ ЯРОСЛАВЛЕ, ПРИЛОЖИЛА К ЦЕРКВИ ИОАННА ЗЛАТОУСТАГО КРЕМЛЯ ГОРОДА ПО ОБЕЩАНИЮ ВДОВЫ ЕВДОКИИ КЛИМЕНТОВНЫ ДОЧЕРИ. ТОМУ КАДИЛУ НЕОТЪЕМЛЕМОМУ ОТ ЦЕРКВИ. СИЕ КАДИЛО ДАНО ПОМИНАТЬ ДУШИ УСОПШИХ МОЛИТИ БОГА О ЗДРАВИИ А ДАНО В ЛЕТО 7171 (1663) МАРТА В 30*.

Вкладные надписи часто свидетельствуют о наименовании и назначении предметов в богослужении. Например, на водосвятных блюдах имеются надписи: *НА ПОДЪЯТИЕ ЧЕСТНАГО КРЕСТА... К ВОДООСВЯЩЕНИЮ; ПОД КРЕСТ В ВОДООСВЯЩЕНИЕ; ВОДООСВЯЩЕННое* и др.

В подобных надписях нередко содержатся сведения о небольших или значительных переделках предметов, сообщается об изготовлении новых изделий из старых. Например, на серебряной панихидной чаше 1586 года (СГМЗ) гравирована надпись вязью, из которой следует, что она изготовлена из серебряной фляги, вложенной царем Иваном Грозным в Соловецкий монастырь в поминовение по опальным. По венцу этой чаши работы новгородского мастера гравировано: *ИГУЕН ИАКОВ ПОГОВОРЯ С СОБОРНЫМИ СТАРЦЫ, ВЕЛЕЛИ ЗДЕЛАТИ ПОНАХИДНУЮ ЧАШУ ИЗО ФЛЯГИ, ЧТО Г[ОСУ]Д[А]РЬ ПОЖАЛОВАЛ ПО ОПАЛЬНЫХ [10]*.

Нередко на вновь сделанную вещь переносилась и старая надпись, вероятно, для того, чтобы не нарушить отчетность при сверке с описью и не утратить память о вкладчике. Например, на золотой потир 1669 года (ГММК-20478) из новгородского Софийского собора перенесена старая надпись, свидетельствующая, что он был сделан из материала потира XV века: *В ЛЕТО 6948 (1439/1440) СРЯЖЕ(Н) БЫСТЬ ПОТИР СИИ ЗАМЫШЛЕНИЕ(М) ПРЕОС[ВЯ]ЩЕН(Н)НАГО АРХИЕП[И](С)К[О]ПА ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА ВЛАДЫКИ ЕУФИМИЯ, А Н[Ы]НЕ СИИ ЗЛАТЫИ ПОТИР ПЕРЕДЕЛА(Н) ВНОВ ВО 7177-М (1669) ГО(ДУ) МАРТА В 25 Д[Е] (Н)Б ПОВЕЛЕНИЕ(М) ВЕЛИКАГО Г[ОСПО]Д[И]НА ПРЕО(С)СВЯЩЕН(Н)НАГО ПИТИРИМА МИТРОПОЛИТА ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА И ВЕЛИКИХ ЛУК*.

Литургические надписи часто встречаются на различных предметах церковной утвари. Они, как правило, соответствуют молитвам, произносимым во время богослужений. Например, обычно по венцам чаш потиров и на тарелях дисковов гравировались литургические надписи вязью: *ПИИТЕ ОТ НЕЯ ВСИ СЕ ЕСТЬ КРОВЬ МОЯ НОВАГО ЗАВЕТА*. На псков-

ских евхаристических серебряных сосудах XVI века иногда гравирована редко встречающаяся надпись: *ЯКО ОВЧА НА ЗАКОЛЕНИЕ ВЕДЕСЯ*. Такая надпись сделана по венцу псковского серебряного потира XVI века из Псково-Печерского монастыря и по борту псковского серебряного “дискосного блюда” из Ярославского музея-заповедника.

На серебряной звездце псковской работы второй половины XVI века (ГРМ) из псковского Троицкого собора имеется сканная надпись: *ШЕД ЗВЕЗДА СТА ВЕРХОМ ИДЕ ЖЕ БЕ ОТРОЧА*. Эти слова евангелиста (Матф. 2; 9) произносятся на проскомидии при поставлении звездцы на дискос.

На серебряных кадилах XVII века, наряду с вкладными поминальными надписями, часто гравированы надписи с текстом молитв, которые обычно читаются при каждом во время богослужения: *ДУХ СВЯТЫЙ НАЙДЕТ НА ТЯ И СИЛА ВЫШНЯГО ОСЕНИТ ТЯ; ГОСПОДЬ СВЯТЫЙ НАЙДЕТ НА ТЯ*, или *ДУХ Г[ОСПОДЕ]НЬ НАСТАВИТ НА ЗЕМЛЮ ПРАВУ; ДУХ ТВОЙ БЛАГИЙ НАСТАВИТ*. Исполненные вязью, гравированные в ромбовидных клеймах, они часто встречаются на поддонах ярославских серебряных кадил XVII века.

Владельческие надписи. На серебряной питьевой посуде – ковшах, братинах, стопах, чарках и других предметах часто указывается имя владельца. Такие предметы приобретали значение фамильных реликвий, в последующем они нередко поступали в виде вкладов от владельцев или их наследников в храмы и монастыри и использовались при богослужении. Например, на перламутровой чарке первой половины XVII века (ЯМЗ), оправленной в серебро, имеется надпись: *ЧАРКА КН[Я]ЗЬ МИХА(И)ЛА МИХАЛОВИЧА ТЕМКИНА РОСТОВСКОГО*. Эта чарка, бытовавшая в ярославском Спасском монастыре, была использована для освящения антиминов (чин освящения антиминов сложился в Византии, вероятно, около XII–XIII вв., откуда перешел на Русь [11]).

Надписи с изречениями на серебряных предметах светского характера выражали народную мудрость, пожелания здоровья, а также содержали нравоучения и др. Например, из Кирилло-Белозерского монастыря происходит серебряная чарка “для теплоты”, вложенная в 1680 году Вассой Андреевой – женой стольника Ивана Васильевича Олферьева, с надписью: *АЩЕ И КРАСНАЯ МИРА СЕГО И ТА СУТ[Ь] ПЕЧАЛЬНА* (с внутренней стороны); *ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ УПОДОБИСЯ СОСУДУ ЗЛАТУ, НА НЕГО ЖЕ НИКОЛЕ РАЗБИТИЕ НЕ БЫВАЕТ, АЩЕ НЕРАЗУМЕНИЕМ И ПОГНЕТСЯ, РАЗУМОМ ИСПРАВИТСЯ* (с внешней стороны) [12]. Эта чарка сохранилась до нашего времени в Кирилло-Белозерском музее [13].

Охранные надписи. Малоизученными являются интереснейшие охранные надписи, встречающиеся на древнерусских предметах драгоценной церковной утвари. Ранее нами уже говорилось об охранных надписях на древнерусском серебре [14].

Надписи с указанием веса серебра и золота. На серебряных и золотых предметах часто указывался вес драгоценного металла, используемого на его изготовление. На серебряных предметах нередко указывался также и вес золота, истраченного на амальгамное золочение “через огонь”. Например, на серебряной звездиче 1605 года (СИХМ) можно прочесть: *ЗВЕ(З)ДА А ВЕСО(М) СЕРЕБРА 50 ПО(Л) 8 З(ЛОТНИКОВ) БЕ(З) 2 ДЕН(Г) ЗОЛОТА ПО(Ш)ЛО 7 БЕ(З) ПО(Л) 2 ДЕНГИ*. Такие надписи нередко делались в конце вкладных. Например, на серебряной ладанице ярославской работы конца XVII века (ЯМЗ) гравировано: *СИЯ ЛАДАНИЦА ПОЛУЧЕНА В ЦЕРКОВЬ ПРОРОКА ИЛЬИ СЕРЕБРЯНАЯ ПОЗОЛОЧЕНА ВЕСОМ 11 ЗОЛОТНИКОВ*. Подобные надписи особенно часто встречаются на предметах, выполненных из драгоценных металлов, что было необходимо при постоянных сверках с описями для строгой отчетности.

Гравированные надписи с обозначением веса серебряных и золотых предметов особенно важны, так как позволяют сопоставить эти сведения с данными письменных источников, сохранившихся в музеях предметов, и таким образом идентифицировать памятники, выявить утраты и получить другие сведения.

Надписи с наименованием мощей и священных реликвий. Состав священных реликвий и мощей связан с почитанием того или иного святого в различных регионах страны и за ее пределами. Иногда со временем состав мощей, вложенных в крест или другой предмет церковной утвари, увеличивался. Например, при исследовании гладкого серебряного оклада напестольного креста конца 1560-х–1570 годов из сольвычегодского Благовещенского собора нами выявлено два слоя гравированных надписей. Первый – сделан при создании креста, а второй – в начале XVII века. Первоначально надпись с наименованием мощей сделана построчно с оборотной и двух боковых сторон в верхней части рукояти креста: *ЖИВО/ТВОРЯЩЕЕ ДРЕВ/О, МЛЕКО/ПРЕЧТЫЯ, КУПИНА, МЕРА/ГРОБА Г[ОСПОД]НЯ/КОМЕ(Н) НА Н/ЖЕ А(Н)ГЕЛ СЕДЕ(Л) У ГРОБА*. С лицевой стороны этого креста вырезана надпись в начале XVII века другим более крупным шрифтом, чем ранняя: *МИРО ОТ ГРОБА Г[О](С)[ПО]ДНЯ/КАМЕНЬ ГРОБА Г[ОСПО]ДНЯ/РИЗА ПР[ЕЧИС]ТЬЕ, ДРЕВ/О НА КОЕМ ПРЕЧИСТ/АЯ СЕДЕЛА КАК Б/ЕЖАЛА ИЗ ЕГИПТА*. Разновременные надписи и изображения на этом кресте связаны с возникновением новых приделов в сольвычегодском Благовещенском соборе [15].

Наградные (жалованные) надписи делались (особенно часто в XVII веке) на серебряной и золотой питьевой посуде – на ковшках, кубках и других предметах, как правило, “жалованных” “за верные службы” казакам или “за прибор” сборщикам пошлин. В XV–XVI веках и в более раннее время серебряную посуду не изготавливали специально для наград, а брали имеющиеся предметы.

Жалованные надписи с полным титулом царя и перечнем заслуг на гражданском нередко встречаются на серебряных ковшах XVII века. Большое внимание наградной серебряной посуде с надписями было уделено М.М. Постниковой-Лосевой [б. С. 23]. На одном из ковшей, ранее считавшемся пожалованным потомку сибирского царя Кучума (Стефану Кучумову), упоминается глава Ярославского кружечного двора Стефан Куимов. Надпись на этом серебряном ковше 1685 года (ГИМ) свидетельствует: *ЛЕТА 7193 (1685) ГОД ГЕНВАРЯ В 3 ДЕНЬ ПОЖАЛОВАЛИ ВЕЛИКИЯ Г(О)С(У)Д(А)РИ СИМ КОВШЕМ ИЗ ПРИКАЗУ БОЛЬШИЕ КАЗНЫ ЯРОСЛАВСКОГО КРУЖАЧНАГО ДВОРА ГОЛОВУ СТЕФАНА ИВАНОВА С[Ы]НА КУИМОВА ЗА ЕГО СЛУЖБУ ЗА ПРИБОРНЫЕ Д(Е)Н(Ь)ГИ ВО [7]192 (1684) ГОДУ ЗА 1000 ЗА 500 ЗА 30 ЗА 1 РУБЛЬ (1531) ЗА ПОЛТОРЫ ДЕНЬГИ [16].* Впервые правильное имя главы Ярославского кружечного двора Стефана Куимова было установлено по архивным документам А.И. Шемякиным.

На другом серебряном ковше имелась надпись о его пожаловании от государей Иоанна и Петра Алексеевичей ярославскому посадскому Иродию Еремину в 1686 году. Позже этот ковш был вложен в ярославскую Леонтьевскую церковь и использовался при службе водоосвящения [17].

Надписи автографы. На серебряных и золотых предметах авторские подписи встречаются редко. Как правило, они делались в конце вкладных надписей или с нижней стороны поддонов серебряных изделий. Например, на поддоне серебряного кадила 1577 года из Соловецкого монастыря гравировано: *МАСТЕР С ТОВАРЫШЫ АЛФЕРЬЕВ С[Ы]Н ЯРОСЛАВЕЦ.* На серебряном кадиле 1674 года (ГИМ) после надписи о его весе гравировано ранее неизвестное имя костромского мастера *Иоаилъ: А СЕРЕБРА 3 ФУНТА А ДЕЛО ИЕВАИЛЬ* [18]. На торце рукояти серебряного копья конца XVII века (СИХМ) имеется ранее неизвестная надпись сольвычегодского мастер-эмальера *Иакова Панкова: Построил В чаго И ...ва свирскаго ...е(ц) Иеа(к) Панков.* Все заглавные буквы на эмали написаны красным цветом, а прописные сделаны черными по белому фону [19]. К сожалению, сколы эмали не позволяют эту надпись прочесть полностью.

Подписи к изображениям. На предметах церковной утвари это надписи к изображенным святым, ангелам, херувимам, названия праздников и др. Например, на полях серебряного оклада иконы "Богоматерь с предстоящими Григорием Богословом и Никитой мучеником и с припадающими двумя мученицами" начала XVII века из сольвычегодского Благовещенского собора (СИХМ) гравировано: *С[ВЯ]ТЫ[Й] ГРИГОРИЕ Б[О]ГОСЛО(В) ПАТРИЯР(Х) Ц(А)РЯ ГРА[ДА]; С[ВЯ]ТЫ[Й] ВЕЛИКОМУЧЕНИ(К) И СТРАСТОТЕ(Р)ПЕ(Ц) Х(Р)ИСТ[О]В НИ[КИТА]; С[ВЯ]ТАЯ Х[РИСТО]ВА М[У](Ч)[Е]Н[И]ЦА МАВРА;*

С[ВЯ]ТАЯ Х[РИСТО]ВА М[У](Ч)[Е]Н[И]ЦА ЕВПРАХСЕЯ; МР ФУ; ИС; ХС. Изучение подобных надписей иногда позволяет более точно датировать предмет, так как изображение святых на окладе иконы можно соотнести с членами семьи заказчика, т.е. на приведенной иконе в серебряном окладе изображены патроны семьи Никиты Григорьевича Строганова.

В итоге можно сделать выводы, что исследование надписей на драгоценных предметах наряду с другими методами анализа позволяет более точно датировать и локализовать произведения наиболее интересных и значительных художественных центров России. На типологию и характер надписей оказали огромное влияние, прежде всего, глубокие многовековые традиции, а также вкусы заказчика и мастера-исполнителя. В коротких или длинных надписях на предметах нередко содержатся сведения, объясняющие назначение и цель их создания, а также приводятся другие важнейшие данные, позволяющие получить более глубокие представления об уровне отечественной культуры.

Литература

1. Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике. Репр. изд. СПб., 1995. С. 352.
2. Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.–Л., 1952.
3. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XV вв. М., 1964.
4. Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-49. М., 1971.
5. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000.
6. Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство его центры и мастера XVI–XIX вв. М., 1974.
7. Симоны П.К. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVIII столетий. [СПб.], 1906. С. 47.
8. Степановский И.К. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890.
9. Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 181.
10. Игошев В.В. Атрибуция предметов драгоценной церковной утвари из Соловецкого монастыря // Наследие Соловецкого монастыря:

Всероссийская конференция. Доклады, сообщения. Сост. Т.М. Кольцова. Архангельск, 2007. С. 182–194.

11. Реликвии в византийских чинопоследованиях. Сост. диакона Михаила Желтова // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники. Редактор-составитель А.М. Лидов. М., 2006. С. 73.

12. *Варлаам, архим.* Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // ЧИОИДР при Московском Университете. М., 1859. Кн. 3. С. 33.

13. *Петрова Л.Л., Петрова Л.В., Никанорова Л.В.* Церковное искусство XV–XIX веков. Путеводитель. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. М., 2002. С. 85–86. Ил. на с. 85.

14. *Игошев В.В.* Охранные надписи на древнерусском серебре // Русская речь. № 4. 2007. С. 72–76.

15. *Игошев В.В.* Сольвычегодские серебряные кресты XVI – первой половины XVII вв. // Ставрографический сборник. М. 2005. Вып. 3. С. 576–609.

16. *Игошев В.В.* Ярославское художественное серебро XVI–XVIII вв. М., 1997. С. 62, 261. Кат. 231.

17. *Лествицын В.* Краткий путеводитель по церквам. Ярославль, 1887. С. 50–51.

18. *Игошев В.В.* Исследование группы предметов церковной утвари костромских серебряников XVII в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2007. № 2. С. 200–205.

19. *Игошев В.В.* Ярославское серебро XVII века в собрании Сольвычегодского историко-художественного музея // Краеведческие записки. Материалы 8-х и 9-х Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 185. Ил. 5.

Верительная и отзывная грамоты

© М. Ф. ШАЦКАЯ,
кандидат филологических наук

В международно-правовой практике издавна установился обычай, согласно которому дипломатический уполномоченный, отправляемый в другую страну, снабжался специальным документом, удостоверяющим его назначение – *верующей грамотой*. Этот термин с адъективированным причастием *верующий* представлял собой фразеологическую полукальку среднелатинского *credulus gra'mata* и едва ли не впервые встречается в памятнике дипломатических сношений Московии с Крымской и Ногайской ордами и Турцией: “Да подати грамота верующая... Что от нас тебе говорити боярин мой Микита, и ты бы ему верил, то есть наши речи” – 1474 год [1].

Употреблялся он в русском дипломатическом языке на протяжении почти трех столетий: “Подали есте нам Густава короля грамоту верующую, и в той грамоте писано, чтобы нам вашим речам верити” – 1557 год [2]; “А для совершеннейшаго известия, к сей нашей цар. в-ва верующей грамоте мы, вел. г-рь, наше цар. в-во, печать нашу приложить повелели” – 1702 год [3]; “При сей аудиенции посол вручает свою верующую грамоту ея имп. в-ва” – 1744 год [4].

С конца XVIII века в этом составном термине вместо отпричастного образования *верующий* употребляется прилагательное с суффиксом *-тельн-* (производном от *-тель-* + *-н-*) – *верительная грамота*: “Семон-вилль... недавно получил верительныя грамоты, уполномочивающия его в качестве чрезвычайного посланника при Туринском, Пармском и Моденском дворах” – 1792 год [5]. Отмечены случаи употребления *верующая*: “Послан... столник и воевода Семен Васильев... да дякъ... Зиновьев к шведскому королю Каролусу с полною мочью и с верующею” – 1717 год [6].

С начала XVIII века в русском дипломатическом языке наряду с давним термином используется и заимствование из немецкого языка *Kreditiv* (*Kreditiv* – от новолатинского *creditivus*, последнее от латинского *credere* “верить”): “Верующая грамота... подана [должна] быть по отпращивании речи самой королеве” – 1710 год [7. Т. 8. С. 265]; “А понеже учтивость требует, чтоб посол по прибытии своем видел канцлера и ви-

це-канцлера и сообщая им копию с своего кредитива, послал о себе знать” – 1744 год [8].

Памятники права XVIII века фиксируют употребление составных обозначений *кредитивная* (реже *креденциальная*) *грамота*, *кредитивное письмо*: “Вскоре был отправлен в Рим к папешскому двору министром без всякого характеру [звания], только в грамоте креденциальной написано комнатной господин и полуполковник от гвардии” – 1706 год [7. Т. 1. С. 276]; “Причем послана кредитивная о нем Бутлере грамота Курляндским чином” – 1742 год [9. Т. 1. С. 157]; “Послано кредитивное о нем от канцлера к визирю письмо” – 1742 год [Там же. С. 211].

В русском дипломатическом языке эти иноязычные обозначения не закрепились. Объясняется это, видимо, тем, что слово *кредитив* употреблялось с XIX века также в значении “банковский билет, денежный документ”, то есть было многозначным. Термин же *верющая грамота* был моносемичным и имел давнюю традицию использования в русской дипломатической сфере, успешно обслуживая ее. Поэтому шло постепенное угасание дипломатической семантики в слове *кредитив*, иными словами, происходила семантическая разгрузка данной лексемы. Она представлена в “Новом словотолкователе” Н. Яновского: “*Кредитив*. Фр. *Кредитивная* или *верющая грамота*, есть письмо, которое государь, посылающий публичного министра, дает ему для вручения его тому государю, к которому он отправляется, и которое не только определяет чин негоциатора, но и уполномочивает его к отправлению всех должностей, с званием его сопряженных” [10]. В “Толковом словаре русского языка” Д.Н. Ушакова еще указывается: “*Кредитив* (от лат. *credo* доверяю), банк. и дипл. То же, что и *аккредитив*”; “*Аккредитив*... 1. Денежный документ... 2. Верительная грамота (дипл.)” [11].

Составное наименование *креденциальная грамота*, встретившееся в дипломатических мемуарах князя Б.И. Куракина, отражающих его пребывание в Риме, и являющееся калькой итальянского *credenziale lettera*, можно квалифицировать как окказионализм. Термин *кредитивная грамота* также не удержался в языке, так как он функционировал как дублет давнего русского наименования с прозрачной семантической структурой.

Составное наименование *верющая грамота* регистрируют словари конца XVIII века, они же дают прилагательное *верительный* (с тем же значением, что и *верющий*: *верительные письма*, но с пометой “редко употр.”) [12], хотя оно фиксируется уже в “Лексиконе” Федора Поликарпова: “*Верительный, credulous*” [13]. Без каких-либо помет включены *верющий* и *верительный* в “Словарь церковнославянского и русского языка” [14. Т.1]. Составные обозначения *верительная грамота*, *верящее письмо* (“свидетельствующий о поручении кому-либо”) находим в Словаре В.И. Даля [15. Т.1]. Современный дипломатический язык знает лишь вариант *верительная грамота* – “правительственный доку-

мент, удостоверяющий назначение определенного лица дипломатическим представителем в каком-либо государстве”.

В памятниках международного права XVIII века отражаются термины-синонимы *рекредитив*, *рекредитивная грамота*, *отзывная грамота* – обозначения документа, в котором говорилось об отзыве главою государства своего дипломатического представителя из страны, где он аккредитован; так же называлось письмо, в котором глава принимающего государства свидетельствовал о деятельности дипломата в стране пребывания [10. Ч. 3].

Займствование из немецкого языка *рекредитив* (*Rekreditiv* < лат. *recreditiv*) едва ли не впервые обнаруживается нами в “Поденной записке Петра I”: “царский вице-канцлер.., призвав его [русского резидента] к себе, указом цесарским объявил, дабы он в восемь дней без абшитаудиенции из Вены и из цесарских земель выехал вон; и при том отдал ему и рекредитив” – 1719 год [16]; “О выпусчении императорского титулу в рекредитиве, данном г. Чернышеву от Датского двора, который считает зависящим от произволения давать императорской титул российским государям” – 1742 год [9. Т. 1].

В памятниках права встречается составное наименование *рекредитивная грамота*: “Рекредитивная грамота к королю датскому, для отъезжающего отсюда посла его Голстейна”; “Пашпорт ему же послу” – 1746 год [14]; “Граф Кайзерлинг прислал кредитивную о себе грамоту от короля пруссакого” – 1749 год [Там же. Т. 3. С. 6]. Синоним *отзывная* (и спорадически *отзывательная*) *грамота* известен по памятникам с десятых годов XVIII века: “Отзывательная грамота от е. цар. в-ва было не прислано” – 1711 год [7. Т. 4. С. 47]; “Вам помянутыя наши отзывныя грамоты королю и регенту подать и, получа обыкновенной отпуск, ехать вам из Парижа ко двору нашему” – 1722 год [Там же. Т. 3. С. 78]; “Он [французский посол Дилон] отзывную грамоту от короля своего получил и об отпускнуой аудиенции просит” – 1743 год [9. Т. 4. С. 355]. Оба термина-синонима – *отзывная грамота* и *рекредитив* – достояние современного дипломатического языка.

Литература

1. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией // Сб. рус. ист. общества. СПб., 1884. Т. 1.
2. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Швецией // Сб. ист. общества. СПб., 1910. Т. 129.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого: в 12 т. СПб.; М.-Л., 1897–1977. Т. 2. С. 53.

4. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 12.
5. Сардиния в эпоху первой французской революции: Письма кн. А.М. Белосельского-Белозерского... к вице-канцлеру И.А. Остерману за 1792–1793 гг. // Рус. архив. 1877. Т. 3. С. 372.
6. *Шафиров П.* Рассуждение какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против Короля Карла 12 Шведского 1700 году имел. СПб., 1717. С. 32–33, 82–83.
7. Архив князя Ф.А. Куракина: в 10 т. СПб., 1890–1892. Т. 8. С. 265.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 12. С. 59.
9. Архив князя М. С. Воронцова: в 40 т. М., 1870–1889. Т. 1. С. 157.
10. *Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803–1806.
11. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1941
12. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1789–1794.
13. *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
14. Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.
15. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, М., 2006.
16. Журнал или поденная записка Петра Великого с 1698 года до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770–1772. Ч. 2. С. 75.

Волгоград

Мехряков и другие

© А. Л. Шилов

Документ 1655 года донес до нас имя жителя Вологды *Фильки Мехрякова* [1. С. 62]. Откуда же взялось такое именование? В “Словаре русских фамилий” (авторство не указано) сайта “Электронные толковые словари” (slovar.plib.ru) о фамилии *Мехряков* говорится «Отчество от именованя *мехряк* – житель дер. *Мехреньга* (на р. *Мехреньга*) в Холмогорском р-не Архангельской обл., но оно получило и вторичное значение – “толстый ребенок”, а в Онежском р-не – “глупый”». Действительно, жители деревень, расположенных на р. Мехреньга (приток Емцы – левого притока Северной Двины) зовут себя *мехряками* (Правда Севера. Архангельск, 2005. 27 июля). Но трудно поверить, что все многочисленные в России носители фамилии *Мехряков* (есть и поселения с соответствующими названиями, как дер. *Мехряково* Лысьвенского р-на Пермской обл.) являются потомками выходцев из немногих деревень на затерянной в северных лесах речке Мехреньга. Равным образом, сомнительно, чтобы групповое название жителей малонаселенной округи превратилось в термин *мехряк* (и его варианты), широко известный в северных областях России.

В.И. Даль приводил *мехряк* “толстяк, неповоротливая туша” (волог., перм.) [2. Т. II]. Отдельной статьей он дал *михрютка* “домосед, бирюк, мистрюк, нелюдим” (ниж.-сем.), *михрюта*, *михрюк*, *михря* “неловкий, неуклюжий человек” (пск., твер.) [Там же]. В вологодских говорах отмечено *мехряк*, *мехрютка* “толстяк, человек неловкий, неуклюжий, неповоротливый” [3. С. 255]. В Медвежьегорском р-не Карелии зафиксировано *мехрюша* “о чем-то большом”, а в Онежском р-не Архангельской обл. *мехряк* “о грузном, тяжелом человеке” [4. Вып. 3. С. 236]. В дополнение к этому сводный словарь русских народных говоров дает: *мехряк* “медлительный, неповоротливый человек” (тобол., перм., урал.), *мехрюк*, *мехрютка* “то же”, *мехро* “обжора” (костр.), *мехря*, *михряк* “толстяк” [5. Вып. 18. С. 144–145].

Таким образом, мы видим, что слово *мехряк* (и его варианты) бытует исключительно на Русском Севере. Здесь же отметим, что существуют современные фамилии (как и *Мехряков*, наиболее часто фиксируемые в центре и на севере Европейской части России, на Урале и в Сибири), образованные на основе указанных вариантов слова *мехряк*: *Мехрюков*, *Михрюков*, *Михряков*, *Михрютин*.

Откуда же взялись эти *мехряки*, *михрюки*, *мехрёнки* и *мехрютки*?

В.И. Даль слово *мехряк* приводит в статье *мехорить* “жрать, трескать” (вятск.), предполагая при этом существование глагола *мехрить* (ср. у П.И. Дилакторского *михрить* “есть, жевать”, записанное в Великом Устюге [3], но также и среднеуральское *охремячить* “съесть с жадностью, без остатка”).

А. Преображенский слово *михрюк* (приведенное по материалам В.И. Даля) считает неясным по происхождению [6].

М. Фасмер для архангельского *мехрёнок* “неповоротливый человек”, *мехряк* (цитируя здесь В.И. Даля) предполагает исходную семантику “мешок”, сопоставляя с общеславянским **měxъgъ* (рус. диал. *михирь*) “пузырь” (от *мех* “мешок”). Относительно же *михрюк* “увалень, остолоп” и *михрютка* “домосед, бирюк, нелюдим” он писал: “Все эти слова производят впечатление производных от имен собственных, возможно от *Михаил*? *Михрюк* может быть связано с *михирь* (см. ранее. – А.Ш.) или *мишка*” [7. Т. II]. А.Е. Аникин [8. С. 386] считает правдоподобным отнесение М. Фасмером *мехряк* к слав. *měx-* (*měxъr-?*, **mexъgъ* “пузырь”), указывая на связанное с этой основой русское *мешок*, имеющее, в числе других, значение “неповоротливый человек; обжора” [9. Вып. 18. С. 159, 220].

Но слово *мехряк* небезосновательно сравнивалось и с финно-угорским названием барсука – финские *mäkrä*, *mägrä* и т.п., см. работы А.К. Матвеева [10. С. 344] (в связи с севернорусской топоосновой *Мегр-*, *Мехр-*) и О.В. Вострикова [11. С. 59]. А.Е. Аникин считает это сравнение сомнительным ввиду фонетических и семантических трудностей (ибо следов значения “барсук” у слова *мехряк* в русском нет).

Нам же, в силу географии распространения слова *мехряк* и его семантики, представляется логичным сопоставить его именно с прибалтийско-финским *mägr-* “барсук” (фин. *mäyrä*, *mäkrä*, кар. *mägrä*, ливв. *mägrū*, люд. *mägr(ü)*, вепс. *mägr* [12. С. 361]). Но следует, наверно, развеять сомнения, кратко высказанные А.Е. Аникиным.

Начнем с фонетики. Приведем географические названия, основанные на указанном финском слове. В Карелии: *Мегрозоро* (*Мегриярва* в 1500 г. [13]), реки *Мегри*, *Мегрега* (там же в 1563 г. отмечена волость *Мегржаны* и *Мягр-наволок* [14. С. 63, 64]), *Мягрека*, *Мягрозоро*, озеро *Магрино*. На Русском Севере: *Мегра*, *Мегрозоро*, *Мегриш*, *Мягра*, *Мягр-ручей* [15. С. 53]. Видно, что финское *ä* первого слога русскими передавалось как *e* или *я* (реже *a*).

Интервокальное сочетание *-xp-* могло появиться уже на русской почве как результат адаптации сочетания *-gr-*. Это иллюстрируется примерами работы О.А. Теуш: русское *бухра* “бурелом, труднопроходимый лес” – из коми-язвинского *букра*; *букрѣха* > *бухрѣха* “мелкая рыба”; *букля* > *бухля* “провисшая мешком часть невода” [16. С. 229–230]. С другой стороны, это сочетание могло отражать консонантизм какого-то вымершего чудского языка-источника, родственного при-

балтийско-финским языкам (ср. гидронимы типа *Мегрега* в Карелии и *Мехреньга* в басс. Северной Двины; вариации термина *согра-сохра* [17], противостояние ареалов названий с основами *Ягр-/Яхр-* и финалями *-агра, -ягр, -огра, егра/-ихра, -ехра* на Русском Севере и в исторических мерянских землях соответственно [18. С. 144, 160]). А.К. Матвеев указывал, что изменение $g > \gamma > x$ могло иметь место в некоторых субстратных языках вследствие ослабления исконной смычной артикуляции, отраженной в топонимии Русского Севера и переходом ее во фрикативную [Там же. С. 144]. Действительно, ареал слова *мехряк* (и его вариантов) в целом лежит не в современной (и относительно недавней) области бытования прибалтийско-финских языков, а в области вымерших “чудских” языков, генетически родственных (на что указывает топонимия и лексические заимствования) прибалтийско-финским языкам.

Мы при этом не можем исключать и бывшее существование апеллятивов (наряду с *мехряк*) с *-г-* (что точно соответствует прибалтийско-финским данным), а не *-х-*: *мегря, магря*. На это указывают отыменные топонимы: озеро *Магрино* на реке Ундукса в Карелии, деревня *Мегрино* на реке Чагодоша (известна с конца XV в. [19. С. 220]). Есть и современные фамилии *Магрин, Мегрин* (часть носителей последней, впрочем, могут иметь предков – выходцев из Рождественского *Мегорского погоста* – центра крупной волости *Мегра* Обонежской пятины [14. С. 212–213]).

Колебание *e ~ и* в первом слого (*мехряк, михрюк*) смущать нас не должно, ибо оно достаточно часто встречается в заимствованных словах (при исконности *e*), для сравнения приведем заимствованные из пр.-фин. *niegla, niegli, negl* “игла, хвоя” *негла, нёгла, мегла* “лиственница”, *мегольник* “хвойный лес”, наряду с *мигла, нигольник* [20. С. 46–47].

Можно думать, ввиду наличия как неосложненных (*мехря, михря, мехро, мегря, магря*), так и осложненных русскими суффиксами *-ак/-юк, -ёнок, -ют-ка* форм и упомянутым нами колебанием консонантизма, о полицентричности заимствования, хотя доказать это трудно, если не невозможно. Все соответствующие изменения могли происходить на русской почве по мере распространения термина с неясной внутренней формой от места заимствования по просторам Русского Севера.

Переходим к вопросам семантики. Думается, что именование (обзывание) производилось на основании метафорического сопоставления (*барсук* – толстый, неповоротливый человек), ср. др.-рус. прозвище *Барсук*, фамилию *Барсуков*. Подобные сопоставления являются, по сути, ономастической универсалией, ср. следующие примеры (мы намеренно ограничиваемся именованями, производными от заимствованных названий животных). *Вашкал* – из *вашкал* “уклейка” (мерянское по происхождению), *Лавтаков* – из *лафтак* “большой тюлень, морской заяц” (саамское), *Тюленев* – из *тюлень* (саамское) [21].

Согласимся, что гипотетическое *мегря/мехря* в значении “барсук”, действительно, в памятниках не отмечено. Но такое заимствование выглядит заведомо избыточным при наличии исконных *барсук*, *язвец* (в отличие, скажем, от слов *лафтак*, *тюлень* и многих других, именующих северные реалии). Иноязычная основа была, похоже, “сразу” использована для образования уничижительного прозвища с переносным значением, свойственным русскому *барсук*. И этот случай отнюдь не единичен. Так, в документе 1577 года встретилось именование *Гришка Перзак*. Известны диалектные слова *перзя* “брюхан”, *перзак* “толстяк”. Они явно восходят к ливв., люд., вепс. *perze* “зад(ница)” [22. С. 90–91], хотя для русских слов именно это значение не зафиксировано (исконных слов для обозначения данного понятия опять-таки имелось в избытке). Думается, что русское *перзя*, *перзак* первоначально означало “задастый, толстозадый” (минуя стадию “задница”), откуда недалеко и до зафиксированного современными диалектными словарями “толстяк”. Другой пример: начиная с первой половины XVI века на Русском Севере фиксируются именованья *Колмак*, *Колмаков*, восходящие к незафиксированному *колмак* “третьяк, третий ребенок”. Это последнее определенно происходило из общефинского *kolme* “три” при том, что заимствовать финское слово в его прямом значении русским не было никакой необходимости [23].

О.Н. Трубачев специально подчеркивал, говоря о славянских антропонимах, что в ряде случаев их основы не имели апеллятивной, дономастической стадии употребления, то есть соответствующие антропонимы сформировались сразу на ономастическом уровне [24. С. 8]. Тем более это справедливо для основ иноязычных. Сама иноязычная лексема могла и не войти в словарный фонд жителей того или иного региона, контактирующих с “инородцами”, в силу своей семантической избыточности. Но при понимании (знании) пришельцами (славянами) семантики этой лексемы эта последняя могла быть использована при образовании “скрытого” (см. ранее *Колмак*) или уничижительного имени (прозвища), “обидность” которого смягчалась именно использованием не рудного, а “чужого” слова. Скорее всего, иноязычная лексема сначала служила основой бранного эпитета (естественно, в этом качестве имея ничтожные шансы попасть в актовые материалы), который затем проникал в сферу антропонимии (ср. *Перзак*, *Кобра*, *Тюльпа*, *Тюрза* [21]).

Данные ономастики (зафиксированной ранними памятниками письменности) подтверждают мнение многих исследователей о том, что экспрессивные и метафорические названия лиц, не отмеченные в качестве апеллятивов в ранних (да, порой, и поздних) источниках, являлись существенной частью лексико-семантической системы русских диалектов. Среди этих названий нередки и те, что были созданы на базе иноязычных лексем, в том числе – апеллятивов, не нашедших отражения в русских региональных словарях. Впрочем, эти апеллятивы могли и

функционировать когда-то в русских диалектах, но затем по той или иной причине уйти из них (О.Н. Трубачев неоднократно подчеркивал, что уход лексемы из словарного запаса языка легче констатировать, нежели объяснить). Если говорить о личных именовании с нерусскими основами, то можно было бы думать и о заимствовании нерусского личного имени с последующей его адаптацией в собственно русской антропонимии региона [25. С. 77]. Но такое заимствование представляется маловероятным при неясности (для реципиента) семантики имени – слишком ответственным являлся в древности (в отличие от настоящего времени) акт имянаречения.

Таким образом, нам представляется, что фамилия *Мехряков* происходит от русского диалектного *мехряк* “толстяк, увалень”, образованного на базе слова, принадлежащего какому-то из живых или вымерших финских языков Русского Севера и означавшего в этом языке “барсук”.

В завершение “барсучьей” темы скажем следующее. Коль скоро “финское” слово с данной семантикой (пусть и с переносным, метафорическим значением) вошло в севернорусскую лексику и затем в русский антропонимикон, почему бы не поискать в центре России следов соответствующего мерянского слова? Ведь финно-угорское племя Мерья, как известно, в определенный период играло существенную роль как в русской истории, так и в этногенезе русского населения Волго-Окского междуречья. В марийском языке, к которому исчезнувший мерянский был, похоже, наиболее близок [18], “барсук” – *nerge* (слово связано с прибалтийско-финским *mägrä* соотношением метатезы *rg-gr*). А во Владимирской области, т.е. на бывших мерянских землях есть река *Мергель* (*Мерегель*, *Нергель*). Стало быть, в мерянском могло существовать слово *terge* “барсук”. Не с этим ли словом (или с соответствующим русским заимствованием *мерга*) связаны именованья *Иван Мерга* (1445 г., Московский уезд), *Иван Павлович Мергасов* и *Суета Пименович Мергасов* (1571 г., Кашин) [26. С. 196], а также достаточно распространенная ныне фамилия *Мергин*?

Литература

1. Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии. Вологда, 1995.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
3. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.И. Дилакторского. СПб., 2006.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005.
5. Словарь русских народных говоров. М.–Л., СПб., 1965–.
6. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1915.

7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
8. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва – Новосибирск, 2000.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974-.
10. *Матвеев А.К.* Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // *Этимология* 1971. М., 1973.
11. *Востриков О.В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.
12. *Suomen kielen etymologinen sanakirja.* Helsinki, 1955–1978.
13. Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 года // *Временник МОИДР.* М., 1852. Кн. 12.
14. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
15. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004.
16. *Теуш О.А.* Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // *Этимология* 2003–2005. М., 2007.
17. *Шилов А.Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // *Вопросы языкознания.* 1997. № 6.
18. *Матвеев А.К.* Ономатология. М., 2006.
19. Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1.
20. *Шилов А.Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
21. *Шилов А.Л.* О раннем бытовании пейоративных личных именований с заимствованными основами на Русском Севере // *Русское слово: язык и народные говоры.* Материалы научной конференции (Ярославль, 25–27 октября 2007 г.). Ярославль, 2007.
22. *Шилов А.Л.* Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалектизмов // *Этимологические исследования.* Екатеринбург, 2003. Вып. 8. С. 87–93.
23. *Шилов А.Л.* Откуда вы, любезнейший Колмак? // *Русская речь.* 2008. № 1.
24. *Трубачев О.Н.* Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков // *Этимология.* 1985. М., 1988.
25. *Кюришунова И.А.* О степени надежности реконструкции лексики по данным ономастики // *Вопросы региональной лексикологии и ономастики.* Вологда, 1995.
26. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.

Топонимика

МЕТАФОРА В ТОПОНИМИИ

© Т. Ф. ФЕДОТОВА,
кандидат филологических наук

Топонимические исследования последних лет показывают, что в отношении топонимов с географическими объектами чаще всего явление метафоризации проявляется в области гидронимии и оронимии (именовании любого рельефа земной поверхности). Как известно, *метафора* – это перенос наименования с одного предмета на другой на основе сходства этих предметов или отдельных признаков, расположения и т.д.

Процесс метафоризации в области топонимических наименований заключается в переходе апеллятива в имя. Метафоризация в области ономастики, как и в других разделах языкознания, “во многом обусловлена картиной мира носителей языка, т.е. народной символикой и ходячими представлениями о реалиях, признаках, действиях, образующими коннотации слова” [1].

Из существующих трех функциональных типов языковой метафоры (номинативная, когнитивная, образная) для топонимических наименований чаще используется *образная метафора*, для которой характерен “переход предметного значения в семантическую категорию признаков слов”. Так, ороним *Сапог* указывает на форму объекта, то есть гора может быть похожа на сапог. Из существующих закономерностей метафоризации значения признаков слов для топонимики наиболее характерна *метафора-олицетворение*, где признак или действие лица относится к географическим объектам: гора *Лысая*, протока *Дурная*, гора *Убиенная* и др.

Таким образом, топонимическая метафоризация выражает устойчивое подобие, постоянный признак географического объекта и, помимо номинативной функции, еще и характеризует прошедший субъективное осмысление человеком определенный географический объект в момент номинации.

В этой связи, на наш взгляд, интересна топонимия Восточного Забайкалья, которая имеет в изобилии гидронимы и оронимы. Метафорические наименования насчитывают не менее ста единиц в каждом типе топонимов. Такие наименования в наибольшей степени привлекают к себе внимание из-за своей необычности, эмоционально-экспрессивной окрашенности. Попытаемся на примерах данной территории проанализировать явление метафоризации в области топонимии: содержание, структуру, типы образов и др.

Гидронимия и оронимия Восточного Забайкалья несут в себе различную информацию, например основанную на ассоциации человека с объектами реального мира, т.е. в таких топонимах содержится указание на форму, размер объектов, их соотношенность в пространстве и т.д.: сопка *Сапог*, хребет *Воструха*, урочище *Городьба*, гора *Сиротинка*, озеро *Штаны*, ручей *Бодатый*, река *Кочерга*, ручей *Роговик*, озеро *Колобчонок* и др. Другая группа топонимов не содержит конкретных физико-географических характеристик, а отражает в большей степени только эмоциональное отношение человека к объекту, созданное на основе народной фантазии, фольклора, символов религии и национальных обрядов, фактов истории – гора *Солдатка*, перевал *Три Жандарма*, перевал *Семь Гномов* и др.

Следует заметить, что образные метафорические топонимы образуются, как правило, по следующим моделям: “атрибутив + метафорический топоним” (урочище *Климов Рукав*, горы *Мишкина Катюшка*, *Нижняя Бомба*, *Верхняя Бомба*) и метафорический топоним в собственном употреблении (падь *Разбойники*, реки *Поросенок*, *Кибитка*). Когнитивные же метафорические топонимы при образовании используют такие модели, как: “метафорический атрибутив + онимизированный географический термин” (падь *Черное Озеро*, озеро *Красная Трава*, урочище *Золотой Мыс*, горы *Голодная Сопка*, *Рябая Стрелка*) и метафорический топоним-субстантив в собственном употреблении (ручей *Золотой*, река *Бриллиантовая*, озера *Убиенские*).

Изучение топонимии Восточного Забайкалья свидетельствует о том, что образы и признаки, положенные в основу метафор, достаточно разнообразны, то есть, соотношенность объектов по цвету – ключ *Черный*, ручей *Золотой*, урочище *Рябая Грива*; по форме, размеру – сопка *Крестик*, река *Щель*, падь *Липша*, озеро *Лягушка*, река *Колодезь*; по отсутствию растительности (как правило, у объектов рельефа) – гора *Плешивая*; по человеческим качествам и состояниям – ручей *Веселый*, перевал *Пьяный*, протока *Дурная*; бытовыми предметами – река *Гвоздь*, река *Кочерга*, гора *Баян*; объектная соотношенность – горы *Сиротинка* и *Командир*.

Таким образом, в результате анализа образов и признаков, положенных в основу названий географических объектов, можно говорить об определенной ассоциативной информативности метафорических топонимов, заключающейся в указании на характерные признаки называемого объекта, которые выделяют его среди ему подобных.

Как известно, в основу многих топонимов положены географические термины, имеющие в своем составе большое количество термин-метафор. Так, Э.М. Мурзаев, говоря об анатомической лексике, положенной в основу народной географической терминологии, отмечал, что “перенос значений подчинен определенной закономерности”, “термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых четко

прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины...” [2]. Э.М. Мурзаев также приводил термины-метафоры, встречающиеся на описываемой территории: река *Верхняя Коса*, где *коса* – “аккумулятивная намывная узкая полоса суши, клином вдающаяся в море, озеро, реку”; гора *Дедова Грива*, где *грива* – “склон горы, горная покатошь в Восточной Сибири”; урочище *Зеленые Гребни*, где *гребень* – “в Восточной Сибири – скалы или утесы, тянущиеся по вершинам хребтов или отдельных сопок” [3].

Помимо слов, имеющих отношение к частям тела человека или животных, можно встретить и названия, образованные на сходстве с другими предметами или их признаками, которые также способствуют не только номинации, но и характеристике объекта, выделяя его из ряда подобных: гора *Воронья Стрелка*, где *стрелка* – “небольшие отроги хребтов или отдельных сопки, тянущиеся в виде мысов по мёрям, еланям или по падям...”; гора *Быки*, где *бык* – “скалистый берег, мыс, каменный утес...”; гора *Каменные Столбы*, где *столбы* – “скалистые вершины, напоминающие зубцы, иглы, высокие и узкие башни” и др. Нередко географические термины, образованные на основе сходства предметов, соседствуют с апеллятивами, например, гора *Кедровая Грива*. В подобных случаях термин-метафора выступает в качестве своеобразного атрибутива к термину *гора* для указания на характерную особенность или разновидность географического объекта. Нередко такие модели образуются в результате изменений рельефа и находящихся рядом объектов и т.п. Но чаще всего такое явление связано с тем, что географический термин закрепляется в сознании человека только с распространенным термином, а не с географическими разновидностями какого-либо объекта, находя соответствующее отражение на географической карте: например, термин *гора* как “любая, заметно выделяющаяся возвышенность”.

Говоря о закономерности возникновения топонимов-метафор, возникших на основе географических терминов, следует отметить и тот факт, что на территории Читинской области достаточно распространены бурятские и монгольские термины: реки *Байса*, *Байцакан*. *Байса*, *байца* – “крутая отвесная скала, утес, среди которых бурно протекает река или речка в узком ущелье”; иногда гора (бур.) “гора”, гора Толгой – “вершина, холм”, в переводе с бурятского и монгольского – “голова”; река *Аршанка* – от *арасан*, *арашан*, *аршан* – “минеральный источник, минеральная целебная вода, термальный целебный источник, святая вода (тюрк., монг., тунг.-маньч.)” [3] и др. Таким образом, метафорические географические термины, выполняя функции номинации и характеристики, отражают народные представления и ассоциации, формируют народную географическую лексику.

Модели образования топонимов-метафор в описанных случаях можно представить в двух разновидностях: 1 – *сравниваемый объект*

или признак → топоним; 2 – сравниваемый объект, признак → термин → топоним. И в том, и в другом случае наблюдается метафорическое отображение свойств объекта, основанное на осмыслении мира человеком, опыте освоения данной территории.

Особо следует сказать о названиях, связанных с метафорическим переосмыслением на основе эмоционального восприятия объекта человеком. Как отмечает А.В. Суперанская, “номинация обычно происходит в речевой ситуации по различного рода ассоциациям, порой неуловимым и понятным лишь тем, кто дает имена” [4]. Ассоциации с образами, созданными народной фантазией, возникают в тех случаях, если объект имеет особенные признаки: причудливость формы, необычный цвет, неожиданное месторасположение и т.д. А присвоение подобным объектам фольклорных имен подчеркивает ассоциации с исключительностью сказочных образов, их сверхъестественными возможностями. Топонимы такого типа тоже не являются редкостью на территории Читинской области: река *Король*, горы *Чертов Пик*, *Шайтан Сопка*, перевал *Семь Гномов*, пади *Разбойники*, *Шаманка* и т.д.

Метафорический перенос в топонимике – явление сложное и малоизученное. Для каждого этноса в определенный исторический период существовали свои мотивы для имяназвания того или иного объекта. Метафорическое имя наиболее ясно дает представление о мотивировке названия объекта.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
2. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.
3. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Чита

“Обойти всю Русу и Ладогу”

© В. Л. ВАСИЛЬЕВ,

доктор филологических наук

Поговорки, пословицы и прочие разновидности устойчивых выражений образного характера свойственны народно-диалектной речи. Большинство таких “языковых самоцветов” распространены на весьма ограниченной территории и поэтому малоизвестны, но все они имеют значительную научно-познавательную ценность.

В картотеке диалектной фразеологии Новгородской области имеется поговорка *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Собирателям диалектного материала приходилось часто записывать это выражение в значении “езде побывать, многое повидать, испытать, пережить на своем веку”: “Где только ни живано, если говорят, вся Руса и Ладога обойдена” (д. Кобожа, Мошенской р-н); “Этот обошел всю Русу и Ладогу, хлебнул горюшка” (д. Крутец, Мошенской р-н); “Все он знает, Русу и Ладогу обошел, много видел всячины” (д. Бабье, Старорусский р-н). Поговорка имеет варианты формы, например, без соединительного союза и – *обойти (пройти) всю Русу-Ладогу*: “Обошел в свое время Русу-Ладогу, а теперь никуда больше не хочу ехать” (д. Далево, Крестецкий р-н); “Да у него пройдена вся Руса-Ладога. Нигде не засиделся долго” (д. Ольховка, Крестецкий р-н). Существует вариант поговорки с именами во множественном числе – *обойти все Русы и Ладоги*: “Он все Русы и Ладоги обошел, нигде не нашел себе места” (г. Пестово).

Со значением “езде побывать, многое испытать и пережить” тесно соотносится второе значение этой поговорки – “пройти большое расстояние”: “Верст десять прошел, обошел Русу и Ладогу – нет пока настоящих грибов” (д. Частова, Новгородский р-н); “Ох, сегодня обошел всю Русу-Ладогу и ни одного гриба не принес” (д. Крутец, Окуловский р-н). Полный перечень диалектных записей занял бы слишком много места, поскольку фразеологизм отмечен в десятке районов Новгородской области, а также в соседних Псковской и Вологодской областях. Слышали его и в Карелии, неподалеку от Кижей: “Ну, пока все Русы-Ладоги не объеда – не успокоится!” [1. С. 14]. Следовательно, перед нами устоявшийся, исконный, развивший варианты, широко распространенный в центральных новгородских говорах фразеологизм, иногда проникающий в средельные говоры, однако совершенно не отраженный в исторической письменной документации, не известный ни русско-му литературному языку, ни другим славянским языкам и диалектам.

Истолкование этого интереснейшего выражения не столь очевидно, как может показаться на первый взгляд. Чтобы дать приемлемое решение, раскрывающее истоки поговорки *обойти (пройти) всю Русу и Ладугу*, нужно ответить, по крайней мере, на два вопроса: 1) что следует понимать под географическими названиями *Русы* и *Ладуга*? и 2) в чем смысл сопоставления именно *Русы* и *Ладуги*, а не каких-либо других названий? Попытаемся сначала ответить на поставленные вопросы с позиций сегодняшнего дня, а точнее говоря, с позиций ближайшей истории.

Русы и *Ладуга* сегодня и в ближайшем прошлом – названия населенных пунктов на Северо-Западе России. *Русой* в народной речи называют город *Старая Русса*, районный центр Новгородской области (в XIX в. уездный центр Новгородской губернии) к югу от озера Ильмень. На Новгородчине еще найдется село *Новая Руса* на реке Поле, деревня *Русса* на Волхове, вблизи Новгорода. *Ладогой*, а точнее *Старой Ладогой* именуется село в Волховском районе Ленинградской области. Определение *Старая* в названии села появилось после 1704 года в связи с появлением поблизости нового населенного пункта *Новая Ладуга*, который в настоящее время является городом.

Эти пункты невелики, и, чтобы их обойти, достаточно затратить несколько дней или часов. Ясно, что ни величина, ни функциональный статус этих пунктов не обуславливают прямым или косвенным образом объем значения “езде побывать, многое повидать, испытать, пережить на своем веку”, которое обнаруживает диалектная поговорка *обойти (пройти) всю Русу и Ладугу*. Часто Ладогой называют еще обширное Ладожское озеро, но и этот факт ничего нам не прояснит. Обойти Ладожское озеро, может быть, и нелегко, но при чем здесь *Русы*? Между ними нет никакой связи. Да и само название озера – *Ладожское*, *Ладуга* – позднее, оно идет от селения *Ладуга*, расположенного на его южном побережье; а в старину озеро называлось *Нево*: “озеро Нево, а Ладожское тож” (Из источника XVII века) [2. С. 153]. Остается лишь констатировать, что под именами *Русы* и *Ладуга* сегодня известны географические объекты, не связанные какими-либо особыми отношениями и даже не сопредельные. Все они находятся в Северо-Западном регионе, но этот факт явно недостаточен, чтобы объяснить значимое сопоставление *Русы* и *Ладуги* в едином фразеологическом контексте.

Быть может, под *Русой* и *Ладогой* в устойчивом выражении *обойти (пройти) всю Русу и Ладугу* следует понимать не названия небольших населенных пунктов, а наименования обширных территорий, исторически значимых и некоторым образом соотносенных между собой? В поисках этих территорий обратимся к русской истории. Заметим, что ограниченность ареала, отсутствие в общелитературном употреблении вовсе не препятствует суждению о значительной древности какого-либо фразеологизма или слова. Диалектная периферия, напротив, хоро-

шо сохраняет языковые архаизмы и реликты, дающие наиболее ценный материал для лингвистической и этнической истории.

Действительно, территории, связанные с именами *Руса* и *Ладога*, существовали, но разумеется, их границы и статус в разные исторические эпохи принципиально различались. В частности, названия этих населенных пунктов, как и ряда других городов Новгородской земли, отразились в наименованиях уездов. Уездное деление, введенное властями после присоединения Новгорода к Москве в конце XV века, носило в известной степени произвольный, искусственный характер, так как далеко не всегда учитывало исторически сложившиеся границы древних погостов и волостей. *Русский* (или *Старорусский*) уезд располагался на приильменских землях Шелонской и Деревской пятин, в Петровскую эпоху входил в состав Ингерманландской, Санкт-Петербургской губерний, позднее стал составной частью Новгородской губернии и просуществовал в той или иной конфигурации границ до начала XX века. *Ладожский* уезд, образованный около 1477 года на землях Водской пятины, охватывал 5 погостов и волость Лопца на южном побережье Ладожского озера от реки Лавы до Волхова. С эпохи Петра Первого уезд существовал в составе Санкт-Петербургской губернии.

Старорусский и Ладожский уезды, будучи территориями, образованными внешними московскими властями, никогда не именовались в местной народно-диалектной речи метонимически – *Русой* и *Ладогой*, по названиям главных городов. По крайней мере, письменных свидетельств этому нет. Зато территории исконные, традиционно сложившиеся в Новгородской земле, особенно средневековые волости в эпоху возвышения и расцвета независимой Новгородской республики, обычно именовались так же, как их центры. Вообще говоря, переносы названий крупных селений на подчиненные им волости, прилегающие местности являлись характерным автоматизмом древнерусской речи раннего периода. В источниках находим множество подтверждений данному факту. Так, известно, что средневековому городу *Луга* принадлежала волость *Луга*, на Верхней Волге были города *Сижка*, *Туд* с одноименными волостями, к западу от озера Селигер находились средневековые волости *Морева*, *Велила*, *Молвятицы*, *Стерж*, *Лопастницы*, *Буйцы*, все поименованные по главным селениям. Среди таких имен (перечень их легко продолжить) обнаруживается в разных источниках и территориальное наименование *Руса*. К примеру, московский князь Иван III, отправившись в 1471 году в поход на Новгород, повелел вначале “пригороды Новгородские в Русе повоевати, за озером, за Ильмерем, против города” [3. Т. VI. С. 8]. Область *Руса*, как указывал академик С.Ф. Платонов, лежала с запада на восток приблизительно между реками Полистью и Полой, с севера на юг тянулась от озера Ильмень до княжеской волости Буйцы [4. С. 1–13]. Эта область появилась после

того, как город Руса, прославившись добычей соли, превратился в крупнейший торгово-ремесленный центр Южного Приильменя.

Название города *Ладога* не сходит со страниц новгородских летописей и грамот вплоть до XVI века. И это не случайно. Феномен средневековой Ладоги давно изучается археологами и историками, имеется немало статей и целых сборников, посвященных этому городу, который в историко-археологической литературе называют “первой русской столицей” (Д.А. Мачинский), “патриархом русских городов” (Д.А. Мачинский, А.Д. Мачинская), “фамильным владением первых Рюриковичей” (А.Н. Кирпичников). Этот город, стоявший в начале Пути “из варяг в греки”, некогда обладал собственной обширной территорией, которая состояла из Нижнего Поволховья, Ижорской земли, Приладожской Карелии, области Обонежского ряда [5. С. 79]. На первый взгляд, самостоятельного древнерусского наименования этой территории в письменных источниках не сохранилось. Однако в Новгородской I летописи не раз встречаются сообщения о том, что новгородцы “идоша в Ладогу”. Можно ли с уверенностью видеть в них во всех случаях упоминание только города, а не Ладожской области, зная, что летописные контексты не всегда отграничивают локальный смысл названия от территориального? Наверное, вряд ли (если, конечно, не переносить на древний текст стереотипы современной речи). В сущности, ничто не мешает предположить, что, в соответствии с уже отмеченной устойчивой древненовгородской тенденцией к одноименности городских центров и исконно связанных с ними территорий, Ладожская земля в речи древних новгородцев могла метонимически называться тоже *Ладогой*.

Возникает гипотеза о том, что в новгородской поговорке *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* как раз и отражены наименования указанных территорий в Южном Приильмене и в Южном Приладожье. Эти средневековые области имели большое значение, поскольку прикрывали Новгород с опасных направлений: с юга – от литовцев, с севера – от шведов и, кроме того, охватывали прилегающие к Новгороду участки важных торговых путей. Территориальные центры Руса и Ладога в период расцвета новгородской независимости были крупными и укрепленными “пригородами” Новгорода, его надежными форпостами. Любопытно, что в грамотах, раскрывающих отношения Новгорода с тверскими и московскими князьями, эти пункты обычно упоминаются вместе, сначала *Руса*, потом *Ладога*, на протяжении двух с лишним столетий в составе одних и тех же устоявшихся формул. Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 года сообщается: “Ехати ти в Русу на третью зиму. А в Ладогу, княже, ехати на третее лето” и такой же пункт договора находим в грамоте 1471 года с великим князем Иваном Васильевичем о мире: “А в Русу вам, великим князем, ездити на третью зиму. А в Ладогу вам, ве-

ликим князем, ездити на третиее лето” [6. С. 10, 47]. Очевидно, в соответствии с древненовгородским законодательством, князья имели право ездить в эти крупные города в строго определенные сроки.

Вместе с тем предложенная гипотеза все же не до конца проясняет истоки нашего выражения *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*, оставляя открытым вопрос о возникновении фразеологического значения. Кроме того, отмеченные области Руса и Ладога не соотносятся ни по хронологии, ни по площади, ни по статусу своего происхождения.

Рассмотрим вначале хронологические нестыковки. Поселение Руса, судя по мощности культурного слоя, появилось на рубеже X–XI веков; что касается области Руса, то она могла оформиться только после укрепления города, примерно с XII века, но, скорее всего, позднее (территориальное наименование Руса отмечено в памятниках XV в.). Город Ладога в низовьях Волхова возник на три века раньше, он датируется серединой VIII века. После того как власть Новгорода перешла на Ладогу, вся Ладужская область вошла в состав Новгородской республики, возможно, сначала на правах федерации. Но вскоре она окончательно утратила особый статус, исчезла как таковая, составив продолжение новгородских земель. Хотя исследователи (А.Н. Кирпичников, Д.А. Мачинский, А.Д. Мачинская и др.) несколько расходятся в хронологии этого процесса, все они считают, что самостоятельной Ладужской области в XIII веке уже не существовало. Следовательно, в период расцвета Новгородской республики (XII–XV вв.), когда именем Руса назывались и город, и прилегающая к нему территория Южного Приильменя, имя Ладога указывало, пожалуй, только на город; указание же на обширную территорию Южного Приладожья и Прионежья относилось уже к теме далеких воспоминаний.

Значение поговорки *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* “езде побывать, многое повидать, испытать, пережить” отражает мотив тяжелых испытаний, выпавших на долю человека, обусловленных дальними странствиями, дальними дорогами (ср. второе значение поговорки – “пройти далекое расстояние”). Здесь второе значение явно определяет первое. Несомненно, долгие скитания по белу свету, по чужим странам и городам в разные времена являлись мерилем всего пережитого, увиденного на своем веку. Области Руса и Ладога (Ладужская земля) в свое время были значимыми, самостоятельными территориями, но вряд ли они казались древним новгородцам настолько далекими и обширными, что обойти (пройти) их считалось тяжким испытанием. Ладужская земля находилась неподалеку от Новгорода, к северу: она тянулась с запада на восток от Финского залива до Онежского озера. Область Руса была совсем маленьким районом в Южном Приильмене, отделенным от Новгорода только оз. Ильмень. Конечно, для древних новгородцев, которые постоянно бывали в Южной Руси и почти ежегодно отправлялись в многотрудные экспедиции в Заволочье, на далекую Югру и Печору, на Терский берег, путь в Русу не являлся многотрудным.

Вместе с тем есть косвенные языковые свидетельства того, что географические имена *Руса* и *Ладога* в нашей поговорке должны называть территории не только обширные и отдаленные от Новгорода, но и чужие в нем для Новгородской земли. Такому истолкованию *Русы* и *Ладоги* способствуют употребительные в новгородских народных говорах варианты выражения, которые аналогичны по структуре и значению поговорке *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Среди них *пройти Москву и Ладогу*, “все пройти, все испытать”: “Послушаешь ее, так у нее пройдена и Москва и Ладога” (д. Щур Волоотовского р-на) и *обойти горы и орды* в тождественном значении: “Человек он бывалый, как говорят, обошел горы и орды, а все ничего” (д. Ольховка, Крестецкий р-н); “Ну, этот нигде не пропадет, и горы и орды обошел” (д. Клопцы, Волоотовский р-н). В д. Соловьево Волоотовского р-на зафиксировано еще выражение *пройти все горды, орды* (“Он все горды, орды прошел”), в котором *горды, орды* – это искаженное *горы и орды*.

Во всех перечисленных оборотах, безусловно, очень древних, отражает на себя внимание тот факт, что слова *Москва, горы, орды* отражают внешние для средневекового Новгорода и Новгородской земли реалии. Вообще говоря, истоки всех этих выражений свидетельствуют о том, что древнему новгородцу, чтобы прослыть бывалым человеком, много испытавшим на своем веку, следовало познакомиться с чужими для него странами и народами. Действительно, *Москва*, понимаемая здесь скорее в территориальном смысле – как Московское княжество, Московская Русь, длительное время была зарубежной для Великого Новгорода страной. Разумеется, “дальним зарубежьем” были для Новгорода различные *орды* – средневековые степные государства кочевников на обломках империи Чингисхана (*Белая Орда, Синяя Орда, Золотая Орда* и т.д.), а также *горы* – территории с горным ландшафтом, не свойственным для Новгородской земли.

Отмеченную аналогию следует распространить и далее – на имена *Руса* и *Ладога*, коль скоро они употреблены в тождественном фразеологическом контексте поговорки *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Ладожская земля (*Ладога*) в ранний период, до присоединения к Новгороду, действительно была внешней для новгородцев территорией, тогда как южноприильменная область *Руса* искони относилась к “внутренним” новгородским землям. Говоры Южного Приильмения являются неотъемлемой частью новгородской диалектной группы, да и сама поговорка употребительна к югу от Ильменя, в бывшей Русе, точно так же, как и в других местах Новгородского края. Все это наводит на мысль о том, что *Русой* в нашей поговорке изначально считалась совсем другая, внешняя, территория.

Полагаем, что этой внешней территорией являлась самостоятельная, внутренне связанная и целостная область, называемая в древнейших летописях *Русью*, или иначе – *Русской землей*. Летописная *Русская*

земля в IX–XII веках охватывала земли Киевской, Черниговской и Переяславской областей [5. С. 27–29, 33]. В X и первой половине XI века Русская земля (Русь) с главными центрами Киевом, Черниговом и Переяславом образовывала политическое ядро Киевского государства. Новгород, Смоленск, Полоцк, Рязань и другие крупнейшие центры лежали за пределами Русской земли. Между Новгородом и Киевом издревле существовали тесные связи, однако Новгородская республика и Русская земля четко противопоставлялись друг другу как два государственных объединения. Новгородская I летопись отчетливо показывает, что новгородское население XI–XIII веков рассматривало Русь как внешнюю для себя территорию: “В лето 6650 (1142). Епископ и купьце и слы новгородскыя не пушаху из Руси”; “В лето 6653 (1145). Ходиша вся Русска земля на Галиц <...> ходиша же и из Новгорода помочье кыяном”; “В лето 6657 (1149). Иде архиепископ новгородский Нифонт в Русь”; “В лето 6687 (1179). Тогда же новгородьци послашася ... в Русь”.

Если считать, что в поговорке *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* “просвечивает” имя летописной Русской земли, то все сразу становится на свои места. И среднеднепровская Русь, и Ладожская земля (или иначе – Ладога) на ранних этапах истории казались новгородцам достаточно отдаленными и обширными территориями, но главное – это были внешние области, чужие государства. Русская земля всегда была внешней территорией, тогда как Ладожская земля оставалась независимой от Новгорода примерно до середины XI века или до начала XII века, точнее до 1105 года, когда новгородцы “идоша в Ладогу на воину” (Новгородская I летопись), а впоследствии стала составной частью Новгородской земли. Следовательно, поговорка *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* возникла в то время, когда славяне Приильменья считали область Ладогу (как и область Русь) чужой для себя страной, то есть не позднее XI или даже X века. Показательно, что в ту эпоху Ладога преимущественно тяготела не к Новгороду, который не достиг еще пика своего могущества, а к Киеву, то есть к Русской земле. “Есть основания полагать, – пишет А.Н. Насонов в своей книге, – что Ладога более зависела от Киева, чем от Новгорода”, недаром “древние саги <...> называют Ладогу 997 г. землей Владимира Старого” [5. С. 79]. Тесные связи Киева и Ладоги уходят в VIII–IX века, когда в пределах Древней Руси сформировались две протогосударственные общности восточных славян: южная со столицей в Киеве, и северная с первоначальной столицей в Ладоге. Сообщение между ними осуществлялось преимущественно по Волховско-Днепровской речной магистрали (по известному пути “из Варяг в Греки”).

Таким образом, надо полагать, что рассматриваемая нами поговорка возникла на рубеже I и II тысячелетий и имела первоначальный вид *обойти (пройти) всю Русь и Ладогу*. Она сохраняет смутное, затуше-

ванное временем воспоминание о двух территориально-политических общностях, которые стали главными очагами русской государственности. Выражение появилось в среде деятельных новгородцев, видимо, торговых людей, в период становления военно-политической и экономической мощи Новгорода до присоединения к нему Ладоги, именно в ту эпоху, когда освоение Новгородом торгово-экономического пространства осуществлялось преимущественно к югу и к северу вдоль стратегического Пути “из Варяг в Греки”. Территории Руси и Ладоги меридионально противопоставлялись как крайние южная и северная периферии этого издревле освоенного пространства. Следовательно, *обойти Русь и Ладогу* значило в те времена для новгородцев пройти весь юг и север, узнать южные и северные пределы Древней Руси, точнее говоря, побывать во всем древнерусском государстве. Постепенно имя *Русь* в поговорке заменилось на *Руса*, поскольку население Приильменя, забыв исходный смысл этого имени, стало ассоциировать его с названием города и области *Руса*, хорошо им известных. Вариантная поговорка *пройти Москву и Ладогу* родилась значительно позднее – уже после возвышения Москвы.

Литература

1. Агапитов В.А. Путешествие в древние Кижы. Петрозаводск, 2000.
2. Книга Большому Чертежу. М., 1950.
3. Полное собрание русских летописей. СПб., 1857.
4. Платонов С.Ф. Русса // Дела и дни. 1920. № 1.
5. Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Великий Новгород

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-04120а).

“Матушка да батюшко”

© И. Б. КАЧИНСКАЯ

Термины кровного родства часто используются как в городе, так и в сельской местности в обращениях к неродственникам – *отец, сынок, дочка, дядя, тетя*. Через термины родства осмысляются мифология, языческая и христианская, первоосновы мира (*земля-матушка*), термины родства проецируются на животный мир, а также на растения и предметы. Они появляются в антропонимах (фамилиях, прозвищах людей и кличках животных) и в топонимах.

Рассмотрим механизм этого переноса. Во многом он связан с переходом от номинации к обращению и наоборот.

Термины кровного родства накладываются на термины свойства: к свекру и свекрови было принято обращаться *батюшка* и *матушка*, братьев мужа – *деверей* – называть *братьями*, его сестер, золовок – *сестрицами*: “Свекровку *маменькой* да *матушкой* звали, а родную мать – *мамой*. Раньше, раньше *матушкой* звали, *матушка* да *батюшко* – все возвеличивали, это ишо до нас было”.

В свадебном причитании невесты встречается: “Назову я свекра *батюшкой*, лютую свекрову *матушкой*, деверьницу звать да *братьицами*, золовшек звать *сестрицами*”.

Употребление одних и тех же лексем в разных значениях (для наименования/обращения к матери и к некровной родственнице) и за-

крепление за словом значения “не-матери” порождает две разнонаправленные тенденции: одна – разнести, разделить значения, используя для этого разные лексемы, другая – противоположная – заменить различие на новое сходство. Если для обращения к свекрови используются лексемы *матушка*, *маменька*, то родная мать будет называться *мать*, *мама*, *мамушка*, *мамка*: “Выходила замуж, так свекровка не давала называть *матерью*, а *матушкой*: я тебя не рожала, зови *матушкой*. Богданово (свекра) – дак звали *батушка*, свекровку – дак *матушка*, а родные дак *папа* да *мама*. *Матушка* – мужа мать, а своя – *мама*, *мамушка*”.

Если же возникает временное тождество в обращении к матери и свекрови, то происходит замена ласкового обращения к матери и появляется новое к свекрови: *маменька*, *мамаша*, *мама*. То же происходит в соотношении отца и свекра: “У мужа жена звала *батушка* да *матушка*, а которы побогаче, так *тятенька* да *маменька*”; *матушка* > > *мамка* – “Раньше *матушка* была свекровка, сейчас *мамкой* зовут”; *матушка* > *мамаша* – “Раньше звали *матушка* да *батушко*, а ныне – *папаша* да *мамаша*, а если п ты была мне молоткой, ты звала меня *матушкой*”.

Как только мать стали называть *мамой*, сменилось и обращение к свекрови, до сих пор большая часть информантов воспринимает это обращение как новое: раньше свекровь называли *матушка*, *мамушка*, *маменька*, теперь – *мама*: “Раньше свекровку *матушкой* звали, а типерь всё *мамой* зовут, а кака ей *мама*? Она ей не рожала. Котора рожала, та уж настояща *мама*. Кто *мамой*, кто *мамушка*, кто как. Я звала *маменькой*, а нынче *мамой* зовут”.

На уподоблении обычно настаивает старшее поколение: “Невестки ране звали *матушкой*, а я не хочу, лучче *мамой*. Хороша сноха, она меня *мама вы* все звала, *мама вы*”.

При вариативности обращения выбор остается за свекровью: “Она подойдет к свекрови: как тебя звать – *матушкой* ле *мамой*?”.

В московской разговорной практике *мамой* называют и родную мать, и мачеху, и свекровь, и тещу. Современная тенденция оставить лексему *мама* только для обозначения родной матери (и для обращения к ней, причем на *ты*), а для некровной родственницы использовать обращение на *вы* и по имени-отчеству (т.е. обращаться к ней как к неродственнице), воспринимается как тенденция новая, как сознательный отказ от традиции.

Широко используются термины кровного родства при обращении к неродственникам. Они накладываются на поло-возрастную номинацию: *бабка* – “родная бабушка” и “старая женщина, неродственница”, *жёнка* – “жена” и “женщина”, *дядя*, *тетя* – обращение к старшим по возрасту неродственникам со стороны детей.

В свадебном причитании невеста называет подружек *сестрицами*: “*Сестрицы-подружки-госьтюшки...*”.

Происходит и обратное движение, когда наименование по полу и возрасту распространяется на родство (как это происходило с некоторыми лексемами исторически): *девочка, дитя, дитятко* называют родную дочь, внучку, *парнёк, парнишко* – сына.

Термины родства распространяются на духовное родство, возникающее при крещении: *крёстная мать, крёстный отец* – как вторые мать и отец. Их еще именуют также *божаткой и батей, батькой, крёстной, крестовой, названой матерью*: “А *крёстну мать*, котора из купели вынимает, дак раньше божаткой называли. А *батька* ишь повадятся звать, а нать – божатка, а нонь *хрёстна* нать звать. Тебя вот я дёржала, крестила, дак я божатка, а то *батькой* зовут, *батькой* и хрёстной. Божатка считаеце што *мать*. У меня *мама*, у меня *названная мама*, божатоцка, они кумы. Это ведь большое дело божатка – божатка больше *матери*. Уж как третий поклон я положу уж за *крёстну* за *матеньку*, за крестовую за божаточку”.

Духовный отец, священник, исповедник называется *батюшка, духовной батька*, а его жена, попадья – *матушка*: “Свекрову *матушкой* звали и попадью. У попа-то жену звали *матушка*. *Матушка* – жена попа, попадья. Ну *батюшка* (поп) был хороший, не скажем, а *матушка* работой-то муцила”.

Матушкой была и монахиня, духовная наставница: “Потом я к *матушкам*, не монашенки, а *матушка, батюшко-то* (священника) не было уж”.

Через термины родства осмыслялась космогоническая картина мира. *Матерью, матушкой* была не только земля, но и вода, война, страда, зима и проч. *Отцом, батюшкой* оказывались небо, ветер: “...Перекрестите трижды родничок и скажите: *небо-отец, земля-мать*, вода-свят, благослови сама себя не ради хитрости, не ради мудрости, а ради великой божьей милости... У наз бабушка яйца кидала: *ветерок-батюшко!* Какого надо ветра вызывала: подуй, подуй”.

Ветры могли стать и *братьями*: “Выйду я на красное крылечко, попрошу я буйных ветерков: буйны *ветерки*, брателки родные, нанесите на меня белые белила, красные румянцы, чтобы зарились на меня купцы и бояре, богатые люди”.

Вода, река – *вода-матушка, речка-матушка*: “*Вода-матушка* есть. Поедем полоскатце: *речка-матушка*, дай водицы пополоскать. Над рекой: *вода-матушка* смывает пенья-коренья, желты пески, круты горы, так же смой с рабы божей Марии Федоровны Аграфёниново рожденья все озевы – озевают тебя, окричат – наброды и испуги. Аминь. *Вода-матушка* текёт перетекается, бегёт-перебегается, смывает пенья-коренья, желты пески, круты горы – на коо будешь наговаривать, так-то и смой – такой-то матери такоо рожденья. Смывай так смывай. Все испуги, озевы, переполохи”.

Река и оставляемые ею во время весеннего половодья на берегу льдины воспринимаются как *мать и дети* (или *мачеха и пасынки*) –

мать к детям всегда возвращается, и, по примете, если на берегу во время разлива остались льдины – будет еще одно наводнение: река-“мать” “вернется” за “детьми”: “*Матка* детей соберёт, пребыдя да соберёт. Вода ушла, а *пасынки* остались на берегу. А лёд прошел – а вот льдины-то. Это *пасынки* – льдины на реки. Лёд-то прошел, лёд-то остался на берегах. *Пасынки* называют, *пасынки*. Она как не поднялась, *деток* оставила”.

С материнским началом связывают конкретное пространство, большую и малую родину: эпитетом *матушка* наделяется Россия, страна, Москва (как столица России), деревня, тундра, река (конкретная для данной местности): “Дально место наше, мы далёко живем от *Росии-матушки*. Довели *страну-матушку* до краю. Нельзя веть уверяца в *Москвы-матушки*. *Москва-матушка* и *Питер-батюшка*. В лесу, в *тундре-матушке*, была *деревнюшка*. У нас *деревня-матушка* тоже большая дак. *Сия* (деревня) – *матушка-Россия*. Прибыла бы *Пижма-матушка* [река; сравни общерусское *Волга-матушка* или *Волга-матушка река*]”.

Значимым оказывается не только пространство, но и время, как прошлое (старина, досельщина), так и настоящее: “Древность была, *старина-матушка*. Ой, *старину-матушку!* (пришли записывать). Мы сейчас только споминали старину. Они не хранили *старины-матушки*, нарушили. Она досельщину-матушку помнит, у ней память кака глубока. Припоминаат *досельщину-матушку*”.

Внимание акцентируется на периодах, представляющих опасность или трудности для человека, – на времени, от которого человек зависит, но вполне управлять которым не может: это зима, ночь, война, страда: “*Зима-то* придет *матушка*, у нас *зима-то* долга. Как *матушка-ноченька* горит, мает и замирает, и тайте на рабе божей... все эти проклятые двенацать кил, подсыхайте и подгорайте, никакой болезни не давайте (из заговора). *Страда-мать* возит, отвозит да привозит. Ребят-то много было, а *война-матушка* всех увела. *Война-матушка* дала нам жизни, всё испытали: стужу и нужу. Нас нарушила *война-матушка*”.

Праздник Покрова Богородицы персонифицируется, превращаясь в некий мужской образ: “Покров, *батюшка Покров*, награди избу теплом, а меня женихом”; “*Покров-батюшко*, покрой землю снежком, а меня женишком”; “У нас *батюшка Покров* нашу деревню берегёт, она не гаривала”.

Духи-“хозяева” дома, леса, воды предстают как члены семьи. “Хозяева” дома и хлева (*домовой* и его “жена”) будут не только *хозяином* и *хозяйкой*, *суседушкой* и *суседушкой*, но также *дедушкой* и *бабушкой*, *батюшкой* и *матушкой*, *дяденькой-батюшкой*: “*Батюшко-хозяин*, *матушка-хозяйка*, царь небесной, царь воденой, царь лесной и царь земной, возьмите мою Узорушку (кличка коровы) на все лето красное, пойте и кормите и вовремя домой приводите”; “В каждом доме хозяин

есть: *доброход-батюшко* и *доброходица-матушка*. *Батюшко-хозяюшко*, *матушка-хозяюшка*, с малыми детьми, с приходящими госьтьми, пойте-кормите, храните-берегите мою скотинушку, любите, как мы ейо любим”; “В армию походят, у хозяина спрашиваются: *Батюшко-хозяюшка*, *матушка-хозяюшка*, я похожу в Красну армию. Берегите меня, охраняйте меня, дайте мне здоровья, в пути при дороженьке спасите меня и сохраните меня”.

Дедушкой зовут и мифическое существо, обитающее в бане, сарае, овине или в воде, в лесу: “*Дедушко-байнищѣк* да *бабушка-байница*, как домовы. Вот в большую старину говорили: *леший-отец*. Зачертыца сковородником, и потом тоже крикнеш, што *леший-батюшко*, зачертились, на замок заложились, скажи, кому што будет”. Эпитет *батюшко* может сохраняться за словом *лешой* даже в брани: “Унеси тебя *батюшко лешой*, больше не приноси!”.

Самые значительные фигуры христианства связаны родством – *Бог-отец*, *Бог-сын* и *Божья мать* или *Господь-батюшка* и *Царица-матушка небесная*.

Семейные отношения распространяются и на животных (мать – ребенок > самка – детеныш): “*Мати* и *дочи*, одна Пушинка, другая Мурка (о кошках). Мы утку сѣ звали – *матушка*”.

Термины родства используются в кличках, например, коровы и курицы: “Телка родилась и *Матушкой* назвали”; “У нас веть курам всем названья: *Матушка* есь, Пеструнья, а раньше Даша была”. Их же используют при названии отдельных видов насекомых и животных: бабочка – *баба-липа*, *баба-липка*, *бабка*, *бабочка*; моль – *дедушко-ботамушко*, *бабка*, *бабочка* – “Моль, а ешо *дедушко-ботамушко*. Вот *дедушко-ботамушко* летайот”; “*Бабка*, *бабушка* летает, едят одеждуто”; “*Бабка* летает, я пыхаю, травлю их”; сороконожка – *дедушко-брантанушко* – “*Дедушко-брантанушко*, как цервяк, ползат, лап много”; паук – *дедушко*, *паук-дедушко* – “*Паук-дедушко*, *дедушко* сетоцку, говорят, вьет”; улитка – *дедушко-олень* – “*Дедушко-олень*, выпучи рожка, дай пирожка”; крот – *дедушко*, *дедушко земляной* (*земельной*) – “*Дедушко* в земле ходит”; “*Земельных* крыс ловить, *дедушков*”; “*Земельных* *дедушков*, как мышь”; медуза – *баба-кисель* – “Говорят, *баба-кисель* на простуду ладится”.

Термины родства переносятся и на “внешний”, материальный мир. Чаще всего они используются в названиях растений: *мать-мачеха*, *мать-и-мачеха*. Растение ромашка полевая: *бабушка*, *белая бабушка*, *желтая бабушка*, *бабушка-варварушка*, *бабушка-завворенка*, *бабушка-затворенка*, *бабушка-кулябушка*, *дедушко-бабушка*. О грибе дождевике говорят: “Пыхнет из ево, это *мышья бабка*, снацала они как ейца, а потом и засохнут, в них сделаца пыль. Дроздики-то называеце *дедушко о баенка*. Молодой – он дроздик, а взрослой превратится в *дедушку о баенку*”.

Интересны названия рук, например, вся рука рассматривается как “семья”: “Пальцы на руках: большой, *матка*, *отец*, *бабка*, мезенчик, или *дочка*”.

Зачастую семьей оказываются печь, огонь, дым: (в загадке) “*Мать толста, дочь красна, а сын-коробей в небо ушел*”; “*Мать толста, дочь красна, сын кудряв*” – печь и дымник (дымоход); в заговоре от тоски “*Печка-матушка, дымник-батюшка*, сними тоску-печаль-горюшко с рабы божьей (имя) по рабе божьей (имя), отнеси на морюшко, на само доньшко. Амвнь 3 раза”; печь и изготовленные в ней пироги также ассоциировались с семьей: “Раньше как садим хлебы в печку, приговариваем: *Печка-матушка*, скрасай *хлебов-детушеек*”; “*Печка-матушка*, скрась-ко пироги!”.

К колодцу обращаются *батюшка*: “На колодец за водой пойду: *Колодчик-батюшка*, дай мне водицы”.

Некоторые бытовые предметы также именовались родовыми терминами, например, *дедко* и *бабка* – парная деталь ткацкого станка; приспособление для натачивания лезвия косы (бьющая часть называется *дедкой*, подставка, по которой бьют, – *бабкой*). *Детинец* (*детей*, *детенец*, *детинок*, *детыш*) и *матка* (*матица*) – разные внутренние части рыболовной ловушки. *Матка*, *матица*, *матница* – несущая потолочная балка (или несущая балка пола). *Две сестры* – узор в вязанье.

У слов *баба*, *бабка* выделяется более десяти предметных значений, среди них кукла, слепленная из комьев снега; снежная баба; куча отходов от обработки льна, чучело из таких отходов; опорный столб, кол, жердь какого-н. сооружения, в том числе опорный столб колодезного журавля; тяжелое толстое бревно, колода с ручками для забивания свай; деревянная стойка на ножках или на крестовине, служащая подставкой вращающегося устройства для перематывания ниток при подготовке к тканью; стержневая деталь в ткацком станке; деревянное основание русской печи; приспособление для натачивания лезвия косы; большой полый деревянный барабан, цилиндр, ворот, служащий для наматывания каната, удерживающего на морском берегу рыбацкие лодки; отверстие большого полого деревянного барабана, ворота, куда продевается такой канат; малая укладка зерновых (ячменя, ржи) или льна, конопли; верхний сноп, которым сверху накрывают малую укладку зерновых; стог сена или соломы круглой формы, наметанный вокруг одного шеста; укладка срубленных бревен; безымянный палец на руке; надкопытный сустав ноги домашнего животного; одна кость такого сустава, служащая для игры “в бабки”; детская игрушка.

Несколько предметных значений зафиксировано для слов *дедка*, *дедко*, *дедушко*. Это деталь ткацкого станка; бьющая часть наковальни; безымянный палец руки; стиральная доска; голубятня (*дедушко-горнизик*).

У слова *матка* более десятка предметных значений с протозначением “основа чего-н.” Это части тела (женское чрево, указательный палец руки), несущая потолочная балка, свод русской печи; базовое судно, снабжающее рыболовные траулеры провиантом и водой и принимающее у них выловленную рыбу; головной плот; компас; картофелина, от которой отводятся новые клубни; твердый глинистый грунт; центральная часть чего-н.; часть рыболовной ловушки, рыбоприемник; нижняя часть грабель, куда вставляются зубцы; жердь, на которой сушится белье.

Мы рассмотрели термины родства на материале говоров одного региона: архангельского. Автор использовала собственные полевые записи, а также “Архангельский областной словарь” и богатейшую его картотеку, в том числе и электронную. Однако широкая экстраполяция терминов родства характерна не только для архангельских, но и для любых русских говоров, она может наблюдаться во всех славянских и прочих языках мира.

Семейно-бытовые песни русских и белорусов

© Н. Ю. ЖУКОВА

Наиболее отчетливо русско-белорусские связи в области народной культуры проявляются на Смоленщине.

По переписи населения 1897 года белорусы составляли здесь около 47%, а русские – 40% [1. С. 3]. Смоленская губерния занимала своеобразное промежуточное положение между белорусскими и великорусскими землями.

В фольклорно-этнографических источниках, относящихся к концу XIX – началу XX века, с большей очевидностью обнаруживается на территории Смоленщины общность в области народной праздничной культуры с соседней Могилевской губернией, в частности, в проведении таких святочных игр, как “Тярешка”, “Коза”, “Ящер”, а также традиционных белорусских хождений “волочобников” с песнями, проведение весенних хороводов и игр от Пасхи до Вознесения, сжигания чучела Купалы и т.д. [1. С. 4].

В.К. Соколова, сопоставив весенние и летние календарные обряды у русских, украинцев и белорусов, указала на то, что “древняя основа у них была общая, но сохранилась она не везде в одинаковой степени... У русских, как важнейшие народные праздники, выделились масленица и Семик-Троица, а у украинцев и белорусов Купала” [2]. Исследователь отметила, что аграрные обряды и праздники этих народов донесли до XIX века “разнообразные остатки древних культов и действий, восходящих еще к первобытной магии” [2]. В этой связи следует добавить, что “смоленская традиционная культура относится к числу древнейших в восточной Славии”, по словам Е.В. Гиппиуса, здесь фиксируются “исторически наиболее ранние и, по всей вероятности, корневые формы песенного искусства восточных славян” [3. С. 7].

Связь смоленского и белорусского фольклора мы прослеживаем и в живных песнях. Они широко распространены на территории Смоленщины. Исследователи отмечают, что “песни, специально связанные с

жнивом, были встречены только в некоторых местах бывшей Архангельской губернии, на Псковщине и главным образом в районах Смоленщины” [4]. Среди восточно-славянских народов этот жанр более всего известен у белорусов. Смоленские же земли являются, по сути дела, восточной окраиной ареала жатвенных песен.

В смоленских и белорусских жнивных песнях на семейные темы особенно популярна исполняющаяся во время жатвы песня, в которой невестка не сочувствует упавшей свекрови, жаль же ей – помянуть крапиву.

Смоленская:

А я ў поле жито жала,
В моем доме шкода стала.
Шкода [беда] стала – свякрова упала.
Не жаль мене свякровушки,
А жаль мене крапивушки.
Свякровушку хырынить будем.
Крапивушку косить будем.
Свякровушку пумянуть будем [3. С. 590].

Белорусская:

1. А я ў поле жыта жала,
У мяне дома бяда стала.
2. У мяне дома бяда стала,
Што свякруха з плоту ўпала.
3. Што свякруха з плоту ўпала.
Усю крапіву паламала.
4. Не жаль жа мне свякрухначкі,
А жаль жа мне крапівачкі [5].

Исследования о связях в области народной культуры русских и белорусов посвящены в основном обрядовому фольклору [6]. Предстоит отметить сходство и своеобразие лирических необрядовых песен. Общность в первую очередь проявляется в тематике семейных песен.

Широко распространена на Смоленщине семейно-бытовая песня “Лучинушка”, в которой реальность и иносказание объединяются так тесно, что словесно выраженный параллелизм оказывается излишним:

Лучинушка моя, лучинушка березовая,
А что ты, моя лучинушка, не жарко горишь?
Не жарко, не ярко, не вспыхиваешь?
– Лютая моя свекровушка на пирушечке была,
На пирушечке была, водою подлила.
Девушки, мои подружки, вы ложитесь спать,
А мне, молодешеньке, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать – не спать, дружка ожидать...[7].

Внутренний параллелизм в данной песне, безусловно, есть, но практически речь идет о тождестве судеб (женщина не сопоставляет, а отождествляет себя с лучиной). Подобное тождество исключает повтор типа: природная параллель + “человеческая” параллель. Эта же песня известна и в Белоруссии:

Лучына, лучыначка
 Бярозава,
 Чаму ж ты, лучыначка,
 Зырка не гарыш?
 Недзе, ты, лучыначка,
 У печы не была,
 Свякруха ліхая
 Вадой заліла.
 Дзеванькі-сястрыцы,
 Кладзітцеся спаць,
 А мне, маладзюсенькай,
 Усю ноч чакаць [8. С. 94].

На Смоленщине известен вариант этой песни, записанный в конце XX века, и в нем явно видно внутреннее сокращение: не упоминается о женщине, ждущей мужа, повествование замыкается на “несчастье” лучинушки:

Лютая свекровушка горшок волокла,
 Меня ж то, лучинушку, водой подлила [9].

Но этого вполне достаточно, чтобы домыслить участь женщины в чужой семье.

Близкой для двух славянских народов является песенная символика. В смоленских и белорусских песнях наиболее часто употребляемыми растительными символами являются калина, береза, рябина, среди орнитоморфной символики – кукушка. Образ калины представлен в зачи- не многих необрядовых песен, в том числе и семейно-бытовых.

Смоленская:

Як у сады калініца стояла,
 Там белым цветом расцветала,
 Там матушка с сыном размовляла...

Белорусская:

Каліна-маліна
 Над ярам стаяла.
 Чаго ж ты, каліна,
 Ад сонца саўяла?

Образ калины в белорусской народной лирике так любим, что само слово *калина* стало своеобразным припевом в целом цикле календарно-обрядовых песен. Кроме того, во многих местностях Белоруссии купальские и петровские песни называют просто “калиной”. Старые женщины так и говорят: “Будзем каліну спявац” [10]. На Смоленщине и в Белоруссии этот символ часто встречается в свадебных песнях.

Разгарэлася калина
 Перед зарею стоючи.
 Тушіў ветрик – ни ўтушіў,
 Па полю искры разнасіў.
 Расплакалася Ликсандринка
 Перед матулькой седючи [11. С. 294].
 (Виленская губ.)

Польна калини, малини, да у лузи стояти, эй, –
 Пора калини, пора малини да у сад пярэйдить...
 Польна Марычки, польна малодэй, да у батюшки жить, эй, –
 Пора Марычки, пора малодэй замуж идить... [11. С. 164].
 (Смоленская губ.)

Широко распространен в необрядовых семейно-бытовых песнях и образ березки. В календарных величальных песнях, поющих в Семик, звучат наивысшие похвалы воспеваемому образу, ведь “по мысли совершавших обряд, береза должна передать буйный рост и пышную красоту полевым злакам” [12]. В лирических же семейных песнях обрядовый образ березоньки во многих песнях предвдвуряет сетования лирической иронии.

Белорусская:

– Ой, кудрава бярозанька,
 Чаму не гарыш, а курышся?
 Маладая маладзіца,
 Чаму не робіш, а журышся? [8. С. 32].

Смоленская:

Бяреза, бярезанька,
 Бяреза кудрявая,
 Ти ня темненька табе
 У темном лесе стоючи?
 Малодка малодая,
 Ти ня скучна табе
 С неудалицыю жить?... [11. С. 334].

Как бы ни изменилась демографическая ситуация на Смоленщине и как бы далеко ни разошлись русские и белорусы в развитии своих на-

циональных культур, элементы прежнего сотворчества, былой этнической общности не могли не сохраниться. Традиции, возникшие на основе генетически родственных связей близких по языку, быту и культуре двух славянских народов, сказываются и в наши дни. Об этом свидетельствуют фольклорные записи последних лет.

Литература

1. Гусев В.Е. Предисловие к книге: Русские народные песни Смоленской области в записях 1930–1940-х годов. Л., 1991. С. 3.
2. Соколова В.К. Весеннее-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 261.
3. Цит. по: Смоленский музыкально-этнографический сборник. М., 2003. Т. 1. С. 7.
4. Чичеров В.И. Земледельческая календарно-обрядовая поэзия // Русское народное поэтическое творчество. М.–Л., 1955. Т. 2. Кн. 1. С. 487.
5. Можейко З.Я. Песни белорусского Полесья. М., 1983. Вып. 1. С. 98.
6. См. работы В.К. Соколовой, Л.Н. Виноградовой, Н.С. Гилевича, И.И. Земцовского, Я.Р. Кошелева и др.
7. Архив Литературного музея СмолГУ. Ф. 19. Оп. 1. П. 8. Т. 20. Л. 4.
8. Сямейна-бытавыя песні / Склад. І.К. Цішчанка; склад. муз. часткі Г.В. Таўлай. Мінск, 1984.
9. Записано Малехиной Н.А. в 2000 г., г. Ельня, от М.Е. Коненковой, 1919 г.р.
10. Гилевіч Н.С. Паэтыка беларускай народнай лірыкі. Слова і вобраз. Мінск, 1975.
11. Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. 1903. Т.4.
12. Аникин В.П. Генезис необрядовой лирики // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XII. С. 20.

Смоленск

“ПОКОЙНИКА ВСТРЕТИТЬ – К СЧАСТЬЮ”

Народные приметы в поэме Н. В. Гоголя “Мертвые души”

© В. А. ВОРОПАЕВ,
доктор филологических наук

“У Гоголя не было предшественников в русской литературе, – утверждал В.Г. Белинский, – не было (и не могло быть) образцов в иностранных литературах. О роде его поэзии, до появления ее, не было и намеков” [1]. Впоследствии историками литературы было накоплено немало наблюдений о связи Гоголя с различными литературно-художественными явлениями – от Гомера и Библии до Вальтера Скотта и малороссийской повести начала XIX века.

И все же вывод Белинского, думается, в значительной мере верен и сейчас. Еще первый биограф Гоголя П.А. Кулиш указывал на важнейший источник необычайной оригинальности его творений – народную стихию, их питающую [2]. М.М. Бахтин объяснял “феномен Гоголя” органической связью его поэтики с традициями народной культуры. По мысли ученого, творчество такого “гениального выразителя народного сознания”, как Гоголь, можно действительно понять только в потоке народной культуры, выработавшей свою особую точку зрения на мир и особые формы его образного отражения [3].

В этой идее Бахтина, которая пока еще не получила должного развития, коренится, как представляется, разгадка своеобразия творческой манеры Гоголя и, в частности, особенностей поэтики “Мертвых душ”. Речь в данном случае пойдет о народных приметах, которые наряду с пословицами и поговорками выполняют в поэме Гоголя важную смысловую роль.

Во второй главе Чичиков отправляется из города по своему “делу” к окрестным помещикам. Первый, кто встречается на его пути, – это поп: “С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший *поп* снял шляпу...” [4]. (Заметим в скобках, что в XIX веке слово *поп* не имело того уничижительного оттенка, который появился в советскую эпоху).

По народному поверью встреча с попом предвещает недоброе. В Толковом словаре Даля читаем: “Встретил попа – не хорош выход”, “Поп, монах дорогу перешел”, “Поп <...> – дурная встреча”. Примета

эта одна из самых древних. Упоминание о ней можно найти в русских летописях. Так, в “Повести временных лет”, в записи под 1068 годом, летописец упрекает христиан в том, что они верят в языческие приметы: “Аще бо кто усрящеть черноризца, то взъвращается <...> то не поганьскы ли се есть?” (“Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается <...> разве это не по-язычески?”) [5].

Широко известен эпизод из биографии А. С. Пушкина, как он в декабре 1825 года решил было ехать в Петербург, но, встретив в воротах священника, который шел проститься с отъезжающим барином, решил остаться в деревне. О возможных последствиях своей несостоявшейся поездки поэт рассказывал друзьям: “Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я <...> попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!” [6].

На память приходит и вопрос попа семи странникам-правдоискателям в поэме А. Н. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”:

С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?

Встрече с попом Чичиков не придал никакого значения. Но автор поэмы знает больше, чем его герой: Павлу Ивановичу не будет удачи в его предприятии.

В заключительной, одиннадцатой, главе вынужденный бежать из города Чичиков снова выезжает из ворот гостиницы. И встречает на этот раз на своем пути погребальную процессию (хоронили прокурора). Эту встречу замечает уже и сам герой и истолковывает ее как доброе предзнаменование: “Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастье, если встретились покойника” [4. Т. 5. С. 200]. Действительно, в Толковом словаре Даля находим: “Покойника встретить – к счастью”.

Счастье, однако, можно понимать по-разному. Чичиков сам скупает мертвых и потому встречу с покойником расценивает как предсказание удачи в “деле”. По-иному понимает счастье своего героя автор. Встреча со смертью, по мысли Гоголя, должна напомнить человеку о его бренности, заставить строже взглянуть на самого себя, подумать о своей собственной душе. Узнав о смерти своей сестры Марии, Гоголь писал матери 12 июня (н. ст.) 1844 года: “Счастливи еще бывает тот, которому Бог пошлет какое-нибудь страшное несчастье, и несчастьем заставит пробудиться и оглянуться на себя” [4. Т. 9. С. 241]. В другом письме, объясняя причины, побудившие его напечатать “Завещание” в книге “Выбранные места из переписки с друзьями”, Гоголь наставлял мать и

сестер: "...оно нужно затем, чтобы напомнить многим о смерти, – о которой редко кто помышляет из живущих. <...> До тех пор, покуда человек не сроднится с мыслью о смерти и не сделает ее как бы завтра его ожидающею, он никогда не станет жить так, как следует, и всё будет откладывая от дня до дня на будущее время" (из письма М. И. Гоголь от 25 января (н. ст.) 1847 года) [4. Т. 9. С. 358].

Гоголь много размышлял о том, каким образом внушить человеку мысль о значении жизни и смерти, чтобы смерть не поражала его как бы внезапно, неподготовленного: "Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнию, как игрушкой, что жизнь – не игрушка", – писал он незадолго до смерти (в конце апреля 1850 года) своему духовному отцу ржевскому протоиерею Матфею Константиновскому [4. Т. 9. С. 478].

Неожиданную, как бы случайную смерть прокурора ("...стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого умер" [4. Т. 5. С. 191.]) автор сопровождает размышлениями о тайне жизни и смерти, смысле человеческого бытия: "А между тем появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в великом человеке: тот, кто еще не так давно ходил, двигался, играл в вист, подписывал разные бумаги и был так часто виден между чиновников с своими густыми бровями и мигающим глазом, теперь лежал на столе, левый глаз уже не мигал вовсе, но бровь одна все еще была приподнята с каким-то вопросительным выражением. О чем покойник спрашивал, зачем он умер или зачем жил, об этом один Бог ведает" [4. Т. 5. С. 192].

Из персонажей поэмы один только Чичиков оказывается способен постичь страшную правду о прокуроре: "Вот, прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови" [4. Т. 5. С. 200].

Реакция Чичикова на смерть прокурора близка авторской, хотя и не тождественна ей. Дело за малым: герой, так решительно (и нередко справедливо) судящий о других, ни в коей мере не относит сказанного к самому себе. Подобно другим персонажам поэмы "мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя" [4. Т. 5. С. 191]. Однако не случайно именно ему Гоголь позволяет постигнуть то, что скрыто от других героев. А.М. Бухарев (в монашестве архимандрит Феодор), один из проницательных читателей Гоголя и автор книги о нем, заметил по поводу чичиковской эпитафии прокурору: "Один только Павел Иванович и мог проникнуть во всю глубину этой ужасной истины, от которой задрожит иной всем существом своим..." [7. С. 127].

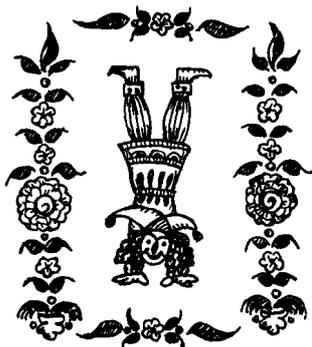
Прозреть истину Чичиков способен лишь в том случае, когда привычный ход его жизни нарушен и ему грозит беда, когда волею обстоятельств он оказывается в критической ситуации. Стоило ему “оборваться” на балу у губернатора, как он весьма здраво и основательно рассуждает о балах вообще. «Чтоб вас черт побрал всех, кто выдумал эти балы! – говорил он в сердцах. – Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожай, дороговизна, так вот они за балы! <...> Кричат: “Бал, бал, веселость!” – просто дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре; черт знает что такое: взрослый, совершеннолетний вдруг выскочит весь в черном, общипанный, обтянутый, как чертик, и давай месить ногами» [4. Т. 5. С. 160] и т. д. Герой, однако, опять-таки не относит сказанного к самому себе. Совсем недавно он вовсе не считал бал пустым делом и готовился к нему с завидной тщательностью.

Размышляя о судьбе Чичикова, А.М. Бухарев пишет: “...Многое должен еще пройти этот герой, многое должно совершиться в его духе и во внешних обстоятельствах. Нужно по крайней мере, чтобы оживляющий луч счастья пал в его душу не иначе, как во время страшной темноты, беды и горя его...” [7. С. 126].

Итак, встретившиеся при выезде из города на пути Чичикова похороны предсказывают ему счастье. Герой не догадывается, в чем заключается его счастье, для него оно – удача в предприятии. Иной смысл вкладывает в эту приметку автор. Счастье Чичикова – это будущее его возрождение через полный крах предприятия, счастье спасения заблудшей души. Этой идее соответствует и светлый, мажорный финал первого тома: гимн Руси-тройке, которая “мчится вся вдохновенная Богом!...” [4. Т. 5. С. 226] и которой дают дорогу другие народы и государства.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 123.
2. <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб., 1854. С. 84.
3. *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 484, 492.
4. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 5. С. 23. В дальнейшем сочинения и письма Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием тома и страницы.
5. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 182–183.
6. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т.2. С. 11.
7. <*Феодор (Бухарев)*, архимандрит.> Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860.

О шуте и не только

© М. В. ТУРИЛОВА

В уральских говорах есть слово *ошутеть* “сойти с ума”: *Ты чё, ошутела, чё ли?* [1]. В нем выделяется корень *шут* и кажется очевидным, что оно образовано от слова *шут*, которое в современном русском языке означает: “1. В старину: лицо при дворце или барском доме, в обязанности которого входило развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остротами, шутками. *Придворный ш.* 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях; паяц (1 зн.). *Острые реплики шута.* 3. Разг. Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем; паяц (2 зн.). *Не надоело быть шутом?* 4. В некоторых устойчивых сочетаниях: черт. *Ш. его знает, что он за человек. На кой шут (черт, бес)*” [2]. Можно предположить, что значение глагола развивается по модели “кривляться, паясничать, т.е. вести себя подобно шуту (в третьем значении)” → “потерять рассудок, сойти с ума”.

Однако производность глагола *шутеть* от существительного *шут* опровергается тем, что глаголы такого типа, как правило, образуются от прилагательных: например, *оглупеть* от *глупый*, *отупеть* – от *тупой* и т.п. В таком случае глагол *ошутеть* должен быть образован от некоего прилагательного *шутый*, а первичное его значение реконструируется как “сделаться шутым”. Что это за прилагательное и каково его значение? И как в таком случае оно связано со словом *шут*?

Такое прилагательное мы находим в южных и западнорусских говорах – *шутый* “комольный, безрогий”; а также в украинском *шутий* “то же”; болгарском *шут* “комольный”. Производные от них – болгарское *ошутя* “обрезать коротко”, диалектное *ошута* “обломать рога; укоротить”; македонское *ошутити* “лишить(ся) рогов” упоминаются в “Этимо-

логическом словаре славянских языков” в связи с древнерусским *ошутити* “высмеять, представить кого-либо шутом”. По версии О.Н. Трубачева, значение последнего глагола – “одурачить” – развилось на основе вполне конкретного “сбить рога” [3. Вып. 30].

Действительно, такая мотивационная модель существует: глупость связывается с физической неполноценностью, а – конкретно – с утратой животным рогов, которые для него являются важной частью. Например, в словенском языке есть слово *čúla* “болван, дуралей”. При этом болгарское *чул* имеет значение “корноухий, безрогий, курносый”, сербохорватское *čúla* означает “корноухий”, а в сербских диалектах *чула* – это “корноухая или безухая овца”; в словацком *čúla* также имеет значение “безухая овца”, а украинское диалектное *чулий* означает “безухий или с маленькими ушами” (о животных), “безрогий или с маленькими рогами” [3. Вып. 4].

Однако для уральского *ошутети* (да и для др.-русск. *ошутити* тоже) представляется возможной иная реконструкция семантического развития. Как указывал Р. Якобсон, некоторые лексемы того же этимологического гнезда – например, болгарское *шутка* “vulva” – исключают первичность значения “комольй, безрогий” и позволяют считать начальной семантику пустоты [4. Т. IV]. Это существенно для этимологии исходного слова данного гнезда – лексемы *шут*.

Относительно происхождения слова *шут* высказывалось несколько мнений. К. Штрекелем выдвигалась версия заимствования немецкого диалектного *schöte* “шут, дурак” [5. Т. I]. Однако все же большинство исследователей относит слово *шут* к исконной лексике и возводит к праславянскому *šutъ [6. С. 518; 4. Т. IV]. Последняя по времени и наиболее опирающаяся на славянский материал – версия Г.П. Цыганенко, который возводит праслав. *šutъ “пустой” к индоевропейскому *kseut-/ *ksout- – “обрубленный”, считая его причастием с суф. -t- [7. С. 495–496]. Мотивирует он это тем, что древнерусское *шутъ* впервые фиксируется в XI веке в значении “осмеянный” [8. Т. III]. Семантическое развитие слова Цыганенко реконструирует так: “обрубленный” → “пустой” → “осмеянный” → “тот, кто развлекает забавными выходками, остротами”. Тут, видимо, есть некоторая неувязка: на базе значения “обрубленный”, которое указывается для индоевропейской лексемы, логично развитие “безрогий, безухий” (в качестве славянских параллелей Цыганенко приводит южнославянские лексемы с этим значением). Но в таком случае не очень понятно, при чем здесь значение “пустой”, которое автор словаря указывает основным для праславянской лексемы.

Версия Цыганенко, очевидно, может быть уточнена. Для этого вернемся к отправной точке анализа – слову *ошутеть* – и попробуем восстановить его историю, учитывая в первую очередь исторические и культурно-этнографические данные того же ареала.

На Урале распространены легенды о *шутах* и *шутовках*. Вот как описывает их писатель-этнограф, автор “Очерка быта Уральских казаков” И.И. Железнов: “На языке уральцев слово *шутовка* означает то же, что у русских вообще слово *русалка*... По понятиям уральцев... *шутовки* есть *проклятые жены* и *девы*. Они живут во плоти, невидимо от людей, и будут жить до пришествия Христова. Постоянное жительство под водой, в обществе чертей. А как они не совсем еще отрешились от земли, то часто ходят между людьми, похищают одежду и пищу, где-либо беспечной хозяйкой положенную без молитвы, и выбирают для себя любовников из мужчин. Обыкновенно *шутовки* нападают на тех, которые горюют об отсутствующих или умерших женах или любовницах” [9. Т. 3. С. 19].

Распространены поверья о том, что уральские *шутовки* (как и вообще русалки) заигрывают с молодыми мужчинами, и это опасно для последних. «Уральская *шутовка* “к одному холостому парню прикачнулась и осетовала его”, после чего этот парень сделался грустным и болезненным» [9. Т. 3. С. 292]. Русалки шутят с людьми и по-другому: играют с ними в прятки, и те теряются в лесу.

Встречу человека с *шутовкой* описывает также В.И. Даль в очерке “Уральский казак”. Главный герой Маркиан *Проклятов* (любопытно, что в первой редакции очерка (1841 г.) у него другая фамилия – *Подгорнов*, но уже в редакции 1842 г. он становится *Проклятовым*) отправляется на охоту, вопреки закону, накануне праздника и потому сталкивается с нечистой силой: «Вскоре послышался отдаленный шелест, потом камыш затрещал. “Ломится зверь”, – подумал Проклятов и взвел курок винтовки. Но зверь не показывается, а треск камыша, приближаясь постепенно со всех сторон, вдруг до того усилился, что у Маркиана на голове волос поднялся дыбом; не видать ничего, а камыш трещит, валится и ломится кругом, будто огромный табун мчится по нем напролет. Проклятов привстал, отступил несколько шагов к убежищу своему, к бударке, а на возвышенном бугре стоит перед ним шутовка, нагая, с распущенными волосами; “Сколько припомню, – говорит старик, – она была моложава и одной рукой как будто манила к себе”. Сотворив крест и молитву, Маркиан стал отступать от нее задом, добрался до бударки, присел на колена и, ухватив весло, ударился, сколько сил было, домой» [10. С. 106–107].

Шутами называют проклятых мужчин. В записанных И.И. Железновым “Сказаниях уральских казаков” есть сказание о проклятом: «Я *проклятой*... Я такой же был человек, как и ты, как и все люди. Да вот, попал в дьявольское обчество и почитай на одном коне с дьяволами сижу... Мать (меня) прокляла; “не в час” лихое слово молвила и погубила меня. Правда... сам я тому причиной, на мать руку поднял... с пьяных глаз возьми и толкни матушку в грудь. Этого матушка... не стерпела, плюнула мне в рожу, да и сказала: “Будь же ты за это, анафема,

проклят!"... В тот же миг подцепили меня *дьяволы* и увлекли в свое сонмище. Теперь и исполняю повеленное мне *дьяволом*... *слоняюсь по миру* между людьми, отыскивая таких девушек иль-бо молодущек, кои по полюбовникам или по мужьям тоскуют, примазываюсь к ним... Ведь я во плоти <...>

В некоторые дни и сами черти дают нашему брату вольготу: весь Великий пост, все Оспожинки, все те дни, в кои люди постятся и молятся... Вот в это-то время и собираемся мы в притоны и заводим танцы, пляски и всякие игрища... А раз в году, в понедельник на Фоминой неделе, все *шуты* и все *шутовки* [курсив наш. – М.Т.] беспреренно должны являться в притоны: в этот день делается нам перекличка, поверка...

Я хоша и во плоти, но *не полный человек*. *Тоже и шутовка: хотя и во плоти, но и она не полный же человек* [курсив наш. – М.Т.]. А неполный человек с неполным человеком не может соединяться; для этого нужно, чтобы хоша один человек был полным человеком... Спина корытом бывает не у нас, а у настоящих чертей [имеется в виду поверье, что у чертей вместо спины дыра. – М.Т.]... у них и хвост» [9. Т. 3. С. 291–300].

Любопытно замечание информанта о том, что проклятый – “не полный” человек. Мы еще вернемся к этому позже.

Есть у слова *шут* в уральских говорах и другое значение. Как указывает этнограф Д.К. Зеленин, “*шутовка* означает собственно: жена или дочь *шута*, а *шутом* называют эвфемистически черта” [11. С. 146].

Итак, в уральских говорах словами с этим корнем называют персонажей народной демонологии – проклятых родителями женщин (русалок) и мужчин, а также черта. В рассказах о проклятых подчеркивается их “неполнота”. Как уже было сказано, в современном русском литературном языке слово *шут* сохранило значение “черт” лишь в составе некоторых устойчивых выражений. Но почему оказываются рядом значения “проклятый”, “черт” и “шут” в современном понимании этого слова? Сегодняшний *шут* всего лишь смешон, но раньше было иначе. Отношение к смеху и маске любого рода было двойственным.

С одной стороны, *шут* – был тем, кто мог сказать правду под маской дурака. Примерно в той же роли выступали юродивые, блаженные, и скоморохи: они были своего рода “выразителями свободного слова”. А с другой – было, во-первых, порицание (прежде всего Церковью) скоморошества как занятия бесовского. Вот, к примеру, один из контекстов, приведенный в словаре Срезневского: “*Но сими дьявол льстит и другим нравы, всячьскими лестьми превабля ны от Бога, трубами и скоморохы гуслими и русальи* (Пов. вр. лт. 6576 г.)” [8. Т. III]. В олонечких говорах скоморохом называют колдуна [4. Т. III]. Исследователь К. Михайлова выделяет ряд характеристик странствующего певца-нищего в представлениях славян, среди которых – связь с языче-

ским культом мертвых, говорящая о его сакральности и принадлежности не к этому, а к тому свету. Как указывает автор, это во многом связано с тем, что нищий представляется олицетворением предка [12. С. 145].

Во-вторых, в языке отражается и народное отношение к *шутке* как к пустому, а потому дурному и, кроме того, недоброму занятию: к примеру, диалектное *ошучивать*, *ошутить* в словаре Даля толкуется как “одурачить, насмеяться кому” (без указ. места) [13. Т. II]. В диалектах регулярно соседствуют значения “шутить” и “лениться”, “шутить” и “лгать”, “шутник” и “дурак”.

Несомненно, изначально к шутам и скоморохам относились как к существам опасным. Маска-личина, бывшая непременным атрибутом шутов и скоморохов, скрывала лицо и позволяла изменить внешность.

С этой точки зрения любопытна одна деталь, упоминаемая Д.К. Зелениным в рассказе о *проводах русалки*: “Одна из бесстыдниц наряжалась в безобразную одежду наподобие мужика, пачкала лицо сажей, и такую-то русалку, прыгающую до беснования, провожала ватага пьяных баб с громом в заслоны, с гармоникой и плясовыми песнями” [11. С. 253–254]. И здесь женщина, изображающая русалку, пачкает лицо сажей, т.е. прячет лицо под условной маской.

Как писал Даль, “шут обычно прикидывается дурачком, напускает на себя дурь, и чудит, и острит под этой личиной. Пора шутов и шутих миновала, но до этого века они находили приют у каждого вельможи; домашний дурачок и дура <...> Шут, – в играшках, потешных представлениях: паяц, клоун, потешник, это в нашей кукольной комедии петрушка. || Шут и вор. шутик, нечистый, черт. Шут его беру! Ну его, к шуту! || Всякая нежить, домовой, леший, водяной, шутовка, водява; лопаста, русалка” [13. Т. IV].

Среди синонимов слова *шут* “шут при дворе” есть слово *дурак*, которое по одной из версий тоже имеет мотивацию “пустой”. По мнению В.А. Меркуловой, праславянское **durakъ* производно от **durъjъ*, которое изначально входило в этимологическое гнездо глагола **dertj* и имело значение “пустой”, откуда произошло значение “глупый”. Позднее слово **durъjъ* утратилось, а образованные от него создали словообразовательное гнездо (только в русском литературном языке в нем, по данным словаря А.Н. Тихонова, более ста слов [14]). В.А. Меркулова указывает на синонимию гнезд **dur-* и **šal-*, так как базовое прилагательное **šalъjъ* исходно имело значение “пустой”. “Таким образом, вероятнее всего, что прилаг. *durъjъ* образует единый семантический ряд с такими словами, как *пустой, пустоголовой, простой, полоумный, халоумный, шалоумный*” [15. С.152].

Очевидно, этот ряд следует дополнить словами *шут, шутый, ошутеть*, что становится еще одним аргументом в пользу версии В.А. Меркуловой. Как уже указывалось, слово *шут* по своему происхождению – субстантивированное прилагательное с исходным значением “пустой”.

В свете этнографических данных становится понятным, почему рядом оказываются значения “черт”/“проклятый” (“ущербный, уязвленный”) и собственно “шут” и как развивается значение “сойти с ума”. Вспомним замечание, что *проклятый* – “не полный человек”. *Шут* “пуст” не потому, что он глуп. Это существо под личиной, за которой нет лица.

Вернемся к слову, которое послужило отправной точкой анализа. Выходит, что уральское *ошутеть* “сойти с ума” все же производно от *шут*, которое и является искомым субстантивированным прилагательным в краткой форме. *Ошутеть* означает стать *шутым*. А слово *шутый* – *шут* – в уральских говорах отсылает к легендам о черте и проклятых. Итак, *ошутеть* “потерять рассудок = выйти из нормы человеческого существования, стать подобным уральскому *шуту*, ущербному физически и душевно”.

В заключение рассмотрим одно слово, имеющее отношение к уже проанализированным. Это пермское и вятское *шутём* “поле под паром”, ср. также в выражении “*земля шутёмом лежит*, впусе, залогом, или под покосом” [13. Т. IV]. Фасмер излагал версию Колимы, который предполагал заимствование из коми *šut’om* “заросшее сорняком поле” [4. Т. IV].

Слово это существует в том же ареале, что и *ошутеть* “потерять рассудок”, *шуты* и *шутовки*. Интересно поразмышлять о причинах трансформаций слова. Видимо, оно “находит” в языке-реципиенте “подходящее” с фонетической и семантической точки зрения этимологическое гнездо и встраивается туда. Это, разумеется, гнездо *šut-, которое в данном ареале особенно активно, а кроме того, в нем жива семантика *пустоты*. Слово *шутём* мимикрирует, соотносясь именно с мотивационной моделью “пустой” → “незасеянный”, которая существует в русском языке: примером может быть слово *пустошь* “невозделанный или заброшенный участок земли”.

Интересен контекст *поле лежит шутем*. Это – следующий этап освоения этого слова русским языком. Теперь уже заимствование воспринимается как форма косвенного падежа. Следующим этапом, вероятно, станет появление слова *шуть* (“начальной формы”, восстановленной для квази-творительного падежа).

В толковании лексемы *шутём* Даль настойчиво повторял слова с корнем *пуст-* (*пустопорожня пустошь, впусе*), синонимичном корню *шут-*. Возможно, он стремился передать в словарной статье ощущение того, что связь между этими словами не только лишь в частичном пересечении значений, но глубже, на уровне синонимии этимологических гнезд, в которых возникает семантика “пустой”.

Таким образом, происходит включение заимствованного слова в исконное этимологическое гнездо *šut- “пустой”. Нет достаточных оснований предполагать, что семантика потери рассудка появляется в пределах гнезда *šut- на праславянском уровне или на этапе древнерусско-

го языка. Однако в последний период исследуемое гнездо слов оказывается смежным с теми (**dug-* и другие), в которых эти значения есть. Синонимия этимологических гнезд определяет дальнейшее их развитие и взаимовлияние.

Литература

1. Словарь русских говоров Среднего Урала. Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.
2. Современный толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2002.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003.
5. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
6. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
7. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989.
8. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912.
9. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерк быта уральских казаков // Полн. собр. соч. И.И. Железнова. Изд. 2-е. СПб., 1888. Т. 3.
10. *Даль В.И.* Избранные произведения. М., 1983.
11. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.
12. *Михайлова К.* О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Языки культуры: семантика и грамматика. М., 2004.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.
14. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М., 2003.
15. *Меркулова В.А.* Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М., 1989.

Э. Д. ГОЛОВИНА. Наш язык в вопросах и ответах

Среди многочисленных пособий для абитуриентов, коими переполнены книжные магазины, книга профессора Э.Д. Головиной “Наш язык в вопросах и ответах” (Киров, 2007) отличается занимательностью и глубиной содержания. Она содержит 700 вопросов о русском языке в распространенной и привычной для старшеклассников тестовой форме по всем разделам школьной программы – фонетике, орфоэпии, графике, орфографии, лексикологии и лексикографии, фразеологии, составу слова и словообразованию, морфологии, синтаксису.

Материал, на котором строятся вопросы, часто выходит за пределы школьной программы, развивая у школьников логическое мышление, пробуждая любознательность, интерес к языковым фактам. Этим пособие Э.Д. Головиной выгодно отличается от большинства подобных изданий, где во главу угла ставится лишь тренировка памяти и повторение уже изученного материала. Например, здесь есть такие разделы, как “Общее языкознание. Ономастика”, “Речь и логика. Мысли о русском языке”.

Школьникам наверняка интересно будет узнать, что значит слово *боливар* в романе “Евгений Онегин”, какой вид спорта называется *пентатлоном*, что значит *-ста* в слове *пожалуйста*, какое слово переводится с латинского как *водопровод* и многое другое.

Следует отметить, что многие из заданий, разработанных Э.Д. Головиной, с успехом использовались организаторами всероссийского конкурса “Русский медвежонок – языкознание для всех”, который очень популярен особенно среди школьников средних классов. В конце книги даются головоломки и чайнворды.

Материалы книги Э.Д. Головиной могут быть с успехом использованы не только на уроках русского языка в средней школе, но и на факультативах по культуре речи, стилистике, ономастике и т.д., при проведении олимпиад и интеллектуальных игр по русскому языку. Ну и, конечно, абитуриент, собирающийся в гуманитарный вуз, может без скуки расширить и пополнить свои знания по предмету, который является камнем преткновения для многих школьников. Полезно пособие будет и студентам-филологам первых курсов. Таким образом, книга Э.Д. Головиной “Наш язык в вопросах и ответах” является прекрасным образцом популяризации знаний о русском литературном языке и очень полезным пособием для широкого круга читателей.

В.Г. Долгушев,
доктор филологических наук
Киров

Как называют любимого человека в вятских говорах

© В. Г. ДОЛГУШЕВ,
доктор филологических наук

Диалектная речь богата экспрессивной лексикой и широко отображает человеческие чувства, например, любовь, ненависть, ласку, сожаление и т.д. Следует отметить, что в диалектной речи используются как литературные или общенародные слова, так и те, которые присущи языку только определенного региона, например, вятские: *шамайнок, шамайночек, шамайка; ягодина, ягодинка, ягодиночка*. Большинство их относится к уменьшительно-ласкательным существительным, что понятно, так как к любимому человеку всегда проявляются нежные чувства. Часто такие слова встречаются в частушках, например: “Дроля, дроля ты откуда? / Дроля из-за Вологды”.

В частушках часты обращения к возлюбленному в шуточной или иронической форме, например: “Дролячка завел калоши, / Не подходит и ко мне. / Дролячка, калоши вижу / Не на первом на тебе”. Бывает, что ирония заключена в самом именовании любимого, например: “Шел я лесом – песни пел, / В лесе раздавалось, / В лесе раздавалось, / Шамайка догадалась”. У В.И. Даля находим глагол *шамать*, одно из значений которого “шаркать ногами, ходить вяло, волочить ноги” [1].

Воспоминания о погибшем возлюбленном также отражаются в частушках, но на сей раз они проникнуты грустью и печалью: “Ягодиночка убит, / Убит – и не воротится. / На свидание ко мне / Теперь не потопится”.

Лексические средства диалектной речи, использующиеся для обозначения любимого, необычайно разнообразны, эмоционально-экспрессивно окрашены и показывают все богатство палитры выразительных средств, используемых для обозначения одного и того же понятия в говорах.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989–1991.